
Из коллекции Альфреда Хичкока
Роалд Дал
КРЫСОЛОВ

Роалд ДАЛ

КРЫСОЛОВ

Москва
«БОБОК»

Главный редактор **Ив. Логинов**
Ответственный секретарь **С. Котькало**
Художник **И. Андреева**
Технический редактор **Н. Александрова**

МИССИС БИКСБИ И ПОДАРОК ПОЛКОВНИКА

Америка — страна широчайших возможностей для женщин. Уже сейчас они являются владелицами примерно восьмидесяти пяти процентов всего достояния нации. А в скором времени они приберут его к рукам окончательно. Бракоразводный процесс, который просто оформить и еще проще забыть, превратился в золотоносную жилу, и корыстолюбивые самочки могут сколь угодно часто черпать из этого источника прибыли, доводя свои барыши до астрономических исчислений. Смерть мужа также приносит значительный доход, и некоторые дамы предпочитают полагаться на это средство. Они знают, что в один прекрасный день их ожидание будет вознаграждено: переутомление и гипертония сделают свое дело, и бедняга безвременно скончается за своим рабочим столом с пузырьком бензедрина в одной руке и коробочкой транквилизаторов в другой.

Сменяющие друг друга поколения молодых американцев отнюдь не обеспокоены грозной перспективой развода и смерти. Чем более грабительскими становятся условия развода, тем больше их это подстегивает. Юноши, не в силах дотерпеть даже до совершеннолетия, женятся, как мыши, и к тридцати шести годам многие из них успевают обременить свой финансовый баланс по меньшей мере двумя бывшими женами. Для того чтобы обеспечить существование этих особ, к чему последние привыкли, мужчины вынуждены вкалывать, как рабы, каковыми, в сущности, они и являются. Но вот, наконец, по мере приближения к подлинной зрелости, чувство разочарования и страха начинает потихоньку проникать в их сердца, и по вечерам они тянутся в клубы и бары, где, собираясь в теплые компании, пьют свое виски, глотают свои таблетки и пытаются ободрить друг друга «историями из жизни».

Основная фабула этих историй неизменна. Главных и обязательных персонажей в них трое: муж, жена и

сукин сын. Муж — человек достойный, прямодушный и великий труженик. Жена — существо хитрое, вероломное и порочное; в союзе с сукиным сыном она строит козни. Муж слишком благороден, чтобы ее подозревать. Он ни сном ни духом ни о чем не ведает. Так неужто же зло восторжествует, и бедный рогоносец останется слеп до конца дней своих? Пожалуй, что так. Но минуточку! Внезапно, одним блестящим маневром, муж одерживает победу, отплатив негодяйке ее же монетой. Жена обезоружена, посрамлена, унижена и чувствует себя дура дурой. Мужская аудитория в баре, слегка утешенная вымыслом, тихо улыбается.

Эти истории, чудные испарения грустного и мечтательного мира несчастных мужей, распространены повсеместно, но по большей части они слишком плоски для пересказа и чересчур пикантны для передачи на бумаге. Но вот, однако, история, выгодно отличающаяся от других, а именно тем, что является сущей правдой. Как средство утешения, она чрезвычайно популярна среди рогоносцев со стажем, и если вы являетесь одним из них, и если раньше вам не доводилось ее слышать, то вам должен понравиться ее итог. Называется эта история «Миссис Биксби и подарок Полковника» и звучит она приблизительно так:

Мистер и миссис Биксби жили в небольшой квартирке где-то в Нью-Йорк-сити. Мистер Биксби был дантистом с доходом в пределах среднего. Миссис Биксби была видной энергичной женщиной с чувственным ртом. Один раз в месяц, и только по пятницам, миссис Биксби отправлялась на Пенсильвания-стейшн, брала билет на дневной поезд и ехала в Балтимор проведывать свою старую тетушку.

Она оставалась у тетушки на ночь, а на следующий день возвращалась в Нью-Йорк и успевала приготовить для супруга ужин. Мистер Биксби благодушно относился к этим отлучкам. Он знал, что тетя Мод живет в Балтиморе и что жена очень привязана к старушке, да и было бы просто неразумно лишать их обоих удовольствия традиционных встреч.

— Ну, если ты не желаешь, чтобы я тебя сопровождал, то пока, — говорил поначалу мистер Биксби.

— Разумеется, нет, дорогой, — отвечала миссис Биксби. — В конце концов, это моя тетушка, а не твоя.

Ну вот и ладненько.

Но на самом-то деле, тетушка была для миссис Биксби не более чем удобным прикрытием. Сукин сын, воплотившись в джентльмена, известного как Полковник, таился, хитро посмеиваясь, в засаде, и героиня нашей истории проводила в компании этого мерзавца большую часть своих балтиморских выездов. Полковник был очень богат. Он жил в великолепном доме на окраине города. Свободного от семейных уз, его окружали лишь несколько незаметных и верных слуг, и в отсутствие миссис Биксби он развлекался верховой ездой и охотой на лис.

Год за годом, не давая сбоев, длилась между миссис Биксби и Полковником эта легкая, непритязательная связь. Они виделись так редко (двенадцать раз в году — это совсем немного, если хорошенько подумать), что у них попросту не было никакой возможности надоесть друг другу. Напротив, долгие перерывы между свиданиями только наполняли нежностью их сердца, и каждая новая встреча становилась праздником воссоединения.

— Ату ее! — кричал Полковник всякий раз, встречая ее на вокзале в своем шикарном лимузине. — Любовь моя, я почти забыл, как сногсшибательно ты выглядишь! Но поехали, спрячемся в нашей норке...

Так прошло восемь лет.

Приближалось Рождество. Миссис Биксби стояла на балтиморском вокзале, ожидая обратный поезд на Нью-Йорк. Это свидание, которое только что закончилось, было каким-то по-особому приятным, и потому настроение у нее было самым жизнерадостным. Впрочем, общение с Полковником всегда поднимало ей настроение. Этот человек мог заставить ее почувствовать себя совершенно иной, выдающейся женщиной, личностью, отмеченной тонкими, экзотическими талантами, обаянию которых невзоможно сопротивляться, — и как же далеко оказывался в это время дом с мужем-дантистом, который преуспел только в том, что принудил ее ощущать себя некоей разновидностью вечного пациента, бесшумно обитающего в приемной среди пожелтевших журналов и все реже вызываемого на пытку мелочно дозированного вспоможения от этих стерильных розовых рук.

— Полковник велел передать вам это, — раздался рядом чей-то голос. Она повернула голову и увидела Уилкинса, старого слугу Полковника, тщедушного кар-

лика с кожей землистого цвета. Он совал ей в руки широкую картонную коробку.

— Боже мой! — взволнованно воскликнула она. — Какая огромная коробка! Что это, Уилкинс? У вас есть какая-нибудь записка? Он передал мне записку?

— Нет, не передал, — сказал слуга и зашагал прочь.

Войдя в поезд, миссис Биксби немедля понесла коробку подальше от чужих глаз, в дамскую уборную. Какая приятная неожиданность — подарок Полковника к Рождеству! Она принялась развязывать бечевку. — Наверное, это платье, — предположила она вслух. — А может, даже два платья. Или целый ворох чудесного белья. Не буду смотреть. Лучше просто пощупаю и попытаюсь догадаться, что это такое. И даже попытаюсь угадать, какого оно цвета и фасона. Ну и сколько стоит, конечно.

Она сильно зажмурила глаза, медленно подняла крышку и опустила руку в коробку. Сверху лежала тонкая оберточная бумага, нежно зашуршавшая под ее ладонью. Здесь же она наткнулась на какой-то конверт или открытку, чему не придала значения, и, запустив руку под бумагу, принялась осторожно, словно насекомое усиками, ощупывать пальцами содержимое.

— Боже правый! — воскликнула она вдруг. — Этого не может быть!

Широко раскрыв глаза, она уставилась на шубу и тотчас, в молниеносном броске овладев ею, вытащила из коробки. Ласково прошелестела бумага, давая выход потоку гладкого сплошного меха, и, поднятая в полный рост, шуба оказалась такой восхитительной, что у миссис Биксби захватило дух.

Такой норки она раньше даже не видала. Неужели это норка? Да, без всякого сомнения. И какого изумительного цвета! — почти абсолютно черного. Так показалось ей сразу, но когда она поднесла шубу поближе к окну, то увидела синеватый оттенок, глубокий и насыщенный, как кобальт. Она быстро взглянула на этикетку. На ней значилось просто: дикая лабрадорская норка. И больше ничего, ни единого намека на то, где она была куплена и тому подобное. Но об этом, решила миссис Биксби, сам Полковник, должно быть, позаботился. Хитрый лис постарался замести за собой все следы. Молодец. Но сколько же, в самом деле, она может стоить? Страшно подумать. Четыре, пять, шесть тысяч долларов. А может, и того больше.

Она не могла оторвать глаз от шубы. И, разумеется, не примерить ее немедленно было выше ее сил. Прерывисто дыша от волнения, с восторженно округлившимися глазами, она мигом выскользнула из своего простого красного пальто. Но, силы небесные, что это был за мех! А эти широчайшие рукава с большими тяжелыми отворотами! Кто это говорил ей когда-то, что для рукавов используют шкурки самок, а для всего остального — самцов? Кто-то ей это говорил. Джоан Рутфилд, вероятно, хотя что эта Джоан может смыслить в норках!

Массивная черная шуба словно бы сама прыгнула на плечи миссис Биксби и пристала к ней, как вторая кожа. Ощущение было непередаваемое. Чудеса! Она посмотрелась в зеркало. Просто фантастика. Все ее существо преобразилось до основания. Богатство, великолепие, блеск, красота и чувственная роскошь — все одновременно было в женщине, смотревшей на нее из зеркала. А это сладостное ощущение власти и могущества! В такой шубе она может пойти, куда захочет, все будут скакать вокруг нее, как кролики. Да что там говорить, словами этого не выразишь.

Миссис Биксби взяла конверт, который все еще лежал в коробке, открыла его и вынула письмо от Полковника:

> Я помню, ты говорила когда-то, что тебе очень нравятся норковые шубы, ну так вот, получай. Мне сказали, что это хорошая вещь. Пожалуйста, прими ее, с моими лучшими пожеланиями, как прощальный подарок. По сугубо личным причинам я не смогу больше с тобой встречаться. Так что всего хорошего и прощай.

О!

Какой кошмар!

Как гром с ясного неба, когда она была так счастлива.

Полковника больше не будет.

Какой страшный удар.

Она будет ужасно по нему скучать.

Миссис Биксби начала задумчиво поглаживать мягкую черную поверхность шубы.

Вот уж действительно — никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь...

Она улыбнулась и свернула письмо, намереваясь

разорвать его и выкинуть в окно, но вдруг заметила на обратной стороне какую-то приписку.

P. S. Ты скажи там, что это твоя добрая тетушка подарила тебе к Рождеству.

Губы миссис Биксби, до этого момента растянутые в блаженной улыбке, сжались, как отпущенная резинка.

— Да он с ума сошел! — воскликнула она. — У тети Мод сроду не было таких денег. Она не могла бы мне подарить эту шубу.

Но если это не тетушкин подарок, то тогда чей же?

О Боже! За всем восторгом от обнаружения шубы и ее примерки она совершенно выпустила из виду этот жизненно важный момент.

Через пару часов она будет в Нью-Йорке. Еще через десять минут войдет в квартиру, где ее встретит муж; и даже у такого человека, как Сирил, этой флегмы, вяло существующей в своем мире зубных каналов, бикусов и кариесов, возникнут кое-какие вопросы, когда его жена пританцует вдруг с уик-энда в норковой шубе за шесть тысяч долларов.

«Вот что я дума, — сказала она мыслено, — я думаю, что проклятый Полковник сделал это специально, чтобы надо мной поиздеваться. Он прекрасно знал, что у тети Мод нет денег на такую шубу. Он знал, что я не смогу ее носить».

Но миссис Биксби уже не могла себе представить, как она расстанется с этим чудом.

— У меня будет эта шуба! — сказала она вслух. — У меня будет эта шуба! У меня будет эта шуба!

Ну хорошо, дорогая. У тебя будет эта шуба. Но только без истерики. Сядь, успокойся и подумай. Ты ведь умная девочка, правда? Тебе всегда удавалось его обмануть. Ты же знаешь, что у него никогда не хватало мозгов на что-либо еще, кроме своих дурацких анализов. Так что не дергайся, сядь и думай. Время еще есть.

Спустя два с половиной часа миссис Биксби сошла с поезда на Пенсильвания-стейшн и быстро направилась к выходу. На ней снова было ее старое красное пальто, а в руках она несла картонную коробку. Выйдя из вокзала, она остановила такси.

— Водитель, — сказала она, — вы не знаете здесь поблизости какого-нибудь ломбарда, который еще работает?

Таксист поднял брови, обернулся и окинул ее любопытным взглядом.

— На Шестой авеню сколько угодно, — ответил он.

— В таком случае, остановитесь у первого же, хорошо? — Она села, и машина тронулась.

Вскоре такси притормозило у ломбарда, над входом в который висели три медных шара.

— Подождите меня, пожалуйста, — сказала миссис Биксби водителю, выбралась из такси и вошла в ломбард.

На прилавке, согнувшись над белым блюдцем, сидел огромный кот и поедал рыбьи головы. Он сверкнул на миссис Биксби желтыми глазищами, сглотнул и вернулся к еде. Миссис Биксби остановилась у прилавка на безопасном расстоянии от кота и принялась рассматривать, что попадалось на глаза: часы, обувные пряжки, эмалевые броши, старый бинокль, разбитые очки и вставные челюсти. «И почему это они вечно закладывают свои челюсти?» — подумалось ей.

— Слушаю вас, — сказал хозяин, возникая из темных глубин ломбарда.

— А, добрый вечер, — сказала миссис Биксби. Она начала развязывать коробку; хозяин подошел к коту и погладил его по спине; кот продолжал поедать рыбьи головы.

— Представьте, какая глупость, — сказала миссис Биксби. — Где-то посеяла свой бумажник. А сегодня суббота, все банки до понедельника закрыты. Мне просто необходимо раздобыть денег на уик-энд. Это очень дорогая шуба, но мне не нужно много. Ровно столько, чтобы как-то перебиться до понедельника. А тогда я приду и выкуплю.

Хозяин выслушал ее молча. Но когда она вынула шубу и перебросила ее через прилавок, продемонстрировав все великолепие, его брови поползли вверх, и, отвлекшись от кота, он подошел. Взял шубу и, вытянув руки, поднял ее перед собой.

— Если бы у меня были с собой часы или кольцо, — сказала миссис Биксби, — то, конечно, я бы их заложила. Но, к сожалению, ничего, кроме этой шубы, у меня сейчас нет. — Она растопырила пальцы для подтверждения.

— Похоже, что новая, — сказал хозяин, любовно проводя ладонью по мягкому меху.

— О да, абсолютно. Но, как я уже сказала, мне много не нужно, только до понедельника. Как насчет пятидесяти долларов?

— Я дам вам пятьдесят долларов.

— Она стоит, конечно, в сто раз больше, но я надеюсь, что до понедельника у вас ничего с ней не случится.

Хозяин подошел к столу, достал из ящика залоговый билет и положил на прилавок. Билет напоминал бирку — одну из тех, что обычно привязывают к багажу, такой же формы и размера и из такой же плотной коричневатой бумаги. Отличием были только маленькие дырочки, разделявшие билет на две идентичные части.

— Имя? — спросил хозяин.

— Оставьте без имени. И адреса тоже не нужно.

Перо авторучки в нерешительности застыло над перфорированной линией.

— Но ведь совсем не обязательно записывать имя и адрес, не так ли?

Хозяин пожал плечами, неопределенно хмыкнул, и перо зависло над другой половиной билета.

— Нет, нет, ничего не пишите, — сказала миссис Биксби. — Это мое личное желание.

— В таком случае, не потеряйте билет.

— Не потеряю.

— Вы понимаете, что любой, у кого он окажется, сможет прийти и потребовать вашу вещь?

— Да, я знаю.

— По одному только номеру.

— Разумеется.

— Как вы хотите, чтобы я ее описал?

— Не нужно никаких описаний, спасибо. В этом нет необходимости. Просто поставьте залоговую сумму, и все.

Перо снова поколебалось, зависнув над дырочками рядом со словом «артикул».

— Я думаю, вам все же следует ее описать. Описание может понадобиться, если вы захотите продать билет. Кто знает, а вдруг вы захотите его продать?

— Я не собираюсь его продавать.

— А вдруг соберетесь? Многие так делают.

— Послушайте, — сказала миссис Биксби. — Если вы думаете, что я разорилась, то вы ошибаетесь. Я просто потеряла кошелек. Понятно?

— Ну тогда как хотите, — сказал хозяин. — Дело ваше.

И тут в голову миссис Биксби пришло одно неприятное соображение.

— Хм, — сказала она, — вот что. Если на билете не будет описания, то как я могу быть уверена, что вы отдадите мне мою шубу, а не что-нибудь другое?

— Я все заношу в реестр.

— Но ведь у меня-то только номер! Так что вы и впрямь сможете всучить мне любое старье, а?

— Ну так вы будете ее описывать или не будете? — спросил хозяин.

— Нет, — сказала она. — Я вам доверяю.

Хозяин написал «пятьдесят долларов» против слова «оценка» на обеих половинах билета, разорвал его по линии и послал нижнюю часть через прилавок. Затем он вытащил из внутреннего кармана пиджака свой бумажник и извлек из него пятьдесят долларов.

— Три процента ежемесячно, — добавил он.

— Хорошо. Благодарю вас. Вы ведь позаботитесь о ней, не правда ли?

Хозяин молча кивнул.

— Хотите, я снова положу ее в коробку?

— Не надо.

Миссис Биксби повернулась и вышла из ломбарда на улицу, где ее дожидалось такси. Через десять минут она была дома.

— Дорогой, — сказала она мужу, наклонившись его поцеловать. — Ты по мне соскучился?

Сирил Биксби отложил вечернюю газету и бросил взгляд на часы.

— Сейчас двенадцать с половиной минут седьмого. Тебе не кажется, что ты задержалась?

— Да, я знаю. Все из-за этих ужасных поездов. Привет тебе от тети Мод, как обычно. Умираю, хочу что-нибудь выпить, а ты?

Свернув газету в аккуратный прямоугольник и положив его на ручку кресла, мистер Биксби встал и подошел к буфету. Его жена задержалась в центре комнаты и, стаскивая перчатки, внимательно следила за ним, раздражаясь его медлительностью. Он стоял к ней спиной и отмерял порцию джина, согнув шею и приблизив лицо к мензурке, вглядываясь в нее, словно это был рот пациента.

Смешно, до чего же убогим он выглядел после Полковника.

Полковник был огромным и плотным, и вблизи от него всегда попахивало приправой из хрена. Этот же был маленьким, худым и невзрачным, и от него вообще

ничем не пахло, разве что мятными леденцами, которые он сосал, чтобы его дыхание было приятно пациентам.

— Смотри, что я купил для разливания вермута, — сказал он, поднимая стаканчик с цифровыми делениями. — Им можно отмерять с точностью до миллиграмма.

— Какая ты умница, дорогой.

Нет, в самом деле, нужно заставить его изменить стиль, подумала она. Эти его костюмы просто смехотворны. Было время, когда они казались ей превосходными, — щеголеватые пиджаки с высокими лацканами и шестью пуговицами по вертикали, — но теперь они смотрелись идиотски. То же самое — узкие брюки-дудочки. Чтобы носить такие вещи, нужно иметь особую внешность, не такую, как у Сирила. Когда его длинное, тощее лицо с узким носом и слегка выступающей челюстью маячило над одним из этих старомодных облегающих костюмов, весь он выглядел, как карикатура на Сэма Уэллера. А сам-то он, наверное, полагал, что похож на Бью Бруммеля. Как бы то ни было, но своих пациентов — женщин он встречал в кабинете с неизменно распахнутым халатом, чтобы они могли оценить его наряд, который, по всей видимости, должен был тонко намекать на то, что он еще может задать жару. Но миссис Биксби знала лучше. Все эти ухищрения ровным счетом ничего не значили. Он напоминал ей одряхлевшего павлина, важно вышагивающего по лужайке, расправив три жалких перышка, оставшиеся от хвоста. Или одно из тех нелепых самоопыляющихся растений, вроде одуванчика. Для получения семян одуванчик не нуждается в опылении, и все его ярко-желтые лепестки — лишь пустая трата времени, хвастовство, маскарад. Какой же для этого термин у биологов? Бесполый. Одуванчик — бесполый. Летнее потомство водяной блошки, между прочим, тоже. Нечто в духе Льюиса Кэрролла, кодумала она: водяные блошки, одуванчики и дантисты.

— Спасибо, дорогой, — сказала она, принимая мартини и усаживаясь на диван, положив сумочку на колени. — А ты чем занимался вчера вечером?

— Сидел у себя в кабинете и делал пломбы. Да еще оформлял кое-какие счета.

— Но в конце концов, Сирил, тебе давным-давно пора оставить эту тупую работу кому-нибудь другому. Для человека с твоим умом и положением это просто несолидно. Почему ты не поручишь пломбы технику?

— Я предпочитаю делать их сам. Пломбы — это моя гордость.

— Я знаю, дорогой, и не сомневаюсь, что они совершенно замечательным. Это самые лучшие пломбы в мире. Но мне не нравится, что ты себя перегружаешь. И вообще, почему эта твоя мисс Палтни не занимается счетами? Ведь это ее обязанность, не так ли?

— Она ими занимается. Но сначала я сам должен определить расценки. Она не в курсе платежеспособности моих пациентов.

— Отличный мартини, — сказала миссис Биксби, отставляя стакан на десертный столик. — Просто отличный.

Она открыла свою сумочку и вынула носовой платок, как будто для того, чтобы высморкаться.

— Ах да! — воскликнула она, увидев билет. — Совсем забыла тепе показать! Я нашла это на сиденье в такси. Здесь какой-то номер, и я подумала, может, это лотерейный билет или что-нибудь такое, ну и взяла.

Она протянула мужу жесткий коричневый листочек; он осторожно взял его и подверг минутному осмотру со всех углов, как осматривал бы сомнительный зуб.

— Ты знаешь, что это такое? — сказал он, растягивая слова.

— Нет, дорогой, не знаю.

— Это залоговый билет.

— Что?

— Билет из ломбарда. Вот здесь название и адрес: где-то на Шестой авеню.

— Ах, млиый, ты меня разочаровал! Я было понадеялась, что это билет на ирландскую распродажу.

— Не вижу причин для разочарования, — сказал Сирил Биксби. — По-моему, это очень даже забавно.

— Что же здесь забавного, дорогой?

Он принялся подробно объяснять, как действует залоговый билет, и особый упор сделал на том факте, что любой, у кого он в руках, может потребовать заложенную вещь. Миссис Биксби терпеливо выслушала его лекцию.

— Ты думаешь, стоит попытаться?

— Я думаю, что не стоит упускать шанс. Видишь, здесь написано: пятьдесят долларов. Понимаешь, что это означает?

— Нет, милый. А что?

— Это означает, что данный предмет стоит весьма приличных денег.

— Ты имеешь в виду эти пятьдесят долларов?

— Да нет, больше пятисот.

— Пятисот!

— Неужели до тебя не доходит? — сказал он. — Ростовщик никогда не дает больше десятой части реальной стоимости.

— Подумать только! Я понятия об этом не имела.

— Ты о многом не имеешь понятия, дорогая. А теперь слушай. Видишь, здесь нет ни имени, ни адреса владельца . . .

— Но неужели вообще нет никакого знака?

— Ни малейшего. Так многие делают. Допустим, если не хотят, чтобы кто-нибудь узнал о том, что они были в ломбарде. Стыдятся.

— Так ты думаешь, мы можем взять эту вещь?

— Ну конечно, можем. Ведь это теперь *наш* билет.

— *Мой* билет, — твердо сказала миссис Биксби. — *Я* его нашла.

— Душа моя, ну какая разница? Важно только то, что теперь мы можем взять этот билет, пойти и получить дорогую вещь всего за пятьдесят долларов. Как ты на это смотришь?

— Великолепно! — воскликнула она. — Это же страшно интересно, тем более когда не знаешь, чего ждать. Это может быть что угодно, правда, Сирил? Абсолютно что угодно!

— Не исключено, хотя скорей всего это будет кольцо или часы.

— А представь, если там окажется настоящее сокровище? Например, что-нибудь жутко старинное, какая-нибудь ваза или римская статуя.

— Не будем заниматься гаданием, дорогая. Надо пойти и все узнать.

— Мне кажется, это что-то фантастическое! Дай мне билет. Я в понедельник же утром помчусь туда и узнаю!

— Пожалуй, я лучше сам это сделаю.

— Нет! — воскликнула она. — Я сама!

— Не спорь. Я заеду в ломбард по дороге на работу.

— Но ведь это мой билет! Пожалуйста, Сирил, позволь мне это сделать! Ну почему ты один должен получить все удовольствие?

— Ты не знаешь этих ростовщиков, дорогая. А тебя вообще так просто обмануть.

— Меня не обманут, ну правда, не обманут! Пожалуйста, дай его мне.

— А еще у тебя должно быть пятьдесят долларов,— сказал он с улыбкой. — Ты должна заплатить наличными, иначе тебе ничего не отдадут.

— У меня есть деньги. — сказал она. — Кажется.

— И все же я не хотел бы, чтобы ты этим занималась.

— Но, Сирил, я нашла его. Он мой. Что бы там ни было, он мой, разве не так?

— Ну разумеется, он твой, дорогая. Зачем столько волнений по этому поводу?

— Я не волнуюсь. Просто немного возбуждена, вот и все.

— Похоже, тебе не приходит в голову, что это может оказаться чисто мужская вещь — карманные часы, например, или набор запонок. В ломбарды, между прочим, ходят не только женщины.

—В током случае, это будет тебе мой рождественский подарок, — великодушно заявила миссис Биксби.— Я буду только рада. Но если это женская вещь, я возьму ее себе. Договорились?

— Что ж, это справедливо. А почему бы тебе не пойти вместе со мной?

Миссис Биксби уже открыла рот сказать «да», но вовремя опомнилась. Ей совсем не улыбалось, чтобы владелец ломбарда поздоровался с ней, как со старой клиенткой в присутствии мужа.

— Нет, — сказала она, помедлив. — Мне уже не хочется. Да и ты знаешь, есть своя прелесть в том, чтобы остаться и ждать. Я очень надеюсь, что это не окажется что-либо никому из нас не нужное.

— Вот это ты верно заметила, — сказал мистер Биксби. — Я не стану ничего выкупать, если увижу, что на это не стоит тратить пятьдесят долларов.

— Но ведь ты сказал, что это должна быть ценная вещь.

— Я нисколько не сомневаюсь, что так и будет. Не волнуйся.

— О, Сирил, я сгораю от нетерпения! Все это так таинственно!

— Это забавно, — сказал он, опуская билет в карман жилета. — Очень даже забавно.

Наконец-то наступил понедельник, и после завтрака миссис Биксби проводила мужа до двери и помогла ему надеть пальто.

— Не перетруждайся, милый, — сказала она.

— Хорошо, не буду.

— Дома в шесть?

— Постараюсь.

— У тебя есть еще время заехать в ломбард?

— Боже, я совершенно забыл об этом! Ладно, возьму такси и заеду. Это по дороге.

— Ты ведь не потерял билет?

— Надеюсь, что нет, — сказал он, ощупывая жилетный карман. — Ага, вот он.

— А денег у тебя хватит?

— Хватит.

— Милый, — сказала она и, подойдя к нему вплотную, выровняла галстук, и без того висевший ровно. — Если там окажется что-нибудь хорошее, такое, что может мне понравиться, позвонишь мне сразу из кабинета?

— Пожалуйста, если ты так просишь.

— Хотя знаешь, мне очень хочется, чтобы там было что-нибудь для тебя, Сирил. Правда, очень хочется.

— Как ты добра, дорогая. Но мне пора бежать.

Спустя час, когда зазвонил телефон, миссис Биксби выказала такую прыть, что схватила трубку раньше, чем закончился первый сигнал.

— Дело сделано! — сказал мистер Биксби.

— Да?! И что же там, Сирил? Что-нибудь хорошее?

— Хорошее?! — воскликнул он. — Умопомрачительное! Ты закачаешься, когда увидишь!

— Милый, ну так что же это? Сейчас же скажи мне!

— Тебе фантастически повезло, вот что я тебе скажу.

— Значит, это что-то для меня?

— Ну конечно, для тебя. Хотя, чтоб я провалился, если понимаю, как можно было такое заложить за пятьдесят долларов. Какой-то сумасшедший, наверное.

— Сирил! Перестань испытывать мое терпение! Я этого не вынесу!

— Ты с ума сойдешь, когда увидишь.

— Что это?

— Угадай.

Миссис Биксби выдержала паузу. «Будь осторожна, — приказала она себе — Будь очень осторожна».

— Ожерелье, — сказала она.

— Холодно.

— Бриллиантовое кольцо.

— Ничуть не теплее. Я дам тебе намек. Это такое, что ты можешь носить зимой.

— Что я могу носить зимой? Какая-нибудь шапка?

— Нет, не шапка, — сказал он, смеясь.

— Ради всего святого, Сирил! Почему ты не говоришь?

— Потому что хочу сделать тебе сюрприз. И вечером ты его получишь.

— Никаких сюрпризов! — взорвалась она. — Я сию же минуту еду к тебе и все забираю!

— Я думаю, не стоит этого делать.

— Что за ерунда, дорогой. Почему я не могу приехать?

— Потому что я слишком занят. Ты сломаешь мне весь утренний график. Я и так уже на полчаса отстаю.

— Тогда я приеду в обеденный перерыв. Хорошо?

— У меня не будет перерыва. Хотя ладно, приезжай в половине второго, я съем сэндвич. Пока.

Ровно в половине второго миссис Биксби прибыла к месту работы мистера Биксби и позвонила. Ее муж в своем белом халате сам открыл ей дверь.

— О, Сирил! Я так волнуюсь!

— Ну-ну, успокойся. И однако ж, тебе фантастически повезло!

Он провел ее по коридору в хирургическую.

— Идите обедать, мисс Палтни, — сказал он ассистентке, укладывавшей инструменты в стерилизатор. — Закончите это, когда вернетесь.

Он подождал, пока девушка выйдет, подошел к стенному шкафу, в котором держал свою одежду, и остановился перед ним, вытянув указательный палец.

— Это здесь, — сказал он. — А теперь — закрой глаза.

Миссис Биксби подчинилась. Она глубоко вдохнула и задержала дыхание и в наступившей тишине услышала, как муж открыл шкаф и вытащил оттуда что-то, мягко прошумевшее между прочей одеждой.

— Все! Можешь смотреть!

— Ох, даже страшно, — сказала она со смехом.

— Ну тогда подсмотри.

Медленно, начиная хихикать, она чуть-чуть приоткрыла один глаз — ровно настолько, чтобы увидеть

размытую фигуру мужчины в белом, держащего что-то в высоко поднятой руке.

— Норка! — закричал он. — Настоящая норка!

При звуках этого магического слова глаза ее распахнулись, и одновременно вся она как бы подалась вперед, намереваясь заключить шубу в свои объятия.

Но никакой шубы не было. Вместо нее в руке мужа покачивалась желтая меховая горжетка.

— Вот, ты только полюбуйся! — сказал он, встряхнув этим убожеством перед ее лицом.

Миссис Биксби зажала ладонью рот и начала медленно пятиться. «Сейчас я заору, — подумала она. — Не могу. Сейчас заору».

— В чем дело, дорогая? Тебе не нравится?

Он прекратил трясти мехом и уставился на нее, ожидая, когда она заговорит.

— Нет... почему... — выдавила она. — Я... я... думаю... это прелестно... просто прелестно.

— У тебя, видать, голова от счастья кругом пошла?

— Да, конечно.

— Высочайшее качество, — сказал он. — И цвет отличный. Знаешь, что я думаю? Я думаю, что за такую вещь в магазине тебе пришлось бы выложить по меньшей мере две-три сотни.

— Не сомневаюсь.

Это были две норковые шкурки, две узкие паршивенькие шкурки с головами, глазами-бусинками и болтающимися лапками. В пасти одной норки был закушен свободный край другой.

— А ну-ка, — сказал он, — примерь. — Приблизившись, он надел горжетку ей на шею и отступил назад полюбоваться. — Великолепно. Тебе очень идет. Не у всякой женщины есть такие вещи, дорогая.

— Да, не у всякой.

— Ты, пожалуй, не надевай ее, когда будеь идти за покупками, не то подумают, что мы миллионеры, и начнут цену набавлять.

— Я постараюсь запомнить это, Сирил.

— И, кстати, не рассчитывай еще на какой-нибудь подарок к Рождеству. В любом случае, пятьдесят долларов и так слишком много — больше, чем я собирался на это потратить.

Он повернулся, подошел к умывальнику и начал мыть руки.

— А теперь беги, дорогая, и купи себе что-нибудь

вкусненькое. Я бы сам тебя проводил, да у меня в приемной сидит старик Гормэн со сломанным протезом.

Миссис Биксби повернулась и пошла к двери.

— «Я убью этого ростовщика, — думала она. — Сию же минуту еду в ломбард и швыряю ему в лицо эту мерзкую горжетку. Пусть только попробует не вернуть мне мою шубу. Задушу собственными руками!»

— Я сказал тебе, что буду сегодня поздно? — спросил Сирил Биксби, продолжая мыть руки.

— Нет.

— Судя по обстоятельствам, не раньше половины девятого. Или даже в девять.

— Хорошо. До вечера. — Миссис Биксби вышла, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Именно в этот момент мимо нее по коридору проплывала, уходя на обед, мисс Палтни, секретарь-ассистентка.

— Изумительный сегодня день, не правда ли? — сказала она, сверкнув белозубой улыбкой.

Необычайная легкость была в ее походке, облачко аромата витало вокруг нее, и выглядела она, как королева, как настоящая королева, одетая в великолепную норковую шубу — прощальный подарок Полковника миссис Биксби.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КАТАСТРОФА

Истинная история дела

— Все в полном порядке, — сказал доктор. — А сейчас откиньтесь и постарайтесь расслабиться. — Его голос возникал где-то вдали, за много миль отсюда; ей казалось, доктор кричит на нее. — У вас родился сын.

— Что?

— У вас замечательный сын. Понимаете меня? Просто замечательный! Вы слышали, как он кричит?

— С ним все хорошо, доктор?

— Конечно же, все хорошо.

— Пожалуйста, принесите его.

— Вам сейчас его принесут.

— Вы уверены, с ним все в порядке?

— Я совершенно уверен.

— Он все еще кричит?

— Попробуйте успокоиться. Нет причины для беспокойства.

— Почему он перестал кричать, доктор? Что-то случилось?

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Все в порядке.

— Я хочу его видеть. Прошу вас, принесите его.

— Милая фрау, — проговорил доктор, поглаживая ее руку. — У вас замечательный и очень здоровый малыш. Неужели вы мне не верите?

— Что это за женщина возле него? Что она делает?

— Малыша прихорашивают для свидания с вами, — сказал доктор. — Ему устраивают небольшое купание, и только. На это уж уделите нам немного времени.

— Вы клянетесь, что с ним все в порядке?

— Я клянусь в этом. А сейчас откиньтесь на подушку и расслабьтесь. Закройте глаза! Закройте-закройте!.. Вот так. Так-то лучше. Хорошая девочка...

— Я все молилась-молилась, доктор, чтобы он выжил...

— Конечно, он будет жить. Что вы такое говорите?!

— Другие не выжили...

— Что такое?

— Ни один из моих прежних не выжил, доктор.

Доктор стоял рядом с кроватью, глядя на бледное изнуренное лицо молодой женщины. До этого дня никогда прежде он не видел ее. Она и ее муж были новыми людьми в городе. Жена хозяина гостиницы, поднявшаяся в номер, чтобы помочь при родах, рассказала ему, что муж молодой женщины работал на местной приграничной таможне и что месяца три назад эта пара неожиданно прибыла в гостиницу, вещей-то с ними было — только сундук да небольшой чемодан. «Муж-то пьяница, — сказала жена хозяина гостиницы, — заносчивый, вздорный, грубый маленький пьяница, но молодая фрау кротка и набожна и еще очень грустна. Она никогда не улыбается. Представьте, за те недели, что она здесь, я ни разу не видела ее улыбки. По слухам, ее муж был уже дважды женат; одна жена умерла, другая развелась с ним по какой-то, знаете, темной причине. Но слухи есть слухи».

Доктор склонился и подтянул край покрывала чуть выше груди пациентки.

— Вам не из-за чего беспокоиться, — сказал он мягко. — У вас совершенно нормальный ребенок.

— Точно так же мне говорили и о других. Но я всех их потеряла, доктор. За последние восемнадцать месяцев я потеряла всех моих троих детей, поэтому вы не должны упрекать меня за мой страх.

— Троих?

— Этот — мой четвертый... за четыре года.

Доктор невольно переступил с ноги на ногу на голом полу.

— Вряд ли вы знаете, доктор, что значит потерять всех детей, всех троих, медленно, по отдельности, друг за другом. Я все время вижу их. И сейчас я могу увидеть лицо Густава так же ясно, как если бы он лежал здесь, рядом со мной. Густав был очень милым мальчиком. Но он все время болел. Это ужасно, когда дети все время болеют, и ты ничего не можешь поделать, чтобы помочь им.

— Я знаю.

Женщина открыла глаза и несколько мгновений вглядывалась в лицо доктора, потом снова смежила веки.

— Мою девочку звали Идой. Она умерла за несколько дней до Рождества. Это было всего четыре месяца тому назад. Знаете, доктор, мне сейчас захотелось, чтобы вы видели мою Иду.

— Теперь у вас новый ребенок...

— Но Ида была так красива!

— Да, — сказал доктор. — Я знаю.

— Как вы можете знать?! — воскликнула женщина.

— Я уверен, она была чудным ребенком. Но новорожденный столь же прелестен. — Доктор отвернулся и подошел к окну. Стоял дождливый апрельский день. Поперек улицы тянулись красные крыши домов. Крупные дождевые капли разбивались о черепицу.

— Иде было два года, доктор, ... и она была так прекрасна, что я прямо глаз не могла отвести от нее целый день — с той самой минуты, когда утром одевала, и до вечера, когда она опять успокаивалась в кроватке. Я все время жила в священном страхе за нее — как бы что-нибудь не случилось с моим ребенком. Густав умер и мой маленький Отто тоже, и она осталась для меня всем-всем... Иногда по ночам я вставала, подкрадывалась к колыбели, склонялась над ней низко-низко, — чтобы только убедиться, что она дышит.

— Постарайтесь отдохнуть, — проговорил доктор, снова подходя к кровати. — Пожалуйста, постарайтесь.

— Лицо женщины было совсем бледным; голубовато-серые тени лежали по окоему ноздрей и рта. Несколько ниспадавших влажных прядей приклеились к коже лба.

— Когда она умерла... Я была снова в положении, когда это произошло, доктор. Я была на четвертом месяце. «Я больше не хочу! — кричала я после похорон. Хватит с меня! Сколько можно хоронить детей!..» А мой муж... он разгуливал среди гостей с кружкой пива в руке... он вдруг обернулся ко мне и сказал: «У меня есть новость для тебя, Клара. Хорошая новость». Вы можете представить себе это доктор? Мы только что схоронили нашего третьего ребенка, а он стоит с кружкою пива в руке и говорит мне, что у него есть хорошая новость. «Сегодня я получил назначение в Браунау, — сказал он, — поэтому ты уже можешь начинать укладывать вещи. Это еще один шанс для тебя, Клара. Новое место. И новый доктор...»

— Прошу вас, не надо больше разговаривать.

— Но ведь вы *новый* доктор, правда ведь?

— Да.
— И мы именно в Браунау?
— Да, конечно.
— Мне страшно, доктор.
— Постарайтесь отогнать страх.
— Какие же шансы теперь могут быть у четвертого?!
— Вы не должны так думать.
— И я ничем не могу помочь... Я уверена, это что-то наследственное, что заставляет моих детей так вот умирать. Что-то должно быть.
— Что за бред!
— Знаете, доктор, что сказал мой муж, когда родился Отто? Он вошел в комнату и, заглянув в колыбель, сказал: «Почему же все мои дети непременно должны быть такими мелкими и хилыми?»
— Я уверен, он не говорил этого.
— Он сунул свою голову прямо в колыбель к Отто, как если бы выискивал мельчайших насекомых, и сказал: «Все же мне любопытно: отчего же не выходят экземпляры получше? Вот что любопытно». А через три дня после этого Отто умер. Мы быстро окрестили его на третий день, а в тот же вечер он умер. И потом умер Густав. И потом — Ида. Все они умерли, доктор... И вдруг весь дом стал пустым...
— Сейчас не следует думать об этом.
— И этот... тоже очень мал?
— Он нормальный ребенок.
— Но мал?
— Может быть, он немного и мал, но малорослые чаще всего значительно выносливее крупных. Только подумайте, фрау Гитлер, через год, в это же время, он уже почти научится ходить. Разве не счастье об этом думать!
Она ничего не ответила на это.
— А через два года он, вероятно, будет лопотать не переставая и сведет вас с ума своей болтовней. Вы уже подобрали ему имя?
— Имя?
— Да, имя.
— Не знаю, право... Не уверена. Помнится, муж сказал, что, если родится мальчик, назовем его Адольфус.
— Значит, Адольф.
— Да. Моему мужу нравится это имя, потому что оно сходно с Алоизом. Моего мужа зовут Алоиз.
— Замечательно.

— О нет!.. — воскликнула женщина, вдруг оторвав голову от подушки. — Все тот же вопрос!.. Они так же меня спросили, когда родился Отто. Это значит, он умрет. Надо скорее окрестить его!

— Но-но, — сказал доктор, мягко поддерживая ее за плечи. — Вы не правы. Клянусь вам, вы не правы. Я всего лишь любопытный старик, вот и все. Я люблю поговорить об именах. Я думаю, Адольфус — особенно славное имя. Оно одно из самых моих любимых. Поглядите-ка, а вот и он!

Держа ребенка над своей внушительной грудью, жена хозяина гостиницы плывущей походкой приблизилась к кровати.

— Вот он, вот он, маленький красавчик! — вся сияя, восклицала она. — Хотите подержать его дорогая? Или положить его рядом с вами?

— Он хорошо спеленут? — спросил доктор. — Здесь очень прохладно.

— Конечно же, хорошо.

Ребенок был туго свит белой шерстяной шалью, и только выглядывала крошечная розовая головка. Жена хозяина гостиницы опустила младенца на кровать рядом с матерью.

— Вот и он, — сказал она. — Теперь вы можете лежать и глядеть на него сколько душе угодно.

— Думаю, вы будете довольны им, — сказал с улыбкою доктор. — Он — прелестная крошка.

— У него самые миленькие на свете ручки! — воскликнула жена хозяина гостиницы. — Такие длинные изящные пальчики!

Но мать и не шелохнулась, она даже не повернула головы, чтобы взглянуть.

— Ну что же вы! — воскликнула жена хозяина гостиницы. — Он не укусит вас!

— Мне страшно взглянуть. Я не в силах поверить, что у меня еще один ребенок и с ним все хорошо.

— Не глупите!

Мать медленно повернула голову и взглянула на маленькое, неправдоподобно спокойное личико, покоящееся рядом с ней на подушке.

— Это мой ребенок?

— Ну конечно же!

— О! . О... Но как он прекрасен!

Доктор отвернулся и, подойдя к столу, принялся укладывать свои вещи в портфель. Мать лежала, глядя

во все глаза на ребенка, и улыбалась, и дотрагивалась до него, и приглушенно ахала от удовольствия. «Здравствуй, Адольфус, — шептала она, — здравствуй, мой маленький Адольф ...»

— Тссс! .. — сказала жена хозяина гостиницы. — Вы слышите?! Кажется, ваш муж ...

Доктор подошел к двери, открыл ее и выглянул в коридор.

— Господин Гитлер?

— Да.

— Входите, пожалуйста.

Маленький человек в темно-зеленой казенной форме мягко вступил в комнату и огляделся.

— Мои поздравления! — сказал доктор. — У вас сын.

Господин Гитлер носил пышные, тщательно ухоженные усы в духе императора Франца Иосифа; от него крепко несло пивом.

— Сын?

— Да.

— Как он?

— С ним все в полном порядке. Как и с вашей женой.

— Отлично. — Папаша развернулся и направился к кровати, вышагивая своим коротким, со смешной важностью, шажком.

— Ну что, Клара, — проговорил он, улыбаясь сквозь усы. — Как все прошло? Нормально? — Он наклонился, чтобы взглянуть на ребенка. Затем пригнулся еще ниже. Серией быстрых отрывистых движений он склонялся ниже и ниже, пока до головы ребенка не осталось всего нескольких вершков. Его жена сбоку глядела на него какими-то умоляющими глазами.

— У малыша пара прекрасных легких, — заявила жена хозяина гостиницы. — Вот бы вам послушать, как он орал при появлении на этот свет!

— Но Бог мой, Клара ...

— Что такое, дорогой?

— Но этот... он же еще меньше, чем Отто!

Доктор быстро шагнул вперед.

— Этот ребенок в полном порядке, — заявил он.

Отец медленно выпрямился и оборотился к доктору.

— Это неуместная ложь, доктор, — сказал он. — Мне известно, что это значит. Похоже, повторяется старая история!

— Послушайте-ка меня... — начал доктор.

— Но знаете ли вы, что случилось с остальными, доктор?

— Вам следует забыть о них, господин Гитлер. Дайте шанс этому.

— Он такой маленький и слабый!

— Но он только что появился на свет.

— Да хотя бы и так, но...

— Чего вы добиваетесь?! — вскричала жена хозяина гостиницы. — Своими речами свести его в могилу?

— Довольно! — резко бросил доктор.

Мать между тем заливалась слезами. Рыданья сотрясали ее тело.

Доктор подошел к папаше и опустил руку ему на плечо.

— Будьте добры к ней, — шепнул он. — Пожалуйста! Это очень важно. — Затем он сжал ему плечо и стал украдкой подталкивать к краю кровати. Папаша мешкал. Доктор сильнее сжал его плечо, сигналя пальцами. Наконец, с неохотой господин Гитлер склонился к жене и слегка коснулся губами ее щеки.

— Ладно, Клара, — сказал он. — Хватит плакать.

— Ах, Алоиз, я так молилась, чтобы он выжил.

— Да.

— Каждый день, все эти месяцы я ходила в церковь и на коленях вымаливала, чтобы этому уж дано было жить...

— Да, Клара, я знаю.

— Трое умерших детей — это мой предел, ты понимаешь?

— Конечно, конечно...

— Он *должен* жить, Алоиз. Он *должен*, *должен*.. Господи, будь же теперь милостив к нему...

МАТОЧНОЕ МОЛОЧКО

— Альберт, меня это страшно тревожит, — сказала миссис Тэйлор.

Она не отрывала взгляда от младенца, совершенно неподвижно лежащего на ее согнутой левой руке.

— Я просто чувствую, здесь что-то не так.

Кожа на личике ребенка полупросвечивалась, как перламутровая, туго обтянув кости.

— Попробуй еще раз, — сказал Альберт Тейлор.

— Все это бесполезно.

— Надо все же пытаться, Мейбл, — сказал он.

Из кастрюли с горячей водой она вынула бутылочку с молоком и вытряхнула несколько капель на тыльную сторону своего запястья, проверяя температуру.

— Ну, давай, — прошептала она, — давай, малыш. Просыпайся, надо немножко покушать.

Рядом на столе стояла лампа, и свет создавал вокруг женщины мягкий желтый ореол.

— Пожалуйста, — сказала она. — Ну хоть капельку еще.

Муж наблюдал за ней поверх своего журнала. Он видел, что жена полужива от усталости, а ее бледное овальное лицо, обычно серьезное и спокойное, сейчас искажало отчаяние. Но даже несмотря на это, очерк ее головы, когда она смотрела на ребенка, был удивительно хорош.

— Ну вот, видишь, — пробормотала она. — Все безтолку. Не хочет она есть.

ПЧЕЛЫ В МАЕ
МЕДОВАЯ КУЛИНАРИЯ
ПЧЕЛИНЫЙ ФЕРМЕР И ПЧЕЛИНАЯ
ФАРМАКОЛОГИЯ
ИЗ ОПЫТА БОРЬБЫ С НОЗЕМАТОЗОМ
ПОСЛЕДНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТОЧНОГО
МОЛОЧКА
НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ НА ПАСЕКЕ

ЦЕЛЕБНАЯ СИЛА ПРОПОЛИСА
ОТРЫГИВАНИЕ
ЕЖЕГОДНАЯ ВСТРЕЧА БРИТАНСКИХ ПЧЕЛОВОДОВ
ВЕСТИ АССОЦИАЦИИ

Всю свою жизнь Альберт Тейлор увлекался пчелами и всем, что с ними связано. Еще мальчишкой он часто ловил их голыми руками и прибегал домой, чтобы показать матери; иногда он даже сажал их себе на лицо и позволял насекомым ползать по щекам и шее. И поразительная вещь — они никогда не кусали его. Напротив, создавалось впечатление, что пчелам нравится находиться при нем. Они никогда не пытались улететь, и для того чтобы избавиться от них, ему приходилось бережно соскребывать их пальцами. Но даже и тогда они частенько возвращались и снова усаживались ему на локти, ладони или колени — куда угодно, где была оголена кожа.

Его отец, работавший каменщиком, как-то сказал, что мальчик, должно быть, испускает какую-то заклятую вонь, что через поры его кожи выходит какой-то ядовитый запах и что ничего хорошего из всей этой гипнотизирующей игры с насекомыми не выйдет. Мать же уверяла, что это дар Божий, и доходила даже до сравнения со святым Франциском и его «сестрицами птичками».

С возрастом увлечение Альберта Тейлора пчелами переросло в страсть, наваждение, и уже в двенадцать лет он построил свой первый улей. На следующее лето он отловил свой первый рой. Двумя годами позже, в четырнадцать, у него было уже пять ульев, стоявших вдоль изгороди на заднем дворике отцовского дома, и уже тогда — наряду с обычной процедурой получения меда — он занимался весьма тонким и сложным делом, связанным с выведением собственных пчеломаток, пересадкой личинок в искусственные ячейки и прочими вещами того же рода.

Он никогда не применял дым, когда находилась работа внутри улья, не надевал перчаток и не покрывал голову специальной сеткой. Было ясно, что между мальчиком и пчелами существовала какая-то странная симпатия, и скоро по всему поселку, в магазинах и пивных о нем стали говорить с определенным уважением, и люди приходили в дом Тейлоров, чтобы купить именно мед Альберта.

В восемнадцать лет он взял в аренду один акр довольно ухабистого пастбища в долине, примерно в миле от их поселка; участок подбирался к вишневому саду, там-то он и наладил собственное дело. Сейчас, одиннадцать лет спустя, он оставался на том же самом месте, разве что теперь у него было уже шесть акров земли, двести сорок хорошо оборудованных ульев и небольшой дом, который он построил в основном своими собственными руками. Женился он в двадцать, и брак этот, даже несмотря на то, что им пришлось девять лет ждать появления первого ребенка, тоже оказался удачным. И в самом деле, все у Альберта было в полном порядке, пока не родилась эта странная маленькая девчушка и не стала попросту сводить их с ума своим отказом как следует питаться и ежедневными потерями в весе.

Он оторвал взгляд от журнала и задумался о дочери.

Так, в этот вечер, например, когда она перед началом кормления открыла глаза, он заглянул в них и увидел нечто такое, что до смерти напугало его, — это был затуманенный, какой-то пустой взгляд, словно глаза ребенка никак не были связаны с мозгом и просто лежали в глазницах подобно двум маленьким серым кусочкам мрамора.

И понимали ли сами доктора, о чем они вели речь?

Он потянулся к пепельнице и стал кончиком спички неторопливо выковыривать остатки пепла из своей трубки.

Можно было, конечно, отвезти ее в другую больницу, в Оксфорд, например. Надо будет предложить Мэйбл этот вариант, когда он поднимется к ней.

Он все еще слышал у себя над головой ее шаги по спальне, но сейчас она, верно, сменила туфли на шлепанцы, потому что звук шагов был едва различим.

Он снова переключил внимание на журнал и продолжил чтение. Покончив со статьей, озаглавленной «Из опыта борьбы с нозематозом», он перевернул страницу и приступил к следующей, которая называлась «Последние исследования маточного молочка». При этом он весьма сомневался в том, что сможет обнаружить в ней нечто новое для себя.

Что представляет собой это чудесное вещество, которое называется маточным молочком?

Не отрываясь от чтения, он протянул руку к банке с табаком и стал набивать трубку.

Маточное молочко представляет собой секрет, выделяемый железами пчел-кормилиц и предназначенный для кормления личинок сразу после вылупливания из яиц. Процесс выработки данного вещества глоточными железами пчел во многом схож с функционированием молочных желез позвоночных. Сам по себе данный факт вызывает значительный биологический интерес, поскольку подобный процесс не отмечен ни у одного другого насекомого на земле.

«Все старье», — сказал он про себя, однако за неимением более подходящего занятия продолжил чтение.

Маточное молочко в концентрированном виде скармливается всем личинкам на протяжении первых трех дней после появления из яйца; по истечении данного срока все те из них, кому суждено стать трутнями или рабочими пчелами, начинают получать этот изысканный продукт сильно разбавленным медом и цветочной пыльцой. С другой стороны, те личинки, которым суждено стать пчеломатками, на протяжении всей стадии личиночного развития продолжают получать концентрат маточного молочка в чистом виде. Отсюда и происходит его название.

Шорох шагов в спальне у него над головой стих окончательно. Дом погрузился в тишину. Он чиркнул спичкой и поднес ее к своей трубке.

Маточное молочко представляет собой вещество, обладающее поразительными питательными свойствами, поскольку на одной лишь этой диете личинка медоносной пчелы всего за пять дней прибавляет в весе в полторы тысячи раз.

Возможно, так оно и есть, подумал он, хотя раньше ему по какой-то причине не приходилось оценивать рост личинок в единицах веса.

Таким образом, младенец весом в семь с половиной фунтов за это же время стал бы весить семь тонн.

Альберт Тейлор остановился и снова перечитал это предложение.

Потом еще, уже в третий раз.

Таким образом, младенец весом в семь с половиной фунтов...

— Мейбл! — воскликнул он, вскакивая из кресла. — Мейбл! Иди сюда!

Он прошел в холл и, остановившись у нижней ступеньки лестницы, снова позвал жену.

Ответа не последовало.

Он поднялся наверх и зажег свет на лестничной площадке. Дверь в спальню была закрыта. Он открыл дверь и остановился, вглядываясь в темноту комнаты. «А, Мейбл, пожалуйста, спустись ненадолго. У меня возникла одна идея. Это насчет нашего ребенка».

Лампа на лестничной площадке бросала слабый отблеск на кровать, и он не без труда разглядел, что жена лежит на животе, закинув над головой руки и уткнувшись лицом в подушку. Она снова плакала.

— Мейбл, — сказал он, подходя к ней и касаясь ее плеча. — Пожалуйста, спустись ненадолго. Это может оказаться важным.

— Уходи, — сказала она. — Оставь меня одну.

— И ты не хочешь знать, что я придумал?

— О, Альберт, я так устала, — всхлипнула женщина. — Я так устала, что даже толком уже не понимаю, что делаю. По-моему, я больше не выдержу. Я, наверное, не вынесу всего этого.

Повисла пауза. Альберт Тейлор отвернулся от жены и, приблизившись к колыбельке, в которой лежал младенец, стал внимательно всматриваться в него. Было слишком темно, чтобы разглядеть лицо девочки, но, наклонившись, он смог различить звук ее дыхания — очень слабый и торопливый.

— Когда время очередного кормления? — спросил он.

— Кажется, в два часа.

— А потом?

— В шесть утра.

— Я покормлю ее оба раза. А ты пойди поспи.

Она не ответила.

— Мейбл, укладывайся-ка в постель и постарайся сразу заснуть, ты меня поняла? И прекрати беспокоиться. На следующие двенадцать часов я все беру на себя. В противном случае при таком режиме у тебя произойдет нервный срыв.

— Да, — ответила женщина, — я знаю.

— Я вместе со своим пенсне, а заодно и с будильником немедленно отправляюсь в свободную комнату, так что ложись, расслабься и постарайся вообще забыть о нас. Договорились? — Он уже начал выкатывать колыбель из комнаты.

— О, Альберт! — снова всхлипнула жена.

— Ни о чем не беспокойся. Оставь все мне.

— Альберт...

— Да?

— Я люблю тебя, Альберт.

— Я тоже люблю тебя, Мейбл. А сейчас ложись спать.

В следующий раз Альберт Тейлор увидел жену лишь на другой день в одиннадцать часов утра.

— Боже правый! — воскликнула она, бросаясь вниз по лестнице прямо в ночной рубашке и шлепанцах. — Альберт! Да ты посмотри, сколько сейчас времени! Я же проспала не меньше двенадцати часов! Все в порядке? Что случилось?

Он спокойно сидел в своем кресле, курил трубку и читал утреннюю газету. Ребенок лежал в некоем подобии переносной люльки, стоявшей у его ног, и спал.

— Привет, дорогая, — с улыбкой проговорил он.

Она подбежала к люльке и заглянула внутрь. — Альберт, она что-нибудь поела? Сколько раз ты ее кормил? Очередное кормление должно было быть в десять часов, ты знал об этом?

Альберт Тейлор неторопливо сложил газету вчетверо и отложил ее на столик сбоку от себя.

— Я кормил ее в два часа ночи, и она съела не больше половины унции. Потом покормил еще раз в шесть, и на этот раз она поела лучше, уже две унции...

— Две унции! О, Альберт, но это же чудесно!

— А последнюю процедуру мы закончили всего десять минут назад. Бутылочка там, на камине. Осталась всего одна унция. А она скушала три. Ну как? — Он гордо улыбался, явно довольный своим достижением.

Женщина быстро опустилась на колени и уставилась на младенца.

— Ты не находишь, что она похорошела? — неторопливо спросил он. — И личико округлилось, правда ведь?

— Это может показаться глупым, — ответила жена, — но мне кажется, так оно и есть. О, Альберт, ты просто чудо! Как тебе это удалось?

— Кризис проходит, — ответил он. — Вот и все. Как и предсказывал доктор, кризис проходит.

— Молю Бога, Альберт, чтоб ты оказался прав.

— Ну конечно же, я прав. А теперь твоя смена.

Женщина с любовью смотрела на ребенка.

— Да и ты, Мейбл, тоже выглядишь гораздо лучше.

— Я себя чувствую просто великолепно. Извини за вчерашнее.

— Давай вот как договоримся, — сказал он. — Я буду кормить ее по ночам, а ты — в дневное время.

Она посмотрела на него поверх колыбельки и нахмурилась.

— Нет, — сказала Мейбл, — я не могу позволить тебе это.

— Но Мейбл, я не хочу, чтобы ты довела себя до нервного срыва.

— Теперь, когда я выспалась, его уже не будет.

— Но ведь гораздо легче, когда мы делим сутки.

— Нет, Альберт. Это моя обязанность, и я намерена сама справляться с ней. Прошлый вечер больше не повторится.

Возникла пауза. Альберт Тейлор вынул трубку изо рта и исследовал содержимое чубука.

— Хорошо, — сказал он. — В таком случае я освобожу тебя от черновой работы и возьму на себя стерилизацию и подготовку смеси, ну, в общем, чтобы все было готово. Ведь так тебе будет легче, правда?

Она внимательно посмотрела на него, гадая, что это так неожиданно нашло на ее супруга.

— Видишь ли, Мейбл, я все думал... Думал о том, что вплоть до этого самого вечера даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь тебе с ребенком.

— Но это же не так.

— Именно так. И поэтому я решил, с этого момента непременно буду выполнять свою часть забот о малышке. Я стану готовить смеси и стерилизовать бутылочки. Договорились?

— Очень мило с твоей стороны, дорогой, но я и правда считаю, в этом нет особой необходимости...

— Да ты что! — воскликнул он. — Не спугни удачу! Я проделал все это три последних раза, и посмотри, как все вышло! Когда следующее кормление? В два часа, так?

— Да.

— Смесь готова, — сказал он. — Все смешано и готово. Тебе остается лишь, когда подойдет время, сходить в кладовку, взять бутылочку с полки и разогреть ее. Хоть какая-то польза от меня, ты не находишь?

Женщина поднялась с колен, подошла к мужу и поцеловала его в щеку.

— Ты у меня такой славный, — сказала она. — С каждым днем... узнавая тебя, я люблю тебя больше и больше.

Позже, уже в середине дня, когда Альберт работал на солнцепеке с ульями, он услышал, как жена из дому зовет его.

— Альберт! — прокричала она. — Альберт, иди сюда! — Она бежала к нему по полю лютиков.

Он бросился ей навстречу, недоумевая, что же могло случиться.

— О, Альберт! Ты ни за что не догадаешься!

— Что такое?

— Я только что закончила двухчасовое кормление, и она съела все!

— Не может быть!

— До последней капли! О, Альберт, я так счастлива! Она обязательно поправится! Как ты и сказал, кризис проходит! — Она бросилась к нему, обхватила руками за шею и обняла, а он похлопал ее по спине, засмеялся и сказал, какая она чудная маленькая мамаша.

— Хочешь в следующий раз сам сходить и посмотреть, как она управится с очередной порцией?

Он сказал, что ни за что не упустит такого случая, и она снова обняла его, потом повернулась и побежала к дому, припрыгивая и что-то напевая.

Вполне естественно, что ко времени шестичасового кормления в воздухе как бы зависла тень некоторого беспокойства. Уже в половине шестого оба родителя сидели в гостиной в ожидании долгожданного момента. Бутылочка с молочной смесью стояла на камине, в кастрюльке с теплой водой. Дитя мирно спало в переносной люльке, поставленной на диване.

В без двадцати шесть девочка проснулась и огласила комнату своим криком.

— Ну вот! — воскликнула миссис Тейлор. — Она просит свою бутылочку. Альберт, быстренько подними малышку и дай мне. Но сначала дай бутылку.

Он дал ей бутылочку, после чего положил младенца на колени матери. Очень осторожно она прикоснулась концом соски к губам ребенка. Тот мгновенно ухватил деснами резиновый сосок и принялся жадно, с силою, сосать.

— О, Альберт, посмотри, как чудесно, правда ведь? — со смехом проговорила женщина.

— Это восхитительно, Мейбл.

За семь или восемь минут все содержимое бутылки исчезло в горле младенца.

— Умница, — проговорила миссис Тейлор. — Снова четыре унции.

Альберт Тейлор, сидя в кресле, наклонился вперед и стал внимательно всматриваться в лицо ребенка.

— Ты знаешь, — сказал он, — мне даже кажется, что она и в весе прибавила. Что ты думаешь по этому поводу?

Мать посмотрела на дитя.

— Мейбл, тебе не кажется, что по сравнению со вчерашним днем она покрупнела и даже потолстела?

— Может и так, Альберт. Я, правда, не уверена. Хотя едва ли за столь короткий срок могут быть реальные изменения. Главное, она снова стала нормально есть.

— Она миновала кризис, — сказал Альберт. — Думаю, тебе можно уже не беспокоиться на ее счет.

— Это уж точно.

— Альберт Тейлор! Как ты мог?

— Не надо так волноваться, — сказал он. — Я все тебе расскажу, если ты действительно этого хочешь, только ради всего святого держи себя в руках.

— Пиво! — воскликнула она. — Я знаю, это было пиво!

— Мейбл, пожалуйста, не говори глупости.

— Что же тогда?

Альберт аккуратно положил трубку на столик рядом с собой и откинулся на спинку кресла.

— Скажи, — проговорил он, — тебе никогда по какой-нибудь случайности не приходилось слышать от меня ничего относительно того, что называется маточное молочко?

— Нет.

— Это волшебство, — сказал он. — Чистое волшебство. И вчера вечером мне неожиданно пришла в голову мысль о том, что если я подмешаю небольшое его количество к молоку ребенка...

— Да как ты посмел!

— Но послушай, Мейбл, ты даже не знаешь, что это такое.

— Меня не интересует, что это такое, — ответила женщина. — Ты не можешь подмешивать посторонние продукты в молоко такого крохотного младенца. Да ты с ума сошел.

— Оно абсолютно безвредно, Мейбл, иначе я никогда бы не пошел на это. Его производят пчелы.

— Я так и поняла.

— Кроме того, оно настолько дорогое, что практически никто не может позволить себе им воспользоваться. Но даже если и могут, то только по капле.

— Могу я спросить, сколько же ты дал нашему младенцу?

— Так вот, — проговорил он, — в этом-то как раз весь вопрос. Именно здесь основное различие. Я полагаю, что за последние четыре кормления наш ребенок проглотил маточного молочка примерно в пятьдесят раз больше, чем любой из когда-либо живших на земле людей. Ну, как тебе это?

— Альберт, может ты прекратишь разыгрывать меня?

— Я клянусь в этом, — с гордостью произнес он.

Она сидела и смотрела на него, ее бровь надломилась, рот слегка приоткрылся.

— Мейбл, тебе известно, сколько стоит это вещество, если бы ты вздумала купить его? Одно предприятие в Америке прямо сейчас предлагает купить у него это молочко по цене пятьсот долларов за однофунтовую банку! Пятьсот долларов! Это же дороже золота, понимаешь ты это?

Она не имела ни малейшего представления, о чем он говорит.

— Я докажу это, — сказал он, выскакивая из кресла и бросаясь к книжным полкам, где хранилась его литература о пчелах. На самой верхней полке были аккуратно сложены номера «Американского журнала о пчелах», рядом лежали экземпляры «Британского журнала о пчелах и пчеловодстве», а также другие наименования. Он взял последний номер американского журнала и нашел страницу с маленьким рекламным объявлением.

— Вот, — сказал он. — Как я тебе и говорил. «Мы продаем маточное молочко — оптовая цена 480 долларов за однофунтовую банку».

Он протянул жене журнал, чтобы та сама прочла объявление.

— Сейчас-то ты веришь мне? Такой магазин действительно существует в Нью-Йорке, Мейбл. Об этом так и говорится.

— Но здесь ничего не говорится о том, что ты мо-

жешь добавлять его в молоко практически новорожденного младенца. Я не понимаю, Альберт, что такое нашло на тебя, просто не понимаю.

— Но ведь оно помогло ей, не так ли?

— Сейчас я уже в этом не уверена.

— Мейбл, только не веди себя так глупо. Все-то ты прекрасно знаешь

— Почему же другие люди не дают его своим младенцам?

— Еще раз повторяю, — сказал он. — Оно слишком дорого. Практически никто на свете не может позволить себе покупать маточное молочко для еды — разве что один-два мультимиллионера. Его покупают лишь крупные компании, производящие косметические кремы для лица и тому подобное. Они используют его как приманку. Добавляют малую капельку молочка к большой банке крема и потом продают по баснословным ценам. Говорят, это разгоняет морщины.

— В самом деле?

— Ну откуда, Мейбл, я могу это знать? В любом случае, — проговорил он, возвращаясь к креслу, — речь идет не об этом. Речь о другом. Буквально за несколько последних часов оно принесло нашему ребенку такую пользу, что, по-моему, мы и впредь должны давать ему его. Мейбл, пожалуйста, не перебивай, дай мне закончить. Сейчас у меня двести сорок ульев, и если я хотя бы сто из них пущу на производство маточного молочка, то тем самым наверняка удовлетворим потребности нашей дочки.

— Альберт Тейлор, — проговорила женщина, устремляя на мужа взгляд широко раскрытых глаз — Ты что, с ума сошел?

— Но ты только послушай меня, прошу, послушай.

— Я запрещаю тебе это, — сказала жена, — раз и навсегда. Ты больше не даешь моему ребенку ни единой капли этого мерзкого молочка, ты меня понял?

— Но Мейбл...

— Трутни — это мужские особи. Нас они сейчас не интересуют. Рабочие же пчелы — особи женские; матка, естественно, также принадлежит к их числу. Однако рабочие пчелы являются, если так можно выразиться, бесполыми женскими особями. Их половые органы совершенно неразвиты, тогда как матка, напротив, неимоверно плодовита. За один-единственный день она может отложить столько яиц, сколько весит ее тело.

Он чуть замешкался, собираясь с мыслями.

— Итак, происходит следующее. Матка ползает по сотам и откладывает яйца в то, что мы называем ячеей. Ну, ты видела эти маленькие отверстия в сотах? Так вот, гнездовые соты — это почти то же самое, с той лишь разницей, что меда в них нет — одни яйца. Матка откладывает по одному яйцу в каждую ячею, и за три дня каждое яйцо превращается в крохотную личинку. Мы называем ее черва.

— Теперь, как только появляется эта самая черва или личинка, пчелы-кормилицы — это молодые рабочие пчелы — собираются кругом и как сумасшедшие начинают ее кормить. И ты знаешь, чем они ее кормят?

— Маточным молочком, — терпеливо сказала Мейбл.

— Правильно! — воскликнул он. — Именно им-то они ее и кормят. Вещество это вырабатывается специальной железой, расположенной у них в голове, и именно его они закачивают в ячейки в качестве продукта питания личинок. А что происходит потом?

Он сделал драматическую паузу, глядя на нее своими помаргивающими, маленькими, серовато-водянистыми глазками. Затем он неторопливо повернулся в кресле и достал журнал, тот самый, что читал накануне вечером.

— Хочешь знать, что происходит потом? — спросил он, облизывая губы.

— Жду не дождусь.

— «Маточное молочко, — прочитал он вслух, — является веществом с необыкновенно питательными свойствами, ибо на одной лишь подобной диете личинка рабочей пчелы всего лишь за пять дней увеличивается в весе до полутора тысяч раз!»

— Сколько?

— Полторы тысячи раз, Мейбл. Представляешь себе, что это значит применительно к человеку? Так вот, — он понизил голос и подался вперед, вперив в нее взгляд своих маленьких бледных глаз, — это означает, что за пять дней ребенок с начальным весом в семь с половиной фунтов достигает веса в пять тонн!

Миссис Тейлор во второй раз прекратила свое вязание.

— Но, Мейбл, не надо воспринимать все это так буквально.

— Это почему же?

— Ну, просто так принято выражаться в научных кругах.

— Очень хорошо, Альберт, продолжай.

— Но это лишь половина моего рассказа, — сказал он. — Самое интересное впереди. Я еще не рассказал тебе про поистине поразительное свойство маточного молочка. Сейчас я тебе объясню, каким образом оно может превратить бесцветную и некрасивую маленькую рабочую пчелу, практически лишенную половых органов, в прекрасную, большую и способную к размножению пчеломатку.

— Ты хочешь сказать, что наш ребенок бесцветен и некрасив? — резко спросила она.

— Мейбл, пожалуйста, не надо говорить за меня. Ты только послушай. Известно ли тебе, что и пчеломатка, и рабочая пчела, несмотря на их абсолютную непохожесть во взрослом возрасте, вылупляются из одного и того же вида яиц?

— Я не могу в это поверить, — сказала жена.

— Мейбл, это так же верно, как и то, что я сейчас сижу перед тобой, честное слово. И всякий раз, когда пчелам надо, чтобы из яйца вылупилась пчеломатка, они вполне могут это сделать.

— Каким образом?

— О, — проговорил он, покачивая пальцем в ее направлении, — Именно к этому я и веду. В этом-то весь секрет. Итак, Мейбл, как ты считаешь, благодаря чему становится возможным подобное чудо?

— Благодаря маточному молочку, — ответила женщина. — Ты мне уже говорил.

— Вот именно, маточному молочку! — воскликнул он, хлопая в ладоши и подпрыгивая в кресле. Сейчас его большое круглое лицо сияло от возбуждения, а на верхней части щек проступили ярко-красные пятна.

— Вот как все это происходит. Я постараюсь изложить все это тебе с максимальной простотой. Пчелам требуется новая матка. Тогда они строят особенно большую ячею, мы ее называем маточной ячеей, и делают так, чтобы старая матка отложила туда одно из своих яиц. Остальные тысячу девятьсот девяносто девять яиц она откладывает в обычные рабочие ячеи. Далее. Как только из этих яиц вылупляются личинки, пчелы-кормилицы начинают суетиться и подносить туда маточное молочко. Его получают все — как рабочие пчелы, так и матка. Но здесь, Мейбл, есть одно крайне важное обстоятельство, поэтому слушай внимательно. В этом и заключается вся разница. Червы рабочих пчел получают

это особое чудесное питание лишь в течение первых трех дней своей жизни в стадии личинки. Затем их диета полностью меняется. Их, в сущности, отлучают от этой пищи, хотя этот процесс весьма специфичен, поскольку происходит резко, внезапно. По истечении трех дней их сажают на более или менее регулярную пчелиную диету — смесь меда и цветочной пыльцы — и примерно две недели спустя они покидают улей уже как взрослые рабочие пчелы.

Совершенно иначе обстоят дела с маточной ячеей! В нее маточное молочко поступает на протяжении всей стадии личиночного развития. Пчелы-кормилицы попросту закачивают его в ячею, в результате чего маленькая черва буквально плавает в нем. И именно благодаря этому она превращается в пчеломатку!

— Ты не можешь этого доказать, — сказала жена.

— Мейбл, пожалуйста, не говори глупости. Тысяча людей многократно уже доказали это, известные ученые едва ли не всех стран мира подтвердили данный факт. Все, что требуется проделать, — это извлечь черву из рабочей ячеи и поместить ее в маточную ячею — мы называем это прививкой — и, если пчелы-кормилицы в достаточной степени снабжают ее маточным молочком, мы получаем — гоп-ля! — ее превращение в пчеломатку! Но все это выглядит еще более поразительным потому, что между взрослыми рабочими пчелами и пчеломаткой существуют громадные, невероятные различия. У них совершенно разная конфигурация брюшка, разное жало, разные ноги, разн...

— А что с ногами? — спросила она, явно проверяя его.

— С ногами? Ну, у рабочих пчел на ножках имеются маленькие «корзиночки», в которых они переносят пыльцу. У матки таких «корзиночек» нет. Но это не все. У пчеломатки имеются вполне развитые половые органы, которые отсутствуют у рабочих пчел. Но самое поразительное из всего этого, Мейбл, это то, что пчеломатка в среднем живет от четырех до шести лет, а жизнь рабочей пчелы не насчитывает даже такого числа месяцев. И все эти различия имеют место лишь потому, что кто-то получал маточное молочко, а кто-то нет!

— Трудновато поверить, — заметила женщина, — что все это происходит исключительно из-за разницы в питании.

— Ну конечно же — трудно в это поверить. Это еще одно из чудес улья. По сути дела, это самое значительное и яркое из этих чудес. Масштабы этого чуда столь грандиозны, что оно на многие сотни лет сбивало с толку величайшие научные умы. Подожди минутку, побудь здесь, никуда не уходи.

Он снова вскочил с кресла и бросился к книжным полкам, где начал копаться среди лежащих на них книг и журналов.

— Я хочу показать тебе несколько подобных статей. Вот, нашел. Это одна из них. Послушай, — он начал читать вслух статью из **«Американского журнала о пчелах»**: — «Проживая в Торонто и возглавляя прекрасную исследовательскую лабораторию, предоставленную ему канадским народом в знак признания его поистине грандиозных заслуг перед человечеством благодаря открытию инсулина, доктор Фредерик Бантинг заинтересовался проблемой маточного молочка. Он поручил своим сотрудникам провести всесторонний фракционный анализ . . .»

Он сделал паузу.

— Ну, все это читать незачем, однако что из этого вышло? Доктор Бантинг и его сотрудники взяли пробу маточного молочка из маточных ячей, в которых находились двухдневные личинки, и подвергли его анализу. И как ты считаешь, что они обнаружили?

— Они обнаружили, — продолжал он, — что маточное молочко содержит фенолы, стеролы, глицерины, декстрозу и — вот это место — и от восьмидесяти до восьмидесяти пяти процентов **неидентифицированных** кислот!

Он стоял с журналом в руках рядом с книжной полкой, на его губах гуляла забавная полуулыбка торжества; жена с изумлением смотрела на него.

Он не был высоким мужчиной; его толстое, пухлое, мясистое тело крепилось невысоко над землей на коротких и к тому же кривоватых ножках. Голова была громадной и круглой, с покрытой жесткими, коротко остриженными волосами, а значительную часть лица — он совсем перестал бриться — покрывал коричневато-желтый пушок примерно в дюйм толщиной. Едва ли можно было отрицать тот факт, что вид у него, с какой стороны ни посмотреть, был довольно нелепый.

— От восьмидесяти до восьмидесяти пяти процентов, — повторил он, — неидентифицированных кислот,

фантастика! — Он повернулся к полкам и стал снова копаться в стопках журналов.

— Что это значит — неидентифицированные кислоты?

— В этом-то все и дело! Этого никто не знает! Даже Бантингу не удалось это выяснить. Ты слышала о Бантинге?

— Нет.

— Пожалуй, сейчас он является самым известным из живущих на свете докторов, вот и все.

Глядя сейчас на него, снующего перед книжными полками, на его жесткие волосы, волосатое лицо и толстое, пухлое тело, она не могла избавиться от мысли, что каким-то странным образом этот человек напоминает ей пчелу. Ей часто приходилось видеть женщин, походивших на лошадей, на которых они ездили, и она замечала, что люди, разводившие птиц, бультерьеров или болонок нередко имели в своей внешности пусть небольшое, но разительное сходство со своими питомцами. Однако до настоящего момента ей как-то не приходила в голову мысль о том, что ее муж может походить на пчелу. Это даже немного потрясло ее.

— А Бантинг не пытался принимать внутрь это вещество? Ну, маточное молочко? — спросила женщина.

— Знаешь что? — проговорила она, продолжая смотреть на него с легкой улыбкой. — Ты и сам чуточку похож на пчелу, ты этого не замечал?

Он повернулся и посмотрел на жену.

— Наверное, это в основном из-за бороды, — сказала жена. — Мне бы хотелось, чтобы ты ее сбрил. У нее даже цвет какой-то пчелиный, ты не находишь?

— Что за чертову ерунду ты несешь, Мейбл?

— Альберт, следи за своей речью.

— Ты будешь слушать дальше или нет?

— Да, дорогой, извини меня. Я просто пошутила. Продолжай.

Он снова повернулся, вытянул с полки еще один журнал и принялся листать страницы.

— А теперь, Мейбл, послушай вот это. «В 1939 году Хейл проводил эксперименты с трехнедельными крысами, вводя им различные количества маточного молочка. В итоге, ему удалось обнаружить преждевременное фолликулярное развитие яичников, степень выраженности которого находилась в прямой зависимости от количества введенного вещества».

— Вот! — воскликнула женщина. — Я знала это!
— Что ты знала?
— Знала, что произойдет нечто ужасное.
— Ерунда. В этом нет ничего необычного. А вот, Мейбл, еще: «Стилл и Бердетт обнаружили, что мужские особи крыс, которые до этого оказывались неспособными к размножению, после ежедневных мельчайших инъекций маточного молочка в дальнейшем неоднократно давали потомство».
— Альберт, — воскликнула женщина, — но это слишком сильное вещество, чтобы давать его младенцу! Не нравится мне все это.
— Чепуха, Мейбл.
— Но тогда скажи мне, почему они опробовали его только на крысах? Почему никто из этих выдающихся ученых сам не попробовал принять его внутрь? Просто они слишком умные, вот и все. Ты что, действительно думаешь, что доктор Бантинг стал бы рисковать своими драгоценными половыми органами? Только не он.
— Но они давали его людям, Мейбл. Вот статья, целиком посвященная этому. Послушай. — Он перевернул страницу журнала. — «В 1953 году в Мехико группа известных физиологов стала использовать мельчайшие дозы маточного молочка при лечении таких болезней, как церебральный неврит, артрит, диабет, табачная интоксикация, импотенция, астма, круп и подагра. Имеется масса официальных свидетельств... Известный биржевый маклер из Мехико заболел крайне трудноизлечимой формой псориаза. Это пагубно отразилось на его внешности, клиентура перестала иметь с ним дело, он терпел убытки в своем бизнесе. В отчаянии он обратился к маточному молочку — по одной капельке к каждому приему пищи — и, о чудо! — уже через две недели он полностью выздоровел. Официант из кафе «Йена» из того же Мехико сообщил, что его отец, принимавший это чудесное вещество в минимальных дозах в капсулах, в девяностолетнем возрасте зачал вполне здорового ребенка. Импресарио бычьих боев из Акапулько, обнаруживший, что ему достался довольно-таки вялый, сонного вида бык, ввел ему один грамм маточного молочка (избыточно большая доза) перед самым выходом на арену. В результате этого животное стало вести себя столь энергично и агрессивно, что быстро расправилось с двумя пикадорами, тремя лошадьми, матадором, а под конец...»

— Послушай, — сказала миссис Тейлор, прерывая мужа. — Кажется, наше дитя плачет.

Альберт оторвал взгляд от журнала. Да, несомненно, из спальни наверху доносились громкие крики.

— Проголодалась, наверное, — предположил он.

Жена посмотрела на часы.

— Боже праведный! — воскликнула она, вскакивая на ноги. — Чуть не прозевали очередное кормление! Альберт, быстренько приготовь смесь, а я пока пойду принесу ее! Только поспеши! Не хочу, чтобы она ждала.

Уже через полминуты миссис Тейлор вернулась обратно, неся на руках кричащего младенца. Сейчас она снова волновалась, поскольку не успела еще привыкнуть к этому ужасному, непрекращающемуся крику, который издает проголодавшееся дитя.

— Альберт, быстрее! — позвалка она, усаживаясь в кресло и укладывая младенца себе на колени. — Пожалуйста, быстрее!

Из кухни появился Альберт и протянул ей бутылочку с теплым молоком. «Все в порядке, — сказал он, — можешь не проверять температуру».

Она чуть приподняла голову ребенка, после чего поднесла резиновую соску бутылочки к широко распахнутому, горланящему рту. Ребенок ухватил соску и принялся сосать. Вопли прекратились. Миссис Тейлор чуть расслабилась.

— О, Альберт, ты только посмотри, какая она прелестная, правда ведь?

— Она восхитительна, Мейбл, — и все благодаря маточному молочку.

— Послушай, дорогой, мне бы не хотелось ни слова больше слышать об этом отвратительном веществе. Оно меня до смерти пугает.

— Ты совершаешь большую ошибку, — сказал он.

— Ну, посмотрим еще.

Младенец продолжал сосать.

— Альберт, мне кажется, что она опять выпьет целую бутылку.

— Уверен, что так оно и будет.

Спустя несколько минут от молока ничего не осталось.

— Ну какая же ты чудесная девочка! — воскликнула миссис Тейлор, начиная осторожно извлекать соску изо рта ребенка. Тот почувствовал, что она собирается делать, и засосал еще стремительнее, стремясь удер-

жать соску. Женщина сделала небольшой короткий рывок, и хлоп — соска выскочила.

— Уааа! Уааа! Уааа! — снова раздались вопли младенца.

— Вот ведь чертенок какой, — проговорила миссис Тейлор, чуть подкидывая ребенка себе на плечо и несильно шлепая его по попке.

Тот дважды быстро отрыгнул.

— Ну вот, моя хорошая, теперь все будет в порядке.

На несколько секунд крики смолкли, но потом начались снова.

— Пусть еще срыгнет, — сказал Альберт. — Она слишком много попила.

Жена снова подняла девочку на плечо, потерла ей спинку, затем уложила ребенка на живот к себе на колени, наконец усадила. Однако девочка больше не срыгивала, тогда как вопли ее становились с каждой минутой все громче и настойчивее.

— Хорошо для ее легких, — проговорил Альберт с улыбкой. — Именно так они упражняют свои легкие, Мейбл. Ты знала об этом?

— Ну, ну, ну, — приговаривала женщина, покрывая поцелуями лицо девочки. — Ну, ну, ну.

Они прождали еще минут пять, однако крики ни на миг не прекратились.

— Смени ей подгузник, — сказал Альберт. — Мокрый, наверное, вот и все. — Он принес с кухни свежие пеленки, и миссис Тейлор сменила прежние.

Это не произвело на младенца никакого впечатления.

— Уааа! Уааа! Уааа! — орало дитя.

— Мейбл, может, ей булавкой где-нибудь колет? Ты проверила?

— Ну конечно же, проверила, — ответила жена, для верности ощупывая пеленку пальцами.

Родители с нервозными улыбками на лицах сидели в креслах друг против друга и глядели на лежащего на коленях матери младенца, дожидаясь, когда же он наконец утомится кричать.

— А знаешь что? — наконец спросил Альберт.

— Что?

— Готов поспорить, что она хочет есть. Клянусь, ей хочется еще раз приложиться к этой бутылочке. Может, сходить и принести еще?

— Альберт, я думаю, не надо этого делать.

— Но это же поможет, — сказал он, поднимаясь с кресла. — Пойду подогрею вторую порцию.

Он прошел на кухню и отсутствовал несколько минут. Когда он вернулся, в руках у него была наполненная до краев бутылочка с молоком.

— Я приготовил двойную дозу, — объявил он. — Восемь унций — так, на всякий случай.

— Альберт! Ты с ума сошел! Тебе что, неизвестно, что перекормить младенца так же плохо, как и недокормить?

— Мейбл, но тебе же не обязательно давать ей все это. Можешь остановиться, когда захочешь. Ну, давай, — сказал он, становясь рядом. — Дай ей попить.

Миссис Тейлор стала пощекотывать соском верхнюю губку младенца. Крохотный ротик мгновенно, как ловушка, захлопнулся вокруг резинового соска, и в комнате воцарилась тишина. Все тело ребенка расслабилось, едва он начал сосать, и по его лицу разлилось выражение безмерного блаженства.

— Ну вот видишь, Мейбл! Что я тебе говорил?

Женщина ничего не ответила.

— Она просто изголодалась, вот и все. Посмотри только, как она сосет.

Миссис Тейлор поглядывала на уровень молока в бутылочке. Он быстро понижался, и совсем скоро три или четыре унции из восьми бесследно исчезли.

— Ну вот, — сказала она. — Хватит.

— Но Мейбл, ты не можешь сейчас отнять ее.

— Да, дорогой, я должна.

— Да брось ты. Пусть выпьет все до конца, а ты не волнуйся.

— Но А л ь б е р т...

— Она вся изголодалась, ты разве не видишь? Ну, давай, моя красавица. Прикончи эту бутылочку.

— Не нравится мне все это, Альберт, — промолвила жена, но бутылочку все же отнимать не стала.

— Мейбл, она просто наверстывает упущенное в прошлые разы, вот и все.

Пять минут спустя бутылочка опустела полностью. Миссис Тейлор медленно извлекла соску, и на сей раз ребенок не выказал никакого протеста, не издал ни звука. Он мирно возлежал на коленях матери, глазенки блестели от удовлетворения, рот был полуоткрыт, губы перепачкались молоком.

— Двенадцать полных унций, Мейбл! — сказал Альберт Тейлор. — В три раза больше нормы! Это просто поразительно!

Женщина внимательно смотрела на дитя. Прежнее встревоженное выражение стало постепенно возвращаться на ее лицо.

— Что это с тобой? — спросил Альберт. — Все это встревожило тебя, да? Но нельзя же рассчитывать на то, что она войдет в норму на каких-то паршивых четырех унциях. Не смеши меня.

— Я сказала, подойди сюда.

— Что?

— Я сказала, подойти сюда.

Он подошел и встал рядом с ней.

— Посмотри повнимательнее и скажи, ты не замечаешь никакой разницы?

Он присмотрелся к ребенку.

— Мне кажется, Мейбл, она покрупнела, если ты это имеешь в виду. Покрупнела и потолстела.

— Возьми ее, — приказал жена. — Иди, подними ее.

Он протянул руки и поднял ребенка с материнских коленей.

— Боже мой! — воскликнул он. — Да она весит целую тонну.

— Вот именно.

— Но разве не чудесно это! — воскликнул он, просияв. — Готов биться о заклад, сейчас она уже пришла в полную норму!

— Это-то и пугает меня, Альберт. Слишком все это быстро.

— Глупости, женщина.

— А все это из-за твоего мерзкого молочка, — проговорила миссис Тейлор. — Ненавижу его.

— В маточном молочке нет ничего мерзкого, — с оттенком возмущения ответил муж.

— Альберт, не будь дураком! Ты что, считаешь, что это нормально, когда ребенок с такой скоростью набирает вес?

— На тебя никогда не угодишь! — воскликнул он. — Ты цепенеешь от страха, когда она худеет, а сейчас, когда девочка стала набирать вес, тебя охватил ужас! Что с тобой, Мейбл?

Женщина с ребенком на руках встала с кресла и направилась в сторону двери.

— Единственное, что я могу сказать, — промолвила

она, — это то, что мне повезло, что я нахожусь здесь и могу проследить, чтобы ты больше не давал ей этого, вот и все. — Она вышла, и через открытую дверь Альберту было видно, как она пересекла холл, подошла к нижней ступеньке лестницы и стала подниматься. На третьей или четвертой ступеньке она внезапно остановилась и так простояла несколько секунд, словно что-то припоминая. Затем она повернулась, довольно быстро спустилась и снова вошла в комнату.

— Альберт, — сказала она.

— Да?

— Я полагаю, в той последней бутылочке, что мы дали ей только что, не было ни капли твоего маточного молочка?

— Не понимаю, с чего бы тебе так полагать, Мейбл.

— Альберт!

— Что случилось? — спросил он мягким, невинным тоном.

— Как ты посмел! — прокричала женщина.

На крупном бородатом лице Альберта Тейлора появилось страдальческое и озадаченное выражение.

— Я полагаю, тебе бы надо радоваться, что она получила новую большую дозу этого вещества. Лично я радуюсь этому. А это действительно большая доза, Мейбл, поверь мне.

Женщина стояла в дверном проеме, сжимая в руках спящего младенца и уставившись на мужа громадными глазами. Она стояла очень прямо, тело буквально застыло от гнева, лицо побледнело, а губы сжались плотнее, чем обычно.

— Попомни мои слова, — продолжал Альберт, — я готов побиться о заклад, что скоро мы получим первый приз на любом конкурсе младенцев, младенцев всей страны. Эй, а почему бы тебе не взвесить ее прямо сейчас и не посмотреть, какой будет результат? Хочешь, Мейбл, я схожу за весами и мы определим, на сколько она тянет?

Женщина прошла прямо к большому столу в центре комнаты, положила на него ребенка и стала быстро распеленывать его.

— Да! — резко проговорила она. — Принеси весы! — Она продолжала скидывать с ребенка нижнюю одежду.

Наконец она отколола скреплявшую подгузник булавку и оставила младенца совершенно голым.

— Но, Мейбл! — воскликнул Альберт. — Это же какое-то чудо! Она толстенькая, как пончик!

И в самом деле, по сравнению с недавним временем количество веса, который девочка набрала, казалось поразительным. Маленькая впалая грудка с выступавшими со всех сторон ребрами была сейчас плотной, округлой, наподобие бочонка, а живот гордо выпячивался ввысь. Как ни странно, ручки и ножки, казалось, отстали в своем развитии: такие же короткие и худенькие, они походили на маленькие палочки, выступавшие из жирного мяча.

— Посмотри! — воскликнул Альберт. — У нее на животике уже начал прорастать пушок — это чтобы ей теплее было! — Он протянул руку и хотел было уже пощекотать этот нежный, шелковистый, желтовато-коричневый пух, неожиданно появившийся на животе младенца.

Возникла небольшая пауза. Он сцепил руки перед собой на уровне груди и потирал ладони одну о другую, издавая при этом мягкий скребущий звук.

— Ты помнишь ту цитату, которую я прочитал тебе из журнала? Насчет крыс? Позволь мне объяснить, как все было дальше? «Стилл и Бардетт обнаружили, что мужская особь крысы, которая прежде была неспособна к размножению...» — Он заколебался, затем улыбка его расползлась шире, обнажая зубы.

— Ты ухватила мою мысль, Мейбл?

Она стояла неподвижно и смотрела на него.

— В тот самый первый раз, когда я прочитал эту фразу, Мейбл, я подпрыгнул в кресле и сказал себе, что если это действует на какую-то вонючую крысу, то не существует на свете таких причин, почему оно не подействовало бы также на Альберта Тейлора.

Он снова сделал паузу, наклоняя голову вперед и чуть поворачиваясь одним ухом в направлении жены, явно ожидая, что та что-нибудь скажет. Она, однако, ничего не сказала.

— И другое еще, — продолжал он. — Я почувствовал себя настолько восхитительно, Мейбл, настолько отлично от того, что я чувствовал прежде, что продолжал принимать его даже после того, как услышал от тебя эту радостную новость. За последний год, я, должно быть, проглотил ведра этого молочка.

Большие, тяжелые, встревоженные женские глаза напряженно всматривались в лицо стоящего мужчины,

в его шею. Нигде на этой шее, даже по краям, за ушами, не было видно ни одного участка обнаженной кожи. Все это пространство вплоть до того места, где она уходила под воротник, было покрыто теми самыми коротенькими, шелковистыми, желтовато-черными волосками.

— Кстати, — сказал он, отворачиваясь от нее и бросая на младенца взгляд, полный любви, — на таких крохотных детей оно оказывает даже более сильное воздействие, чем на взрослых, вроде меня. Да ты только посмотри на нее, разве не так?

Глаза женщины медленно сместились вниз и остановились на ребенке. Младенец голым лежал на столе — жирный, белый, словно впавший в коматозное состояние, — чем-то напоминая собой гигантскую черву, завершавшую период своего личиночного развития и готовившуюся к тому, чтобы вскоре предстать миру с крыльями и жалом.

— Почему ты не укроешь ее, Мейбл? — спросил он. — Мы же не хотим, чтобы наша маленькая маточка простудилась.

ХОЗЯЙКА

Билли Уивер выехал из Лондона на медленном дневном поезде, сделал пересадку в Суиндоне, и, когда добрался до Бата, было уже около девяти часов вечера — над домами, напротив входа в вокзал, в безоблачном небе поднималась луна. Стоял, однако, дикий холод, и ветер, словно прикосновениями ледяных лезвий, обжигал щеки.

— Извините, — сказал он, — нет ли здесь поблизости какой-нибудь недорогой гостиницы?

— Зайдите в «Колокол и Дракон», — ответил носильщик, указывая вдоль дороги. — У них, пожалуй, найдется место. Отсюда где-то четверть мили по той стороне.

Билли поблагодарил его, взял чемодан и зашагал в указанном направлении к «Колоколу и Дракону». В Бате он был впервые. Знакомых здесь у него не было. Но мистер Гринслейд из главного управления в Лондоне уверял, что это чудный город. «Найди себе пристанище, — сказал он, — и, как только устроишься, представься управляющему филиалом».

Билли исполнилось семнадцать лет. Он был обладателем нового темно-синего пальто, новой фетровой шляпы, нового коричневого костюма, отличного настроения и энергичной походки. Последнее время он все старался делать энергично. Энергичность, как он понял, является непременным качеством всех преуспевающих бизнесменов. Боссы из главного управления в любое время были фантастически энергичны. Поразительные люди!

На широкой улице, по которой он шел, не было ни одного магазина, и она представляла собой две линии высоких однообразных домов. Все они имели крыльцо с колоннами, четыре-пять ступеней, ведущих к парадной двери, и в свое время, очевидно, выглядели шикар-

ными особняками. Но теперь, даже в темноте, было заметно, что на дверях и оконных рамах шелушится краска, а приветливые белые фасады неухожены, все в трещинах и пятнах.

Вдруг, в окне первого этажа одного из домов, ярко освещенным уличным фонарем, Билли заметил печатное объявление. НОЧЛЕГ И ЗАВТРАК — гласило оно. Прямо под объявлением стояла ваза с прекрасными длинными ветками цветущей ивы.

Он остановился. Подошел ближе. Окно обрамляли зеленые шторы из какого-то бархатистого материала. Ивовый букет чудесно смотрелся между ними. Билли подошел вплотную, прильнул к стеклу, и первое, что он увидел, был яркий огонь, горевший в камине. На ковре перед камином спала прелестная маленькая такса, уткнувшись носом в живот. Сама комната, насколько он мог разглядеть в темноте, была со вкусом меблирована. Здесь стоял кабинетный рояль, широкий диван и несколько мягких кресел; в одном углу он различил клетку с большим попугаем. Животные в доме — хороший знак, подумал Билли, и вообще, это место показалось ему вполне подходящим приютом. Конечно, остановиться здесь было бы приятнее, чем в каком-то «Колоколе и Драконе».

С другой стороны, и гостиница имела свои преимущества перед пансионом. Пиво и развлечения по вечерам, разговоры с новыми знакомыми, да и дешевле, что ни говори. Когда-то он останавливался в гостинице на пару ночей, и ему там понравилось. В пансионах же ему не приходилось бывать, и, честно признаться, он их слегка побаивался. В самом слове было что-то от водянистой капусты, скаредных хозяек и неистребимого запаха копченой селедки в гостиной.

Поколебавшись так, стоя на холоде, две-ти минуты, Билли решил добраться все-таки до «Колокола и Дракона», взглянуть на него, а потом уж сделать окончательный выбор. Он повернулся, собираясь идти.

И тут с ним случилась странная вещь. Он уже отступал назад, поворачиваясь спиной к окну, когда почувствовал, что не в силах оторвать взгляд от маленького объявления за стеклом. НОЧЛЕГ И ЗАВТРАК — гласило оно. НОЧЛЕГ И ЗАВТРАК, НОЧЛЕГ И ЗАВТРАК, НОЧЛЕГ И ЗАВТРАК. Эти слова в окне вонзились в него, как два больших черных глаза, удерживая, сковывая, принуждая его оставаться на ме-

сте, не уходить от этого дома. В следующее мгновение он понял, что уже движется от окна к двери, поднимается по ступеням и протягивает руку к звонку.

Он нажал конпку. Глухо, в какой-то из дальних комнат, отозвался звонок, и тут же — без сомнения, тут же, поскольку он даже не успел убрать палец с кнопки — дверь отворилась, и на пороге он увидел женщину.

Обычно, когда вы нажимаете на звонок, вам приходится ждать по крайней мере полминуты, прежде чем дверь откроется. Эта же особа появилась, как чертик из табакерки. Нажал кнопку — и на тебе! Билли в испуге отскочил.

На вид ей было лет сорок пять — пятьдесят. Она улыбнулась ему тепло и приветливо.

— Пожалуйста, заходите, — ободряюще произнесла она и отошла в сторону, придерживая дверь.

Билли автоматически сделал шаг, но, с трудом сдержав необъяснимо сильное стремление следовать за ней, отступил назад.

— Я увидел объявление в окне, — сказал он.

— Знаю, знаю.

— И я подумал насчет комнаты.

— Милый мой, — сказала она, — для вас уже все готово.

У нее были пухлые розовые щеки и добрейшие голубые глаза.

— Я собирался в «Колокол и Дракон», — продолжал Билли, — но ваше объявление в окне меня остановило.

— Так входите же, — сказала она, — не стойте на холоде.

— А сколько вы берете?

— Пять шиллингов шесть пенсов за ночь, включая завтрак.

Это было фантастически дешево — меньше половины тех денег, с которыми он готов был расстаться.

— Если для вас это слишком дорого, — добавила она, — могу немного уступить. Я подаю яйца на завтрак. Яйца сейчас подорожали. Без яйца будет на шесть пенсов меньше.

— Спасибо, меня устраивает сумма, — ответил он.— Я с удовольствием остановлюсь у вас.

— Так я и думала. Входите же!

Она казалась ужасно милой — совсем как мамаша, приглашающая лучшего друга своего сына погостить на

рождественские каникулы. Билли снял шляпу и переступил через порог.

— Повесьте ее здесь, — сказала она, — и позвольте помочь вам снять пальто.

Других пальто и шляп в прихожей не было. Зонтиков и тростей — тоже.

— Вот вы и скрасите мое одиночество, — улыбнувшись через плечо, сказала она, ведя его вверх по лестнице. — Не так уж часто постояльцы залетают в мое маленькое гнездышко.

У старушки не все дома, — подумал Билли. Но за такую плату с чем не смиришься! — Странно, — вежливо заметил он, — казалось бы, желающие должны проходу вам не давать.

— Так-то оно так, милый мой, все это так. Но беда в том, что я — как бы это сказать? — чуть-чуть капризна и разборчива. Понимаете?

— Да-да.

— Но я всегда готова. Днем и ночью все в этом доме готово для приема достойного молодого джентльмена. И это такая радость, милый мой, такая огромная радость, когда открываешь дверь и видишь перед собой именно того, кто нужен.

Дойдя до середины лестницы, она остановилась, взявшись за перила, и обернулась к нему с улыбкой на бледных губах. — Такого, как вы, — добавила она и своими голубыми глазами медленно прошлась по всей его фигуре, с головы до ног и обратно.

На площадке второго этажа она сказала: — Этот этаж мой.

Они прошли еще один пролет. — А этот — полностью ваш, — сказала она. — Вот ваша комната. Надеюсь, она вам понравится.

Включив свет у входа, она провела его в небольшую, но милую спальню.

— По утрам здесь все залито светом, мистер Перкинс. Ваше имя Перкинс, не так ли?

— Нет, — сказал он. — Уивер.

— Мистер Уивер. Замечательно. Я положила грелку в простыни, чтобы согреть их, мистер Уивер. Грелка — это такое удовольствие в чужой постели со свежими простынями! Согласны? Но если вы все же замерзнете, можете включить газ в любое время.

— Спасибо, — сказал Билли. — Большое спасибо,

Он заметил, что покрывало с кровати было снято, а простыни лежали аккуратно отвернутыми, в полной готовности для желающего ими воспользоваться.

— Какое счастье, что вы появились! — сказал она, глядя ему прямо в глаза. — А то я уже начала волноваться.

— Ну, что вы! — бодро ответил Билли. — Не стоило беспокоиться.

Он положил свой чемодан на стул и стал его открывать.

— А как насчет ужина, милый мой? Вам удалось что-нибудь перехватить перед тем, как прийти сюда?

— Благодарю, я ни капли не голоден, — сказал он.— Пожалуй, я сразу же лягу. Завтра мне рано вставать и идти в контору.

— Ну что же, ладно. Оставляю вас, устраивайтесь. Но не могли бы вы перед сном заглянуть в гостиную на первом этаже и расписаться в книге для гостей? Этого требует закон, а мы не будем нарушать законы в этом пункте, не так ли?

Она слегка помахала ему рукой на прощанье, быстро вышла из комнаты и закрыла дверь.

То обстоятельство, что хозяйка оказалась с приветом, ничуть не смутило Билли. В конце концов, она была не только безобидной — что было ясно с первого взгляда — но и несомненно доброй, великодушной женщиной.

Возможно, — мелькнула у него догадка, — она потеряла сына на войне или что-нибудь в этом духе, и не смогла этого пережить.

Итак, через несколько минут, распаковав чемодан и вымыв руки, он сбежал по лестнице на первый этаж и вошел в гостиную. Хозяйки не было, но в камине пылал огонь, и перед ним все так же спала миниатюрная такса. В комнате было удивительно тепло и уютно. Повезло мне, — подумал он, потирая руки. Так все удачно устроилось.

Он обнаружил гостевую книгу, лежавшую открытой на рояле, достал ручку и написал свое имя и адрес. Кроме его собственной, в книге значились только две записи и, как всякий новый постоялец, он не преминул с ними ознакомиться. Первым был Кристофер Малхолланд из Кардиффа; вторым — Грегори У. Темпл из Бристоля.

Странно, — подумалось ему вдруг. — Кристофер Малхолланд. Что-то очень знакомое.

Где же, черт побери, мог он слышать это довольно необычное имя?

Может быть, они учились в одной школе? Нет. А, может, это один из многочисленных поклонников сестры? Или друг отца? Нет, нет, ни то и ни другое. Он снова заглянул в книгу.

Кристофер Малхолланд	231 Кафедральная улица, Кардифф
Грегори У. Темпл	27 Кленовый проезд, Бристоль

— Грегори Темпл? — произнес он вслух, морща лоб. — Кристофер Малхолланд?

— Такие славные мальчики, — раздался голос за спиной, и, обернувшись, Билли увидел хозяйку, вплывающую в комнату с большим серебряным подносом в руках. Она несла его на весу, подняв вверх, будто сдерживая поводьями норовистую лошадку.

— Очень знакомые имена, — сказал он.

— Неужели? Как интересно.

— Я почти уверен, что раньше слышал их где-то. Странно, не правда ли? Возможно, я встречал их в газетах. Они что — какие-нибудь знаменитости? Ну, то есть, боксеры или футболисты, или еще кто-нибудь?

— Знаменитости? — переспросила она, ставя поднос на журнальный столик перед диваном. — Да нет, на знаменитостей они не были похожи. Но оба были исключительными красавцами, это уж точно. Молодые, стройные и красивые, милый мой, — совсем, как вы.

Билли еще раз заглянул в книгу.

— Послушайте, — сказал он, указывая на дату, — последняя запись сделана два года назад.

— Вот как?

— Ну да. А Кристофер Малхолланд был еще годом раньше, то есть, больше трех лет назад!

— Боже мой, — со вздохом сказала она, покачав головой. — Никогда бы не подумала. До чего же быстро летит время, мистер Уилкинс...

— Уивер, — поправил Билли. — У-и-в-е-р.

— О да, разумеется, — воскликнула она, опускаясь на диван. — Какая я глупая. Тысячу извинений, мистер Уивер. Со мной всегда так — в одно ухо влетает, в другое вылетает.

— А вы не заметили, — сказал Билли, — во всем этом какой-то странности?

— Нет, милый, не заметила.

— Понимаете, дело в том, что оба эти имени, Малхолланд и Темпл, звучат не только знакомо, так сказать, по отдельности, но и странным образом они как-то между собой связаны. Как будто они прославились в какой-нибудь одной области, понимаете? Ну, как Демпси и Танни, например, или Черчилль и Рузвельт.

— Забавно, — сказала она. — Однако же идите сюда, милый, сядьте на диван рядом со мной, я угощу вас перед сном хорошим чаем с имбирным пирожным.

— Нет, в самом деле, — ответил Билли, — вам не стоило беспокоиться. Я вовсе не хотел вас утруждать.

Он стоял у рояля, наблюдая, как она суетится с чашками и блюдцами. Он обратил внимание на ее маленькие, белые, подвижные руки с ногтями, выкрашенными красным лаком.

— Я почти уверен, что встречал их в газетах, — сказал Билли. — Сейчас я вспомню. Обязательно вспомню.

Нет ничего мучительнее вспомнить нечто, ускользающее на окраины памяти. Но он ни за что не хотел сдаваться.

— Одну минуточку, — пробормотал он. — Сейчас, сейчас. Малхолланд... Кристофер Малхолланд... не тот ли это ученик из Итона, который путешествовал пешком по западным графствам, и вдруг...

— С молоком? — спросила она. — И сахаром?

— Да, пожалуйста. И вдруг...

— Ученик из Итона? О нет, милый мой, все совсем не так, потому что мой мистер Малхолланд никогда не учился в Итоне. Когда он появился у меня, он заканчивал Кембридж. Идите же, сядьте со мною рядышком, погрейтесь у камелька. Давайте. Ваш чай готов.

Она похлопала ладонью по дивану рядом с собой и приглашающе улыбнулась.

Билли медленно пересек комнату и сел на край дивана. Она поставила чашку на столик перед ним.

— Вот так-то лучше, — сказала она. — Мило и по-домашнему, правда?

Билли сделал глоток. Она тоже. С полминуты они молчали. Но Билли знал, что она смотрит на него. Ее тело застыло в полуобороте к нему; на своем лице он чувствовал ее пристальный взгляд, прикрываемый чашкой. Время от времени он улавливал какой-то особый запах, исходящий от ее персоны. Он не был неприятен, этот запах, и напоминал... Впрочем, Билли затруднял-

ся определить, что именно. Соленые орешки? Кожаный ремень? Или больничные коридоры?

— Мистер Малхолланд был большой чаевник, — прервала она молчание. — Никогда в жизни я не видела, чтобы кто-то пил так много чаю, как милый, чудный мистер Малхолланд.

— Он, должно быть, совсем недавно выбыл? — спросил Билли. Он все еще продолжал копаться в памяти, но уже наверняка знал, что встречал эти имена в газетных заголовках.

— Выбыл? — сказала она, поднимая брови. — Милый мой, да никуда он не выбыл. Он здесь. И мистер Темпл тоже здесь. Они оба на четвертом этаже, в одной комнате.

Билли медленно поставил чашку на стол и уставился на хозяйку. Она ответила ему улыбкой, протянула свою белую руку и ободряюще похлопала его по колену.

— Сколько вам лет, милый? — спросила она.

— Семнадцать.

— Семнадцать! — воскликнула она. — О, это отличный возраст. Мистеру Малхолланду тоже было семнадцать. Но мне кажется, он был чуть-чуть ниже вас, да, безусловно, ниже, и зубы у него были не такие белые. У вас великолепные зубы, мистер Уивер, вы это знаете?

— Они не так хороши, как кажутся, — ответил Билли. — В задних зубах сплошные пломбы.

— Мистер Темпл был, конечно, постарше, — продолжала она, игнорируя его замечание. — Ему было двадцать восемь. Но я бы никогда не догадалсь, не скажи он сам мне об этом, ни за что в жизни. У него было безукоризненное тело.

— Какое? — переспросил Билли.

— Я говорю, кожа у него была, как у младенца.

Они замолчали. Билли взял свою чашку, отпил немного чаю и бесшумно поставил назад на блюдце. Он ждал продолжения разговора, но хозяйка, казалось, погрузилась в воспоминания. Покусывая нижнюю губу, он смотрел прямо перед собой в дальний угол комнаты.

— Попугай, — наконец, сказал он. — Представьте себе, он совершенно одурачил меня, когда я увидел его в окно с улицы. Я мог поклясться, что он живой.

— Увы, давно нет.

— Потрясающая работа! — Восхитился Билли. — Абсолютно одушевленный вид. А кто его сделал?

— Я.

— Вы?

— Разумеется, — сказала она. — А с моим крошкой Базилем вы еще не познакомились?

Она кивнула в сторону таксы, уютно свернувшейся перед камином. Билли перевел взгляд. Только тут до него дошло, что собака так же, как и попугай, все это время не подавала признаков жизни. Он протянул руку и осторожно прикоснулся к ее спине. Спина была жесткой и холодной, а когда он пальцами раздвинул шерсть, то увидел серовато-черную, сухую, отлично сохранившуюся кожу.

Он повернулся и с искренним восхищением посмотрел на маленькую женщину, сидевшую рядом с ним на диване.

— Это, наверное, ужасно, сложная работа.

— Нисколько, — сказала она. — Я делаю чучела из всех моих любимцев, когда они умирают. Хотите еще чашечку чая?

— Нет, спасибо, — сказал Билли. Чай слегка отдавал горьким миндалем и не слишком ему нравился.

— Вы уже расписались в книге, не так ли?

— Да, конечно.

— Очень хорошо. Потому что потом, если я случайно забуду, как вас звали, я всегда могу спуститься и посмотреть. Я до сих пор почти каждый день сверяюсь насчет мистера Малхолланда и мистера... мистера...

— Темпла, — сказал Билли. — Грегори Темпла. Извините мое любопытство, но неужели, кроме них, за последние два-три года у вас не было других постояльцев?

Высоко подняв чашку и слегка наклонив голову влево, она искоса посмотрела на него и усмехнулась уголками губ.

— Нет, милый мой, — сказала она. — Только вы.

МИСТЕР ХОДДИ

Они выбрались из машины и подошли к парадной двери дома мистера Ходди.

— Я думаю, отец собирается вечером крупно с тобой поговорить, — прошептала Клэрис.

— О чем, Клэрис?

— Обычное дело. О работе и тому подобном. И как ты собираешься содержать меня.

— Джеки собирается сделать это, — сказал Клод. — Когда Джеки победит, нам никакая работа не понадобится...

— Не вздумай даже напоминать отцу о Джеки, Клод Каббедж, или с этим делом все будет кончено. Если и есть что-то на свете, что он терпеть не может, так это борзых. Никогда не забывай об этом.

— О, Господи, — сказал Клод.

— Ну наговори ему еще что-нибудь... все что угодно... лишь бы успокоить его, понимаешь? — И с этим она ввела Клода в гостиную.

Мистер Ходди был вдовец, человек с чопорным надменным ртом и с выражением вечного неодобрения на лице. Как и у Клэрис, у него были мелкие и часто посаженные зубы, такой же настороженный, обращенный внутрь взгляд, но без ее свежести, жизненности, без ее теплоты. Он напоминал маленькое кислое яблоко, с серой сморщенной кожей, с дюжиной или около того прядей черных волос, словно приклеенных к куполу лысины. И все же это был совершенно исключительный человек, мистер Ходди, тот самый помощник бакалейщика, кто надевал на работе свой безупречный белый халат, кто управлялся с огромным количеством столь драгоценного товара, как масло и сахар, кто отпускал в долг и кому улыбались все домохозяйки деревни.

Клод Каббедж никогда не чувствовал себя раскованно в доме отца Клэрис, и это было именно то, чего

добивался мистер Ходди. Они сидели у камина в гостиной с чашками чая в руках, мистер Ходди в самом удобном кресле, справа от огня, Клод и Клэрис на софе, в приличествующем отдалении друг от друга. А по левую руку, в тяжелом кресле с вертикальной спинкой, сидела младшая дочь, Ада, и все составляли маленький кружок вокруг огня, маленькую безжизненную компанию с официальным чаепитием.

— Да, мистер Ходди, — говорил Клод, — вы можете быть совершенно уверенными в том, что у меня с Гордоном имеется куча прекрасных идеек про запас. Весь вопрос только во времени и в том, чтобы понять, какая из них наиболее выгодна.

— Что это за идеи? — спросил мистер Ходди, уставясь на Клода своими маленькими недоброжелательными глазками.

— Да вот хотя бы эта!... — Клод подвинулся на софе, но без удобства для себя. Его голубой костюм был тесен ему в груди и особенно в промежности. Такая теснота доставляла ему болезненное неудобство, так что ему ужасно хотелось несколько оправить штанины.

— Этот человек, которого вы назвали Гордоном, он что, имеет где-то на стороне прибыльное дело? — сказал мистер Ходди. — Почему же он хочет перекинуться на другое?

— Совершенно верно, мистер Ходди. Потому что это — первоклассный бизнес. Но он еще хорош, и возможность расширять его, понимаете? Поэтому нам нужны новые идеи. Я тоже кое-что придумал и возьму теперь часть прибыли.

— Так что именно?

Мистер Ходди ел кусок смородинового торта, откусывая по кругу, и его маленький рот работал, как ротик гусеницы, откусывающей крошечные изогнутые кусочки от края листа.

— Так что именно? — снова спросил он.

— Каждый день, мистер Ходди, мы с Гордоном долго и детально обсуждаем различные аспекты дела. Да.

— Так что именно? — повторил он безжалостно.

Клэрис искоса взглянула на Клода, подбодряя. Клод перевел взгляд своих больших тихих глаз на мистера Ходди; тот молчал. Клоду не нравилась манера мистера Ходди давить на него, расстреливая вопросами, и вглядываться, и держать себя так, словно Клод какой-

нибудь паршивый адъютант или что-то в этом роде.

— Так что именно? — сказал мистер Ходди, и на этот раз Клод решил, что не взорвется. Кроме того, инстинкт подсказывал ему, что старик пытается устроить скандал.

— Просто я, мистер Ходди, — сказал он, глубоко вздохнув,— не хочу вдаваться в детали, пока мы еще все как следует не проработали. Видите ли, все, чем мы занимались до сих пор, как раз и было обдумыванием идеи...

— Все, о чем я хотел узнать, — сказал мистер Ходди раздраженно, — так это какого сорта дело вы обдумываете? Надеюсь, оно вполне достойное?

— Помилуйте, мистер Ходди, неужели вы могли хоть на миг допустить, что мы не способны даже рассмотреть дело с точки зрения абсолютной респектабельности?

Мистер Ходди хрюкнул, медленно помешивая свой чай и наблюдая за Клодом. Клэрис сидела безмолвно и робко, уставясь в огонь.

— Я никогда не был удачлив в начинаниях, — произнес мистер Ходди, оправдывая свою несостоятельность в этой стадии бизнеса. — Хорошая, уважаемая работа — это все, чего следует добиваться. Уважаемая работа в уважаемом окружении. В бизнесе же, на мой взгляд, слишком много от балагана, от дешевого трюкачества.

— Есть и это, — сказал Клод, все острее ощущая отчаяние, — все, что я хочу, так это обеспечить мою жену всем, что только она пожелает. Дом, обстановка, сад, стиральная машина — и все самое лучшее. Вот что я хочу для нее, но ведь вы знаете, этого не добьешься на обычную зарплату, не так ли? Для этого не найдешь денег, если не заниматься бизнесом, мистер Ходди. Надеюсь, вы согласны со мной?

Мистеру Ходди, который всю жизнь работал за обычную зарплату, не очень-то пришлась по душе такая точка зрения.

— Так вы сомневаетесь, что я смог обеспечить всем необходимым мою семью, позвольте спросить?

— Ну что вы! Совсем наоборот. И более того! — пылко воскликнул Клод. — Но у вас ведь исключительная работа, мистер Ходди, а это разные вещи.

— Но о какого рода бизнесе вы думаете? — упорствовал старик.

Клод приложился к чашке с чаем, выгадывая немного времени, и все же не смог отказать себе в удовольствии представить жалкую физиономию старого ублюдка, когда просто взять бы да и выложить ему правду — мол, так и так, мистер Ходди, если вы действительно хотите знать, что у нас в наличии, так это — пара борзых, из которых одна совершеннее другой, и что мы собираемся успешно прокрутить величайшую в истории борзятников авантюру, черт бы ее побрал. Да, он хотел бы поглядеть на физиономию старого ублюдка, ей-богу хотел...

Все ждали от Клода продолжения, посиживая с чашками чая в руках, глядя на него и ожидая, что он скаже что-нибудь дельное.

— Хорошо, — произнес он медленно, возвращаясь из задумчивости. — Я просто размышлял о том, что бы такое придумать, даже повыгоднее подержанных автомобилей Гордона, и чтобы особенно не пускаться в расходы. «Вот так надо, — сказал он себе. — Продолжай в том же духе».

— И что же это может быть?

Нечто весьма необычное, мистер Ходди, что вряд ли и один из миллиона поверит в это.

— Хорошо, но что это? — Мистер Ходди аккуратно поставил чашку на маленький столик рядом с ним и чуть подался вперед в знак внимания. А Клод, наблюдая за ним, был более чем уверен, что этот человек и все ему подобные — его враги. Эти мистеры Ходди были опасны. Они все были одинаковы. Он знал их. Вместе с их чистыми безобразными руками, серой кожей, зловонным дыханием, с их тенденцией отращивать маленькие круглые животы, выпирающие прямо из-под жилетов; с вкрадчивым изгибом носа, слабым подбородком, с подозрительным взглядом темных и слишком быстрых глаз. Мистер Ходди. О, Боже.

— Хорошо, что же это?

— Это просто золотая жила, мистер Ходди, даю слово.

— Я поверю, когда услышу, что же это.

— Это настолько простая и удивительная вещь, что большинство людей просто не поймут этого. — Да, теперь у него было оно — то дело, которое он действительно обдумывал серьезно и долго, дело, которое он всегда хотел воплощать! Он подался вперед и осторожно опустил чашку на столик рядом с мистером Ходди,

не зная, что делать со своими руками, положил их на колени, ладонями вниз.

— Итак, продолжайте, что же это?

— Это личинки, — с любовью в голосе ответил Клод.

Мистер Ходди дернулся назад, словно кто-то плеснул ему в лицо воды.

— Личинки! — сказал он ошеломленный. — Личинки? Что вы имеете в виду? Личинки! — Клод забыл, что это слово предпочитают не употреблять в некоторых рекспектабельных бакалейных магазинах. Ада захихикала, но Клэрис так грозно глянула на нее, что смех умер на ее устах.

— Вопрос в том, где взять деньги на строительство фабрики личинок.

— Вы так шутите?

— Честное слово, мистер Ходди, может быть это звучит несколько странно, но это просто потому, что вы никогда не слышали об этом раньше, но это и есть маленькая золотая жила.

— Фабрика личинок! Да что с вами, Кабедж! Будьте благоразумны! — Клэрис не нравилось, когда отец называл его Каббедж.

— Вы никогда не слышали о фабрике личинок, мистер Ходди?

— Да, конечно же, нет!

— Фабрики личинок сейчас разворачиваются, настоящие компании, с менеджерами и директорами и со всем остальным, и вы знаете, что мистер Ходди? Они делают миллионы!

— Ерунда, молодой человек.

— А вы знаете, почему они делают миллионы? — Клод сделал паузу, не замечая, однако, что лицо его собеседника постепенно желтеет: — Потому что на личинок огромный спрос, мистер Ходди.

В этот момент мистер Ходди явственно слышал и другие голоса, голоса его покупателей, как бы доносящиеся до него через прилавок — госпожи Раббитс, например, когда она берет свою порцию масла, боже! — эта Раббитс, с ее коричневатыми усиками, всегда громким голосом и привычкой приговаривать: «Так, так, так...; он и сейчас слышал, как она говорит: так, так, так..., мистер Ходди, значит, ваша Клэрис вышла замуж на прошлой неделе. Это так славно, должна я сказать, а что поделывает ее муж, мистер Ходди? А?» —

«Он владелец фабрики личинок, миссис Раббитс.» — «Ну нет, покорно благодарю, — сказал он себе, глядя на Клода маленькими злыми глазами. — Ну уж спасибо — удружил! Нет, этого я не допущу».

— Я не могу сказать, — произнес он натянуто, — чтобы у меня когда-нибудь была потребность в личинках.

— Раз вы упомянули о спросе, мистер Ходди... Я тоже не нуждаюсь в личинках. Как и многие другие. Но позвольте вас спросить еще кое о чем. Как часто вам приходилось испытывать нужду... скажем, в коронной шестерке или в каком-нибудь зубчатом колесе?

Это был находчивый вопрос, и Клод позволил себе замедленную приторную улыбку.

— Да что же делают с этими личинками?

— Я знаю только одно: определенные люди покупают определенные вещи. Так? Вы в своей жизни никогда не покупали коронную шестерню или зубчатое колесо, но это не говорит о том, что нет людей, которые каждый следующий миг становятся богаче из-за того, что приобрели эти вещи. То же самое и с личинками!

— Может быть, вы назовете мне этих неприятных личностей, которые покупают личинки?

— Личинки покупают рыболовы, мистер Ходди. Любители-рыболовы. По всей стране тысячи и тысячи рыболовов, каждый уик-энд отправляются на реки рыбачить, и всем им нужны личинки, и все они готовы платить за них хорошие деньги. Пройдите в воскресенье вдоль реки, где угодно, хотя бы вдоль Марлоу, и вы увидите, что берега буквально облеплены рыбаками. Они сидят друг на друге, просто облепив оба берега.

— Эти люди не покупают личинок. Они идут на зады своего садового участка и накапывают червей.

— Вот тут-то вы и не правы, мистер Ходди, если позволите мне это заметить. Тут вы абсолютно не правы. Им нужны личинки, а не черви.

— В таком случае они обзаведутся собственными личинками.

— Они не хотят, чтобы у них были собственные личинки. Только представьте, мистер Ходди, вот вы в субботу после полудня собираетесь на рыбалку, а по почте приходит прекрасная чистенькая банка с личинками, и вы бросаете ее в сумку и идете на рыбалку. И у вас не болит голова о том, чтобы накопать червей

или раздобыть личинок, когда их доставляют прямо к вашему порогу за шиллинг или два, ведь так?

— А могу я спросить, как вы собираетесь развернуть вашу фабрику личинок? — Когда он произносил слово «личинки», казалось, что он выплевывает горькую косточку.

— Простейшее дело в мире — развернуть фабрику личинок. — Клод набирался уверенности и входил во вкус своего дела.

— Все что нужно, так это пару старых банок из-под масла и несколько кусков тухлого мяса или овечью голову; и вы кладете их в банки, и на этом все. Мухи сделают остальное.

Взгляни Клод на физиономию мистера Ходди в тот момент, он бы, вероятно, остановился.

— Конечно, все не так легко, как звучит. Следующее, что вам необходимо сделать, — посадить личинок на специальную диету. Отруби и молоко. И потом, когда они станут большими и откормленными, вы помещаете их в пинтовые банки и рассылаете вашим клиентам. Они пойдут по пяти шиллингов за пинту. Пять шиллингов за пинту! — воскликнул он, хлопая по коленям. — Вы только представьте себе это, мистер Ходди! А крупная муха, говорят, свободно отложит на двадцать пинтовых банок!

Он перевел дух, но только затем, чтобы выстроить мысли в боевом порядке, так как теперь ничто ему не мешало.

— И тут наступает следующий этап, мистер Ходди. Хорошая фабрика личинок не только разводит обычные личинки, вы же знаете... но надо учитывать, что у каждого рыболова свои пристрастия. Личинки — вещь повсеместная, как и черви-пескожилы. Некоторые рыболовы не хотят ничего, кроме пескожилов. И конечно, существуют личинки разных цветов. Обычные личинки белые, но вы путем откармливания особой пищей придаете им различные цвета. Так? Одни красные, другие зеленые, третьи черные, и вы даже сможете получить голубых, если будете знать, чем их кормить. Самая большая трудность в этом деле — получение именно голубых личинок, мистер Ходди.

Клод остановился перевести дух. Перед ним было видение — то самое видение, которое сопровождало все его мечты о богатстве — огромная фабрика с высокими трубами, сотни счастливых рабочих движутся еди-

ным потоком сквозь широкие железные ворота, и сам Клод, сидящий в своем роскошном офисе и управляющий спокойно и с блестящей уверенностью.

— Люди с мозгами уже заинтересовались этим дельцем, — продолжал он. — Поэтому требуется рывок, чтобы не остаться ни с чем. Это и есть секрет большого бизнеса — выстрелить быстрее других, мистер Ходди.

Клэрис, Ада и отец сидели абсолютно неподвижно, глядя прямо перед собой. Никто из них не двинулся и не произнес ни слова. Только Клода несло.

— Как только вы увидели, что ваши личинки копошатся, вы их отправляйте. Личинки должны шевелиться. Пока они не пришли в движение, они не дозрели. Ясно? И когда мы действительно возьмемся за дело, когда мы сколотим небольшой капиталец, вот тогда уж поставим несколько теплиц.

Другая пауза, и Клод потер свой подбородок.

— Теперь, я полагаю, вам интересно, для чего же на фабрике личинок теплицы. Что ж — я расскажу вам. Это для мух зимой, понимаете? Это самое важное — как следует позаботиться о наших мухах зимой.

— Я полагаю, хватит, Каббедж, — вдруг сказал мистер Ходди.

Клод взглянул на мистера Ходди и какой-то миг читал выражение на его физиономии. Оно обдавало ледяным холодом.

— Я больше не хочу ничего слушать об этом, — сказал мистер Ходди.

— Все, чего я хочу, мистер Ходди, — воскликнул Клод, — это дать вашей маленькой девочке все, что она пожелает. Это все, о чем я думаю день и ночь, мистер Ходди.

— Тогда предел моих надежд в том, чтобы вы смогли сделать это без помощи личинок.

— Папа! — взволнованно воскликнула Клэрис. — Я бы попросила тебя не говорить так с Клодом.

— Извините, мисс, но я буду говорить так, как мне хочется.

— Я думаю, мне пора, — сказал Клод. — Спокойной ночи.

ЗВУКОВАЯ МАШИНА

Теплым летним вечером Клаузнер вошел в переднюю калитку и, обогнув дом, направился в сад. В глубине сада он остановился у деревянного сарая, отпер дверь и, войдя, снова закрыл ее за собой.

Изнутри сарай представлял комнату с некрашеными стенами. Слева находился длинный деревянный верстак, на котором в куче обрывков проводов, батареек и острых инструментов стоял напоминавший детский гробик ящик примерно в метр длиной.

Клаузнер направился именно к этому ящику. Верхняя крышка его была откинута, и он, склонившись, принялся копаться в хитросплетении разноцветных проводов и серебристых трубок. Затем взял лежавший рядом с ящиком листок бумаги, внимательно изучил его содержание, отложил и, снова заглянув вовнутрь, начал перебирать провода, осторожно подергивая их, проверяя крепление; время от времени сверялся с бумажкой, нырял в ящик, потом опять вперялся взором в листок и еще раз проверял каждый проводок. Все это заняло у него примерно час времени.

После этого он опустил ладонь на переднюю панель, где располагались всевозможные шкалы, и принялся покручивать рукоятки, одновременно заглядывая в ящик и проверяя действие механизма. И все это время он продолжал негромко разговаривать с самим собой, наклоняя голову, чему-то улыбаясь, беспрестанно перебирая руками, при этом его пальцы осторожно и ловко распоряжались внутри ящика, и когда дело принимало затруднительный или деликатный оборот, губы Клаузнера забавно вытягивались и он приговаривал: «Да... Да... А теперь вот это... да... да... А так ли? Ну, конечно — где моя схема?.. Ага, точно... Ну, конечно же... Да, да... точно. А теперь... Хорошо. Хорошо. Да... Да, да, да». Он действовал сосредоточенно и

скоро, в его движениях угадывалась спешка и с трудом сдерживаемое волнение — казалось, он не мог позволить себе перевести дух.

Неожиданно Клаузнер услышал шаги на покрытой гравием дорожке за окном. Он выпрямился и резко обернулся, когда распахнулась дверь и вошел высокий мужчина. Это был Скотт. Всего лишь доктор Скотт.

— Ну, вот, — проговорил доктор. — Вот где вы прячетесь по вечерам.

— Привет, Скотт.

— Вот, проходил мимо... — сказал доктор. — Решил заглянуть и узнать, как вы себя чувствуете. В доме никого нет, поэтому я направился прямо сюда. Ну как ваше горло?

— Все в порядке. Чудесно.

— Ну, раз уж я здесь, можно и осмотреть его.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я уже почти в норме и чувствую себя прекрасно.

Доктор начал ощущать напряжение, стоящее в комнате, он посмотрел на черный ящик, затем перевел взгляд на хозяина дома.

— Вы не сняли шляпу, — заметил он.

— Правда? — Клаузнер потянулся к голове, стянул шляпу и положил ее на верстак.

Доктор подошел ближе и чуть склонился, заглядывая в ящик.

— Что это? — спросил он. — Радиоприемник делаете?

— Да нет, так, забавляюсь просто.

— А выглядит очень сложно.

— Да, — Клаузнер казался встревоженным.

— Что это? — спросил доктор. — Посмотреть, так прямо страх берет.

— Просто одна затея.

— Вот как?

— Да, со звуком связанная, вот и все.

— Боже праведный, дружище! Вам не хватает всяких звуков на вашей работе?

— Я интересуюсь звуком.

— Да уж вижу, — доктор отошел к двери, затем обернулся. — Что ж, не буду вас беспокоить. Рад, что с горлом у вас все в порядке. — Однако он медлил, продолжая поглядывать на ящик, заинтригованный его явно сложным наполнением и тем, что же задумал

странный пациент. — А зачем вам все это? — спросил доктор. — Вы пробудили мое любопытство.

Клаузнер посмотрел на ящик, потом на доктора, после чего поднял руку и принялся мягко потирать мочку правого уха. Возникла пауза. Доктор стоял у двери, ожидая ответа; он улыбался.

— Ну что ж, я скажу, если вам это действительно интересно. — Но повисла новая пауза, и доктор понял, что Клаузнер никак не может решить, с чего начать.

Он переминался с ноги на ногу, пощипывал мочку уха, смотрел себе под ноги и, наконец, медленно начал:

— Ну, в общем, дело обстоит так... с теоретической точки зрения, все очень просто, нет, правда. Человеческое ухо... Вы знаете, что оно не способно слышать все звуки. Среди них есть чересчур высокие или, напротив, низкие, которые оно не улавливает.

— Да, — промолвил доктор, — знаю.

— Так вот, говоря приближенно, звук с частотой колебания выше пятнадцати тысяч в секунду будет вне восприятия нашего уха. У собак более совершенный слоховой аппарат. Знаете, вы можете купить свисток, который издает такие высокие звуки, что вы их вовсе не заметите. Зато собака услышит.

— Да, я как-то видел такой свисток, — сказал доктор.

— Разумеется, видели. Так вот, существуют тона еще более высокие, нежели у этого свистка, более высокой вибрации, если вам так нравится, хотя я предпочитаю называть это тоном. Их вы также не сможете услышать. И далее есть еще более высокие, которые поднимаются все выше и выше, — сплошная череда тонов... бесконечный ряд... Есть даже такие — если бы только наши уши были способны их различить, — что состоят из миллиона колебаний в секунду... даже в миллион раз больше этого... и так далее, все выше и выше, покуда хватит счета, то есть... бесконечность... вечность... вечность... дальше звезд...

С каждым мгновением Клаузнер все более оживлялся. Это был маленький, болезненного вида человек, нервный и дерганый, с беспрестанно снующими руками. Его огромная голова клонилась к левому плечу, словно шея не в силах была удерживать такую тяжесть. Лицо представало гладким и бледным, почти белым, а светло-серые глаза, поблескивающие из-под очков в стальной оправе, казались смущенными, близорукими и

какими-то отдаленными. Да, это был хрупкий, нервный, дерганый человек, чем-то похожий на мотылька, мечтательный и встревоженный, но внезапно способный прийти в возбуждение, оживиться, так что доктор, разглядывая необычно бледное лицо и сероватые глаза мистера Клаузнера, не мог не ощутить какую-то внутреннюю разобщенность в этом маленьком человеке, словно сознание его было безмерно отдалено от тела.

Доктор ждал продолжения, Клаузнер вздохнул и крепко сцепил руки.

— Убежден, — проговорил он уже спокойнее, — что существует целый мир звуков вокруг нас, воспринимать которые нам попросту не под силу. Возможно, в этих недоступных нашему слуху сферах высокой частоты существует новая, величественная музыка... Она сочетает в себе мягкую гармонию и яростные, скрежещущие диссонансы; она настолько мощная, что могла бы свести нас с ума, будь мы способны услышать ее. Это может быть что угодно... ибо все, что мы знаем, это...

— Да, — проговорил доктор. — Хотя это весьма маловероятно.

— А почему бы нет? Почему? — Клаузнер указал на муху, сидевшую на небольшом мотке медной проволоки. — Видите муху? Какой звук издает сейчас эта муха? Никакой, насколько мы можем слышать. Но мы-то знаем, что это существо способно издавать поистине сумасшедший свист на очень высоких тонах, может лаять, квакать или петь песню. Ведь у нее же есть рот, не так ли? И горло есть.

Доктор посмотрел на муху и улыбнулся.

— Некоторое время назад, — сказал Клаузнер, — я создал довольно простой инструмент, который убедил меня в существовании многих странных, неслышимых звуков. Я не раз сидел и наблюдал, как иголка аппарата вычерчивает график окрестных вибраций, хотя мои уши не различали никакого звука. Именно эти звуки я и хочу услышать. Мне хочется знать, откуда они исходят и кто или что их производит.

— И та машина, на столе, — проговорил доктор, — может позволить вам услышать эти звуки?

— Может. Хотя кто знает? Пока мне не везло. Но я кое-что усовершенствовал в ней и готов сегодня провести еще одно испытание. Эта машина, — сказал он, дотрагиваясь до ящика, — предназначена для фиксации

высоких звуков и их последующей трансформации в доступные для восприятия тона. Я настраиваю ее почти так же, как радиоприемник.

— Как это?

— Не так уж сложно. Скажем, мне захотелось услышать писк летучих мышей. Это очень высокий звук — почти тридцать тысяч колебаний в секунду. Обычное человеческое ухо не в состоянии воспринять его. Так вот, если представить, что в этой комнате летает летучая мышь и я настроил свою машину на тридцать тысяч колебаний в секунду, мне удастся расслышать писк этой мыши весьма отчетливо. Я даже смогу расслышать конкретные тона — фа-диез, си-бемоль или что там еще может быть, — но только в гораздо более низком звучании. Вы меня поняли?

Доктор взглянул на длинный, похожий на гроб ящик.

— И вы намерены опробовать его именно сегодня вечером?

— Да.

— Что ж, желаю вам удачи, — он посмотрел на часы. — Бог ты мой! Мне же пора. До свидания и спасибо за ваш рассказ. Как-нибудь позвоню и узнаю, что там у вас получилось. — Доктор вышел и прикрыл за собой дверь.

Еще некоторое время Клаузнер колдовал над проводами в черном ящике, после чего разогнулся и проговорил мягким, возбужденным шепотом: «А теперь попробуем еще раз... На сей раз вынесем все это в сад... и, возможно... возможно... прием будет получше. А теперь поднимем его... осторожно... О, Бог ты мой, какой тяжелый-то!» Он поднес аппарат к двери, понял, что не сможет открыть ее с ящиком в руках, вернулся, опустил ящик на скамью, открыл дверь, затем не без труда вытащил свое изобретение в сад. Там он аккуратно опустил конструкцию на деревянный столик, стоявший на лужайке. Затем вернулся к сараю, взял пару наушников и, подсоединив их к клеммам в приборе, водрузил на уши. Все движения рук Клаузнера отличались точностью и быстротой. Он был явно взволнован и потому дышал часто и громко, при этом не переставая тихо подбадривать себя, словно опасаясь, что машина не заработает, и в то же время испытывая страх перед тем, что принесет удача.

Так он и стоял в саду рядом с деревянным столиком — бледный, маленький и худой, напоминая како-

го-то состарившегося, изнуренного, с очками на носу, ребенка. Солнце опустилось за горизонт; вокруг — ни звука, ни малейшего дуновения ветерка. С того места, где Клаузнер стоял, ему через невысокий забор был виден соседский сад, по которому расхаживала женщина с корзиной в руках. Некоторое время он наблюдал за ней, но мысли его блуждали совсем в другом месте. Затем он повернулся к стоявшему на столике прибору и нажал кнопку на передней панели. Пальцы левой руки сжали регулятор громкости, пальцы правой — рукоятку, перемещавшую стрелку по большой центральной шкале, почти такой же, как и у радиоприемника. Экран был разделен на серию диапазонов, начинавшихся от 15 000 колебаний в секунду и вплоть до 1 000 000.

Наконец Клаузнер склонился над своей машиной. От напряженного вслушивания его шея чуть вывернулась. Правая рука стала вращать рукоятку настройки. Игла медленно ползла по шкале — настолько медленно, что он едва ощущал ее передвижение, — а в наушниках тем временем раздавалось слабое потрескивание.

Где-то вдалеке за этими шумами он различал отдаленное гудение, исходящее от самой машины, и ничего кроме этого. Вслушиваясь, Клаузнер, ловил себя на любопытном ощущении — будто его уши отделяются от головы, оставаясь связанными с ней лишь посредством тоненьких жестких проводков, наподобие щупалец, и что эти проводки удлиняются, а уши поднимаются все выше, в направлении тайной и запретной территории, ближе к опасной сверхзвуковой зоне, где слух его никогда не бывал прежде и где ему явно не полагалось быть.

Маленькая иголка продолжала медленно скользить по шкале, когда он неожиданно услышал вопль, страшный, пронзительный крик, заставивший его вскочить и схватиться за край стола. Он огляделся вокруг себя, словно ища кричавшего человека. Рядом никого не было, если не считать женщины, копавшейся в соседнем саду, но кричала явно не она. Наклонясь, соседка срезала желтые розы и складывала их в корзину.

И вот опять — неживой, нечеловеческий вопль, пронзительный и краткий, очень отчетливый и холодный. В самом этом тоне было что-то минорное, металлическое, чего ему никогда раньше не приходилось слышать. Клаузнер снова огляделся, внимательно высматривая источник звука. Взгляд его выхватывал лишь женщину в соседнем саду. Он видел, как она наклонилась, взялась

одной рукой за стебель и перекусила его ножницами. И снова он услышал тот же крик.

Он возник точно в тот момент, когда лезвия ножниц перерезали стебли.

Вслед за этим женщина выпрямилась, положила ножницы в корзину с розами и повернулась, собираясь уходить.

— Миссис Сондерс! — закричал Клаузнер срывающимся от волнения голосом. — А, миссис Сондерс!

Обернувшись, женщина увидала соседа, стоявшего у себя на лужайке — этакого причудливого, размахивающего руками человечка с наушниками на голове, — который звал ее таким высоким и крикливым голосом, что она даже испугалась.

— Срежьте еще одну! Пожалуйста, побыстрее срежьте еще одну!

Она стояла неподвижно, всматриваясь в него.

— Но зачем, мистер Клаузнер? — спросила она. — В чем дело?

— Пожалуйста, сделайте то, о чем я вас прошу. Срежьте еще одну розу!

Миссис Сондерс всегда считала своего соседа несколько странноватым, сейчас же, похоже, он определенно рехнулся. Она подумала даже, не лучше ли поспешить домой и позвать мужа. Но передумала. Ведь он же совсем безвредный, так почему бы не сделать ему приятное?

— Ну конечно же мистер Клаузнер, если вы так хотите, — проговорила она, после чего взяла из корзины ножницы и срезала еще одну розу.

И вновь в наушниках раздался нечеловеческий вопль, и именно в тот самый момент, когда ножницы перекусывали стебель. Клаузнер снял наушники и бросился к забору, разделявшему оба сада.

— Все ясно, — сказал он. — Этого довольно. Больше не надо. Прошу вас, больше не надо!

Я хотел бы что-то вам сказать, миссис Сондерс, — проговорил он. — Что-то такое, во что вы не поверите. — Он положил руки на край забора и пристально поглядел на нее сквозь толстые очки. — Сегодня вечером вы нарезали целую корзину роз. Острыми ножницами вы срезали стебли живых существ, и каждая срезанная вами роза при этом отчаянно кричала. Вы знали об этом, миссис Сондерс?

— Нет, — ответила женщина, — конечно же, я об этом не знала.

— Так оно и есть, конечно, — проговорил Клаузнер; у него сбилось дыхание, но он старался сдержать свое волнение. — А я слышал их вопли. Каждый раз, когда вы срезали цветы, я слышал их крик боли. Очень высокий крик, примерно сто тридцать две тысячи колебаний в секунду. Вы, наверное, не слышали его, но я слышал очень отчетливо.

— Правда, мистер Клаузнер? — Она поняла, что секунд через пять опрометью бросится к дому.

— Вы можете сказать, — продолжал он, — что у розового куста нет нервов, которые реагировали бы на боль, нет горла, которым он мог бы кричать. И вы будете правы. У него нет всего этого. Во всяком случае, всего того, чем обладаем мы. Но откуда вы знаете, миссис Сондерс, — при этих словах он сильно подался вперед и перешел на горячий шепот, — откуда вы знаете, что растение вовсе не испытывает боли, когда его перерезают надвое... такой же точно боли, как если бы кто-то и вам перерезал садовыми ножницами запястье? Откуда вы это знаете? Ведь оно же живое, не так ли?

— Да, мистер Клаузнер. О, да... И спокойной ночи, — она быстро повернулась и побежала по саду в направлении дома. Клаузнер вернулся к столу. Он надел наушники и некоторое время стоял, вслушиваясь. Различались потрескивающие звуки и глухое гудение машины, и ничего больше. Затем Клаузнер наклонился и сжал пальцами стебель маленькой белой ромашки, росшей у него на лужайке. Затем он осторожно потянул стебель на себя и, дернув чуть в сторону, оторвал его.

С того самого момента, когда он начал тянуть цветок и вплоть до разрыва стебля, в наушниках отчетливо слышался высокий негромкий крик, какой-то странно неодушевленный. Клаузнер взялся за другую ромашку и повторил то же самое. И снова раздался крик, но на сей раз Клаузнер не смог сказать точно, что крик выражал именно боль. Нет, это была не боль, скорее — удивление. Но так ли это? На самом деле в этом звуке не было ничего общего с человеческими эмоциями. Это был просто крик, нейтральный, холодный крик — одинокий, почти бесстрастный вопль, не выражающий ничего. То же самое относилось и к розам. Он ошибался, называя это криком боли. В нем

присутствовало то иное, о чем мы ничего не знаем — что-то этакое... похожее на чмыканье, хлопанье, или зунькуженье, или как уж вам больше понравится назвать все это.

Он встал и снял наушники. Наступала темнота, и он видел огоньки света, поблескивавшие из окон окрестных домов. Клаузнер осторожно поднял прибор, перенес его в сарай и поставил на верстак. Затем он вышел, запер дверь и направился в сторону дома.

На следующее утро мистер Клаузнер встал с рассветом. Одевшись, он направился прямо к сараю. Подхватив машину, вынес наружу, плотно прижимая к груди и чуть пошатываясь от тяжести. Миновав дом и калитку, Клаузнер пересек дорогу и двинулся в сторону парка. Один раз на пути он замер, оглянулся, постоял мгновенье и затем пошел дальше; оказавшись возле большого бука, опустил прибор на землю у самого ствола. После этого Клаузнер поспешил к дому, вынес из угольного погреба топор и, вернувшись в парк, положил его рядом с деревом.

Затем он снова огляделся, нервозно посматривая через свои толстые очки. Вокруг не было ни души. Шесть часов утра.

Клаузнер надел наушники и включил машину. Некоторое время вслушивался в знакомый гудящий звук, затем поднял с земли топор, встал, широко расставив ноги, и изо всех сил всадил лезвие в основание ствола. Металл вошел в толщу древесины и застрял там, и в тот же самый момент в наушниках разразился поистине невероятный шум. Совершенно новый, доселе незнакомый звук — хриплый, глухой, оглушающий, рокочущий, низкий и все же похожий на вопль — не столь изумленно-краткий, как у срываемой розы, но походящий на глубокий — длиною в целую минуту — вздох ужаса, который достиг своего апогея, когда лезвие застряло в древесной плоти, и после этого, постепенно затихая, слабел, пока вовсе не сошел на нет.

Клаузнер с ужасом смотрел на место разруба, затем осторожно взялся за рукоятку, высвободил лезвие и тихонько опустил топор на землю; он прикоснулся к краям раны, попытался даже сжать их; он все время приговаривал: «Дерево... о, дерево... извини меня... мне так жалко... все ведь зарастет... прекрасно зарастет...»

Какое-то время Клаузнер стоял, ухватившись рука-

ми за мощный ствол бука, затем резко повернулся и бросился вон из парка — через дорогу, сквозь калитку, пока не оказался снова в доме. Он подошел к телефону и, покопавшись в справочной книге, набрал номер и стал ждать. Крепко сжимая трубку правой рукой, он нетерпеливо постукивал по столу пальцами левой. Ему было слышно, как на другом конце провода раздается звонок, наконец щелкнуло и сонный мужской голос проговорил:

— Алло. Да.

— Доктор Скотт?

— Да, он самый.

— Доктор Скотт, вы должны приехать. Немедленно.

— Кто это говорит?

— Клаузнер. Вы помните, я рассказывал вам вчера вечером про свои эксперименты со звуком и о том, как бы мне хотелось...

— Да, да, конечно, но я не вполне понимаю, что случилось? Вы нездоровы?

— Нет, я не болен, но...

— Но сейчас ведь половина седьмого утра, — сказал доктор, — и вы звоните мне, хотя совершенно не больны.

— Пожалуйста, приходите. Только побыстрее. Я хочу, чтобы кто-нибудь это услышал. Я схожу от этого с ума! Я не могу в это поверить...

Доктор узнал отчаянные, почти истеричные нотки в голосе звонившего — точно такие же, как у тех, кто кричал в трубку: «Несчастье! Произошел несчастный случай! Пожалуйста, приезжайте побыстрее». Он медленно проговорил:

— Вы действительно хотите, чтобы я вот так встал из постели и приехал к вам?

— Да, сейчас. Пожалуйста, немедленно.

— Ну что ж, хорошо. Еду.

Клаузнер сел рядом с телефоном и стал ждать. Он пытался вспомнить, как звучал тот вопль, который издавало дерево, но никак не мог. Единственное, что всплывало в памяти, так это само неистовое страдание, заполнившее звук и заставившее его самого пережить паралич ужаса. Он попытался представить себе, какой звук издаст человек, если его прикуют к земле и станут умышленно каким-нибудь маленьким острым предметом протыкать ему ногу, вонзая лезвие глубоко

в плоть, раздирая ее. Верно, получится нечто похожее? Впрочем, нет. Будет совсем другой звук. Крик дерева был страшнее любого человеческого именно из-за своей пугающей, неодушевленно-ровной структуры. Клаузнер стал думать о других живых существах, и и в памяти сразу же всплыло пшеничное поле с тесными рядами желтых и живых колосьев, по которым движется косилка... Пятьсот стеблей в секунду, каждую секунду! О, Боже, какой же должен стоять крик! Пятьсот пшеничных колосьев, кричащих одновременно... И каждую секунду срезаются новые пятьсот колосьев, которые тоже кричат... Нет, подумал он, я не хочу идти со своей машиной на пшеничное поле. После этого я никогда не стану есть хлеб. Но как быть с помидорами, капустой, морковью и луком? А с яблоками? Нет, с яблоками как раз все в порядке. Вызрев, они сами падают на землю. С ними все в порядке, если дать им вызреть и дождаться, когда они упадут на землю, а не срывать с ветвей. Но только не овощи. Только не картошка, например. И помидор тоже обязательно будет кричать, и морковь, и лук, и капуста...

Звякнула щеколда калитки. Клаузнер вскочил и, выбежав наружу, увидел высокую фигуру доктора, идущего по тропинке с маленьким черным чемоданчиком в руке.

— Итак, — спросил доктор, — что же нас беспокоит?

— Пойдемте со мной, доктор. Я хочу, чтобы вы услышали это. Я позвал вас потому, что вы единственный, кому я обо всем рассказал. Это там, в парке, у дороги. Ведь вы пойдете со мной?

Доктор внимательно посмотрел на Клаузнера. Тот показался ему уже более спокойным, никаких признаков помешательства или истерики, просто возбужден и встревожен.

Они пошли по дороге в парк, и Клаузнер подвел его к большому буку; у самого ствола стоял длинный, черный, похожий на гроб ящик, рядом лежал топор.

— Зачем вы принесли его сюда? — спросил доктор.

— Мне нужно было дерево. В саду нет больших деревьев.

— А топор зачем?

— Сейчас вы все узнаете. Только, пожалуйста, наденьте эти наушники. И слушайте. Слушайте внима-

тельно, а потом скажите, что именно вы услышали. Я хочу окончательно убедиться...

Доктор улыбнулся, взял наушники и надел их.

Клаузнер наклонился и щелкнул тумблером на панели машины; затем взял топор и встал, широко расставив ноги и готовый к замаху. На какое-то мгновение он застыл.

— Слышите хоть что-нибудь? — спросил он доктора.

— Простите, что?

— Слышите вы что-нибудь?

— Гул какой-то.

Стоя с топором в руках, Клаузнер настраивал себя на замах, но мысль о мучительном крике дерева снова и снова удерживала его.

— Чего вы ждете? — спросил доктор.

— Ничего, — ответил Клаузнер; он поднял топор и занес его над головой. И вдруг ему показалось... он готов был поклясться, что почувствовал... как задвигалась земля у него под ногами. Он ощутил слабое смещение почвы, словно корни дерева шевельнулись в глубине, но было уже слишком поздно что-то менять — топор ударил по дереву, лезвие глубоко вошло в его плоть. В тот же самый момент где-то высоко в кроне, раздался треск рвущейся древесины, затем шелест трущейся листвы... Оба подняли головы и доктор закричал:

— Осторожнее! Бегите! Быстрее бегите!

Доктор сорвал наушники и быстро отбежал в сторону, тогда как Клаузнер словно завороженный продолжал стоять и смотреть на большую, почти двадцатиметровую ветвь, медленно клонившуюся вниз; она со скрежетом расщеплялась в самом толстом своем месте, — на стыке со стволом. Наконец ветвь с грохотом рухнула вниз, и Клаузнеру удалось отскочить в сторону лишь в самый последний момент. Ветвь упала прямо на аппарат, разнося его на куски.

— Боже праведный! — воскликнул доктор, когда подбежал к Клаузнеру. — Ведь так близко! Я думал, что попала в вас!

Клаузнер смотрел на дерево. Его большая голова склонилась набок, а гладкое белое лицо было искажено ужасом. Он медленно подошел к дереву и осторожно высвободил лезвие топора из ствола.

— Вы слышали это? — спросил он, поворачиваясь к доктору. Голос его едва звучал.

Доктор никак не мог отдышаться от всех этих прыжков и возбуждения. «Что именно?»

— В наушниках. Вы слышали что-нибудь в тот момент, когда топор вонзился в дерево?

Доктор поскреб ладонью затылок.

— Ну, — промолвил он, — сущности... — он замолчал, нахмурился и прикусил нижнюю губу. — Нет, я не уверен, никак не уверен. Мне кажется, что через секунду после вашего удара наушников на мне уже не было...

— Да, да, но что же вы все-таки слышали?

— Я не знаю, — сказал доктор. — Не знаю, что я слышал. Может, это был треск ломаемой ветки. — Он говорил быстро, несколько раздраженно.

— И какой это был звук? — Клаузнер чуть подался вперед, глядя на доктора в упор. — На что именно он был похож?

— О, дьявол! — воскликнул доктор. — Я и правда не знаю. В тот момент меня больше заботило как бы поскорее убраться оттуда. Давайте оставим это.

— Доктор Скотт, на что же именно походил тот звук?

— Но ради Бога, как я могу вам это сказать, когда на меня валилась чуть ли не половина дерева, и мне нужно было уносить ноги, спасая свою жизнь? — Сейчас доктор уже определенно нервничал, и Клаузнер почувствовал это. Он стоял неподвижно и молча глядел на доктора по крайней мере с полминуты. Доктор переступил с ноги на ногу, пожал плечами и уже наполовину повернулся, чтобы уйти. «Что ж, — сказал он, — нам, пожалуй, лучше возвращаться».

— Взгляните, — проговорил маленький человечек и его гладкое белое лицо неожиданно залилось краской. — Вот здесь, — сказал он. Наложите сюда швы. — Клаузнер указал на место разрубка. — Вы быстро наложите сюда швы».

— Не говорите глупости, — бросил доктор.

— Вы сделаете то, что я вам сказал. Вы зашьете рану, — Клаузнер сжимал рукоятку топора, голос его звучал мягко, но как-то странно, почти угрожающе.

— Не глупите, — повторил доктор. — Я не могу наложить швы на дерево. Пойдемте, нам пора возвращаться.

— Значит, вы не можете наложить швы на дерево?

— Ну, конечно же, нет.

— А йод у вас в чемоданчике есть?

— А если и так?

— Тогда вы смажете рану йодом. Конечно, жечь будет, но тут уж ничего не попишешь.

— Послушайте, — проговорил доктор, вновь поворачиваясь, чтобы уйти. — Давайте не будем делать глупости. Давайте вернемся в дом, а потом...

— Смажьте рану йодом.

Доктор заколебался. Он видел, как напряглись руки Клаузнера, сжимавшие топор. Самым лучшим выходом в сложившейся ситуации, понимал он, было бы как можно скорее обратиться в бегство, но именно этого он никак не собирался делать.

— Хорошо, — согласился он, — я смажу рану йодом.

Доктор подошел к своему чемоданчику, лежавшему на траве поодаль, открыл его, вынул пузырек с йодом и несколько ватных тампонов. Затем подошел к дереву, открыл пузырек, накапал йода на тампон, наклонился и принялся смазывать место разруба. Краем глаза он следил за Клаузнером, который неподвижно стоял рядом, держа топор и наблюдая за его действиями.

— Постарайтесь смазать как следует.

— Да-да, — кивнул доктор.

— А теперь другую рану. Ту, что повыше!

Доктор сделал как ему было сказано.

— Ну вот, — сказал он. — Все в порядке.

Он выпрямился и с серьезным видом осмотрел проделанную работу. «Пожалуй, вышло неплохо».

Клаузнер подошел ближе и с болью на лице осмотрел обе раны.

— Да, — проговорил он, покачивая своей огромной головой. — Да, все в полном порядке. — Он сделал шаг назад. — А завтра вы придете проведать его?

— А да, — промолвил доктор. — Ну, конечно же.

— И еще раз смажете йодом?

— Если будет необходимость, обязательно.

— Спасибо вам, доктор, — проговорил Клаузнер и снова кивнул головой; он уронил топор и вдруг расплылся в улыбке, — это была дикая, горячечная улыбка. Доктор быстро подошел к нему, мягко взял под руку и сказал: «Да-да... нам пора идти», и они двинулись назад, шагая рядом, в полном молчании, стараясь как можно скорее пересечь парк, выйти на дорогу и вернуться домой.

КРЫСОЛОВ

После полудня крысолов прибыл на автозаправочную станцию. Он пришел по обочине шоссе, двигаясь по гравию мягко, почти крадучись и абсолютно бесшумно, — не потревожа и камешка. С одного плеча свешивался армейский ранец, а одет он был в старомодный черный жакет с большими карманами. Его коричневые вельветовые брюки на коленях перехватывались кусками белой веревки.

— Ну? — спросил Клод, прекрасно зная, кто перед ним.

— Дератизатор. Морильщик грызунов. — Его маленькие глазки быстро оглядывали помещение.

— Крысолов?

— Это я.

Мужчина был тощ, с коричневым острым лицом и двумя длинными, цвета серы резцами, которые торчали из верхней челюсти, частично прикрытые нижней губой. Тонкие и заостренные уши располагались чуть ли не на затылке. Глаза казались почти черными, но, когда они обращались к вам, в них вспыхивала какая-то внутренняя желтизна.

— Быстро же вы добрались.

— Спецприказ чиновника по здравоохранению.

— И вы теперь собираетесь переловить всех крыс?

— Ага.

Его темные вороватые глаза были как у зверька, что всю свою жизнь настороженно выглядывает из земляной норы.

— Как вы собираетесь их ловить?

— Ну-у, — протянул морильщик неопределенно. — Это зависит от того, где они.

— Капканами, я полагаю.

— Капканами! — воскликнул он негодующе. — Таким путем вы много не поймаете. Крысы — это, знаете ли, не кролики.

Он обратил лицо вверх, принюхиваясь к воздуху, при этом его нос заметно поводило из стороны в сторону.

— Нет, — сказал он презрительно. — Капканы — это не метод для ловли крыс. Крысы умны, позвольте мне вам заметить. Если вы хотите их ловить, вы должны изучить их. На такой работе вы должны изучить их.

Я заметил, что Клод смотрит на него как завороженный.

— Они намного умнее собак, эти крысы.

— Иди ты.

— Вы знаете, на что они способны? Они наблюдают за вами. В то время, как вы собираетесь их ловить, они сидят себе тихонько в укромном месте и наблюдают за вами. — Мужчина согнулся, вытягивая далеко вперед свою жилистую шею.

— Что это вы делаете? — спросил Клод, глядя во все глаза.

— То, что видите. Вот, вот где вы должны изучать крыс.

— Как вы их ловите?

— По-разному, — сказал крысолов, поглядывая искоса. — Разные есть способы.

Он замолчал и эдак мудро покачал своей отвратительной головой — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Все зависит от того, где они, — сказал он. — Не в канализации, случаем?

— Нет. Не там.

— Хитрая штука эта канализация, — сказал он, искусно принюхиваясь слева от себя — так, что кончик носа трепетал. — Канализация очень тонкая штука.

— Не особенно, я полагаю.

— Он полагает! Поглядите-ка на него — он полагает! Хорошо, хотел бы я посмотреть на вас в этом деле! Ну так поделитесь, как бы вы принялись за дело?

— Ничего особенного. Я бы отравил их, вот и все.

— И где бы вы разбросали отраву, хотел бы я спросить?

— В канализации. Где же еще, черт подери?!

— Вот! — воскликнул крысолов торжествующе. — Я так и знал! В канализации! И знаете, что бы случилось? Все бы просто смыло, вот и все. Канализация как река, знаете ли.

— Это вы так считаете, — отреагировал Клод. — Это только с в а ш е й точки зрения.

— Это факты.

— Ну хорошо, хорошо. Так что бы сделали вы, мистер Всезнайка?

— Только на канализационной работе вы узнаете крыс. Только там.

— Ну-ну.

— Я расскажу вам. Слушайте. — Крысолов малость приблизился, его голос обрел нотки конфиденциальности, как у человека, выдающего потрясающие профессиональные тайны.

— Вы работаете, понимая, что крыса — грызущее животное, ясно? Крысы г р ы з у т. Что бы вы ни дали им, даже если это что-то они и не видывали раньше, знаете, как они поступят? Они станут грызть это. Так-то вот! Да! А у вас задание на обработку канализации. И что вам делать?

Его голос отличался мягким горловым звучанием, вполне лягушачьим, и казалось, он выговаривает слова с невероятным смаком, словно наслаждаясь их вкусом. Клод обладал тем акцентом — этакая совершенная мягкость уроженца Букингемшира, но голос крысолова был более глубоким, а слова более вожделенными в его устах.

— Все что надо сделать — это спуститься в канализацию с несколькими обычными бумажными пакетами, самыми обыкновенными коричневыми бумажными пакетами, наполненными гипсовой пудрой. И больше ничего. Затем вы развешиваете пакеты над канализационным каналом, над самой водой. Понятно? Но чтобы они не касались воды и в то же время крыса могла дотянуться.

Клод слушал с увлечением.

— Вот так. Старая крыса плывет по канализационному каналу и видит пакет. Она останавливается. Обнюхивает пакет — в его запахе нет ничего опасного. И что она делает дальше?

— Она в г р ы з а е т с я в него, — воскликнул Клод восхищенно.

— Да! Именно так! Она начинает г р ы з т ь пакет. Пакет рвется, и старая крыса получает полную пасть пудры. На свою погибель.

— Ну?

— Это срабатывает.

— Как? Убивает ее?

— Ага. Убивает ее наповал.

— Но гипсовая пудра не отрава, как известно.

— Ха! Вот тут-то вы ошибаетесь! Пудра разбухает. Когда вы намочите ее, она разбухает. Поступая в нутро крысы и разбухая, она убивает быстрее всего на свете.

— Не может быть!

— Я ж говорю: только там, в канализации, вы узнаете крыс.

Лицо морильщика сияло от тайной гордости. Потирая, поднес к лицу свои жилистые руки. Клод завороженно наблюдал за ним.

— Итак, где же крысы?

Слово «крысы» сошло с его губ как бы из глубины, мягко, с полным смаком, словно при полоскании горла топленым маслом.

— Давайте же взглянем на крыс.

— Они в стогу сена, через дорогу.

— Так не в доме? — спросил он явно разочарованно.

— Нет. Только вокруг стога. Больше нигде.

— Держу пари, они и в доме... И добираются по ночам до всей вашей пищи, и разносят болезни и заразу. Кто-нибудь болел последнее время? — спросил он, поглядев сначала на меня, затем на Клода.

— Все в полном здравии.

— Уверены?

— Да.

— Ну это нельзя знать точно. Вы можете быть больным в течение многих недель и не чувствовать этого. И потом вдруг — бац! — а болезнь тут как тут. Вот почему доктор Арбутнот так щепетилен. Вот почему он так срочно направил меня. Ясно? Чтобы пресечь распространение болезни.

Сейчас крысолов разыгрывал роль чиновника от здравоохранения, этакая преважная крыса, глубоко разочарованная, что мы не страдаем от бубонной чумы.

— Я чувствую себя превосходно, — нервно сказал Клод.

Крысолов пристально изучил его лицо, но ничего не сказал.

— И как вы собираетесь ловить их в стогу?

Морильщик крыс коварно осклабился, выставляя резцы. Он полез в свой ранец, достал большую жестяную банку и поднял ее на уровень лица — так, что наполовину закрыл его; теперь он поглядывал на Клода одним глазом.

— Отрава! — прошептал он. Но произнес как «а т р р я в а», смягчая слово до темного и опасного. — Смертельная а т р р я в а — вот что это! — Говоря, он покачивал банку вверх-вниз. — Здесь достаточно, чтобы уморить миллион человек!

— Ужас! — сказал Клод.

— Точно. Вас отправят за решетку на шесть месяцев, если застукают хоть с чайной ложкой этого добра, — сказал он, полизывая губы.

Он имел привычку при разговоре вытягивать вперед голову.

— Хотите посмотреть? — спросил морильщик, вынимая пенсовую монету, чтобы поддеть крышку. — Вот! Вот оно! — проговорил он нежно, почти любовно и протянул банку Клоду, чтобы тот взглянул.

— Что там у вас — пшеница? Или ячмень?

— Это овес. Вымоченный в смертельной а т р р я в е. Достаточно зернышка в рот, и вы через пять минут покойник.

— Честно?

— Ага. Глаза б мои не глядели на эту банку!

Он ласково погладил ее и легонько потряс, так что овсяные зерна мягко отозвались изнутри.

— Но не сегодня. Ваши крысы сегодня этого не получат. Где им еще отведать этого? Нигде. Только там, где вы изучаете их. Крысы подозрительны. Чертовски подозрительны. Поэтому сегодня они получат немного чистого вкусного овса и абсолютно безвредного. Пусть откормятся! И это будет так вкусно, что крысы всего района соберутся здесь через пару дней.

— Здорово придумано.

— На такой работе станешь думать. И станешь умнее крысы, а это что-нибудь да значит.

— Вы сами уже почти как крыса, — сказал я. Фраза выскользнула машинально, я не успел ни остановить себя, ни поправить дело, потому что не отрываясь глядел на крысолова. Однако эффект от моих слов был неожиданным.

— Вот! — воскликнул он. — Вы поняли! Наконец-то вы что-то поняли! Хороший крысятник должен походить на крысу больше, чем кто-либо на целом свете. Быть умнее крысы. И это очень не легко, поверьте.

— Уверен, что так оно и есть.

— Ну и отлично. Приступим. Я не могу возиться

весь день, вы же понимаете. Да и потом леди Леонора Бенсон настоятельно приглашала меня в Менор.

— У нее тоже крысы?

— Крысы у всех, — сказал крысолюб и направился иноходью через дорогу к стогу, а мы смотрели ему вслед. Удивительно, но он двигался как крыса — медленно, изящно, на полусогнутых пружинистых ногах, и совершенно бесшумно по гравию. Он проворно перемахнул через загородку прямо в поле, затем быстро обошел вокруг стога, рассыпая по земле пригорошни овса.

На следующий день он повторил процедуру.

И на другой день он пришел опять и разложил отравленный овес, но уже не разбрасывая, а осторожно размещая маленькими порциями на каждом углу стога.

— У вас есть собака? — спросил он на третий день, возвратившись после расклада.

— Есть.

— Если вы хотите, чтобы она сдохла в муках, почаще позволяйте ей забегать в поле.

— Будем осторожны, — сказал Клод. — Вы можете не беспокоиться об этом.

На следующий день он заявился для того, чтобы собрать трупы.

— У вас есть старый мешок? — спросил он. — Наверняка понадобится.

Крысятник был в этот момент важен и очень значителен; темные глазки сверкали гордо. Он готовился продемонстрировать публике поразительные результаты своего искусства.

Клод принес мешок, и мы втроем перешли через дорогу, предводительствуемые крысоловом. Клод и я облокотились на изгородь, наблюдая. Крысятник рыскал вокруг стога, пригибаясь к земле, чтобы осмотреть кучки отравы.

— Что-то здесь не так, — пробормотал он с нежной злобой.

Он подскочил к очередной кучке и опустился на колени, внимательно исследуя ее.

— Что-то, черт бы их побрал, здесь не так.

— Что случилось?

Он не ответил, но было ясно, что крысы не притронулись к его приманке.

— Здесь очень умные крысы, — сказал я.

— Именно это я и говорил ему, Гордон. Здесь вы имеете дело с необычными крысами.

Морильщик вышел из ворот. Он был крайне раздосадован; это читалось по его лицу, по складкам вокруг носа и по тому, как два его желтых резца впивались в нижнюю губу. «Только не нужно дерьмовых советов! — сказал он, глядя на меня. — Ничего особенного с крысами не случилось. Разве что их где-то прикормили. Где-то они нашли нечто более вкусное и побольше. Но в мире нет крыс, которые бы не вернулись к овсу, пусть хоть утроба лопнет.

— Они умны, — сказал Клод.

Крысолов развернулся, негодуя. Он снова опустился на колени и маленьким совком начал сгребать отравленные зерна и ссыпать их обратно в банку. Когда он закончил, мы все трое побрели обратно.

Крысиный человек стоял у бензонасосов, весьма сокрушенный и робкий теперь крысолов, с тенью раздумья на лице. Он погрузился в себя и в тишине размышлял о неудаче; его глаза как бы закоптились, кончил языка ерзал возле резцов, полизывая губы. Подняв глаза, он исподтишка взглянул на меня, потом на Клода. Кончик носа крысолова задергался: он принюхивался к воздуху. Потом, несколько раз мягко качнувшись на носках, сказал голосом, исполненным тайн: «Хотите кое на что посмотреть?»

Очевидно, он пытался спасти свою репутацию.

— На что?

— Кое-что удивительное! — объявив это, он опустил правую руку в глубокий, как у браконьеров, карман жакета и вытащил большую живую крысу, крепко сжатую в пальцах.

— Боже правый!

— Вот она, пожалуйста!

Он слегка подался вперед, вытянув шею, и уставился на нас, держа в руках огромную коричневую крысу. Чтобы она не вывернулась и не цапнула, он крепко сдавил ей шею большим и указательным пальцами.

— Вы всегда таскаете крыс в своих карманах?

— Со мной всегда одна или две.

С этим он сунул свободную руку в другой карман и извлек маленького белого хорька.

— Хорек, — сказал он, приподнимая его за шею.

Хорек, казалось, знал хозяина и не пытался вырваться.

— Никто так быстро не убивает крысу, как хорек. И никто так яростно не сражается.

Он приблизил руки одна к другой, так что нос хорька оказался в шести дюймах от крысиной морды. Розовые бусинки глаз хорька впились в крысу. Та задергалась, пытаясь сбежать от убийцы.

— Ну, — сказал крысолов, — смотрите!

Его рубашка цвета хаки была открыта у шеи, и он, подняв крысу, опустил ее за пазуху. Как только рука освободилась, он расстегнул жакет, и стало видно, как под тканью выдается тело крысы. Ремень препятствовал ее проникновению ниже пояса.

Затем он запустил хорька вслед за крысой.

И тут же под рубашкой началась бешеная гоньба. Было заметно, как крыса носится вокруг человеческого тела, преследуемая хорьком. Пять или шесть кругов совершили они — меньшее тело вслед за более крупным, с каждым оборотом сближаясь понемногу, пока наконец не сплелись воедино и не раздался пронзительный визг схватки.

За все время представления крысолов стоял совершенно спокойно, расставив ноги и опустив руки и не сводя своих черных глаз с Клода. Но теперь он запустил руку за пазуху и вытащил хорька; другой рукой извлек мертвую крысу. На белой мордочке хорька были следы крови.

— Не уверен, что мне это слишком нравится.

— Держу пари, вам не приходилось раньше видеть ничего подобного.

— Да, не приходилось. И вообще, в один прекрасный день эта тварь вцепится вам в кишки, — сказал ему Клод. Но все же это произвело впечатление, и крысолов вновь вырос в его глазах.

— Хотите увидеть нечто еще более удивительное? — спросил тот. — Нечто такое, во что вы никогда не поверили бы, если бы не увидели своими глазами.

— Ну?

Мы стояли возле насосов, и это было одно из самых прелестных теплых утр ноября. Две машины заправлялись, сразу одна за другой, и Клод отходил к ним, чтобы обслужить.

— Так вы хотите увидеть? — спросил крысиный человек,

Я взглянул на Клода, отчасти предчувствуя недоброе. «Что ж, — сказал Клод. — Давайте посмотрим».

Крысолов опустил мертвую крысу в карман, хорька — в другой. Затем он полез в ранец и извлек — будьте любезны! — еще одну живую крысу.

— Боже правый! — сказал Клод.

— Со мной всегда одна или две крысы, — спокойно объявил морильщик. — На этой работе надо знать крыс, а чтобы знать хорошо, надо чтобы они всегда были с тобой. Эта вот — канализационная крыса. Старая канализационная крыса, хитрая, как педик. Видите, как она все время наблюдает за мной, пытаясь вычислить, что я замыслил? Видите?

— Очень неприятная.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я. Я чувствовал, эта крыса нравится мне еще меньше предыдущей.

— Дайте мне кусок веревки.

Клод принес ему кусок веревки.

Левой рукой крысолов закрепил петлю на задней лапе крысы. Та забилась, выворачивая голову, чтобы увидеть, что с ней собираются делать, но человек крепко сдавил ей шею двумя пальцами.

— Итак! — воскликнул он, оглядываясь. — Есть у вас дома стол?

— Мы не хотим крысу в доме, — сказал я.

— Хорошо. Но мне нужен стол. Или поверхность типа стола.

— Как насчет капота того автомобиля? — сказал Клод.

Мы подошли к машине, и морильщик опустил старую канализационную крысу на капот. Он прикрепил веревку к дворнику ветрового стекла — крыса теперь была привязана.

Первым делом она вся подобралась, неподвижная и подозрительная, крупная серая крыса с яркими черными глазами и облезлым хвостом, свернувшимся на капоте в кольцо. Она поглядывала в сторону от крысолова, однако искоса отслеживала каждое его движение. Тот сделал несколько шагов назад, и тут же напряжение оставило крысу. Она присела на задние лапы и принялась вылизывать серую шерстку на грудке. Затем поскребла мордочку передними лапами. Казалось, ее вовсе не интересуют стоящие рядом три человека.

— Ну, а как насчет небольшого пари? — спросил крысолов.

— Мы не спорим, — сказал я.

— Только для потехи. Когда поспоришь — больше потехи!

— О чем вы хотите спорить?

— Спорим, я убью эту крысу, не дотрагиваясь до нее руками. Мои руки все время будут в карманах.

— Вы забьете ее ногами, — сказал Клод.

Было очевидно, что у крысолова с деньгами туго. Я посмотрел на крысу, которую собирались убить, и почувствовал легкую тошноту, и не столько потому, что ее собирались убить, а потому, что ее собирались приканчивать как-то особенно, с изрядной порцией удовольствия.

— Нет, — сказал крысолов. — Не ногами.

— И не локтями?

— Не локтями. Не руками и не ногами.

— Ты сядешь на нее.

— Нет. Я не придавлю ее.

— Ну давай посмотрим, как ты сделаешь это.

— Но сначала поспорим. На фунт.

— Не будь кретином, — сказал Клод. — Почему мы должны давать тебе фунт?

— А на что же мы поспорим?

— Ни на что.

— Что ж. Тогда ничего не будет.

Крысолов сделал движение, намереваясь отвязать веревку от дворника.

— Я поспорю с тобой на шиллинг, — сказал ему Клод.

Ощущение тошноты в моем желудке усиливалось, но во всем этом деле был какой-то ужасный магнетизм, так что я был не в силах ни уйти, ни даже пошевельнуться.

— Вы тоже?

— Нет, — сказал я.

— А вы почему нет? — спросил крысолов.

— Просто не хочу с вами спорить, вот и все.

— Так вы хотите, чтобы я проделал все это за паршивый шиллинг?

— Я вообще не хочу, чтобы вы делали это.

— Где деньги? — сказал он Клоду.

Клод положил шиллинг на капот, ближе к радиатору. Крысолов выудил два шестипенсовика и поло-

жил их рядом с монетой Клода. И как только он протянул руку, крыса сжалась, откинула голову и распласталась на капоте.

— Итак, поспорили, — сказал крысолов.

Клод и я отступили на несколько шагов. Крысолов шагнул вперед. Он сунул руки в карманы и согнулся в поясе так, что его лицо оказалось на одном уровне с крысой, на расстоянии около трех футов. Его глаза впились в крысиные и держали их. Почуяв смертельную опасность, крыса вся подобралась, но оставалась неподвижной. Мне показалось, в ее позе была готовность броситься вперед, в лицо человеку, но, вероятно, было что-то могущественное во взоре крысиного человека, что удерживало ее от прыжка и подавляло, и затем постепенно стало подчинять, так что она подалась назад, вся волочащаяся от медленно утопающих шажков. Но вот веревка, держащая ее за лапу, натянулась. Она рванулась еще дальше и задергала лапой, пытаясь высвободить ее. Человек наклонялся вперед, к крысе, следуя за ней лицом, и наблюдая, и вдруг крыса запаниковала и скакнула вверх и вбок. Веревка рванула ее назад с такой силой, что чуть не вывернула лапу.

Крыса снова сжалась в комок, но уже на середине капота — так далеко, как позволяла веревка. Она была здорово подавлена, усы дрожали, длинное серое тело сводило от страха.

С этого момента крысолов начал опять приближать свое лицо. Он делал это медленно, так медленно, что движение вовсе не было заметно, хотя расстояние на наших глазах все сокращалось. Он ни на миг не отводил глаз от крысы. Напряжение было столь велико, что мне вдруг захотелось закричать и остановить его. Я хотел остановить его, потому что от всего этого во мне просыпалась тошнота, но я не мог заставить себя вымолвить и слова. Вот-вот должно было случиться что-то крайне неприятное — я был уверен в этом. Что-то низменное, жестокое и крысоподобное, и тогда меня уж точно вытошнит. Но сейчас я должен был смотреть.

Лицо крысолова было уже на расстоянии почти восемнадцати дюймов от крысы. Двенадцать дюймов. Затем десять, а возможно, и восемь, и скоро лишь расстояние в ладонь разделяло их. Крыса вдавила тело в крышку капота, напряженная и объятая ужасом.

Крысолов тоже был напряжен, но его активное убийственное напряжение напоминало сжатую пружину. Тень улыбки оживляла кожу вокруг его рта.

Вдруг он цапнул.

Он цапнул, как змея, бросив голову вперед с быстротой кинжального удара, что производится мышцами нижней части тела, и я на мгновенье разглядел его раскрытый широко рот, два желтых резца и лицо, искаженное широтой хватки.

Больше я не мог смотреть. Я закрыл глаза, а когда открыл снова, крыса была мертва, а крысолов складывал монеты в карманы, слизывал кровь вокруг рта.

— Вот почему они делают лакомства из этого, производители шоколада, — сказал он. — Они обычно используют ее в производстве лакомств.

Опять тот же смак в голосе, те же мокрые губы и вкусный выговор, с богатыми горловыми модуляциями, и сладкая, просто-таки вся в густом сиропе, манера тянуть это словцо «лакомства».

— Точно! — сказал он. — Ничего дурного не случится от глотка крысиной крови.

— Не говорите за всех, — сказал ему Клод.

— Но так оно и есть. Да вы и сами пробовали ее не раз. Все грошовые конфетки сделаны из крысиной крови.

— Спасибо, но нам бы не хотелось слышать об этом.

— Ее кипятят в больших котлах, выпаривая и размешивая длинными шестами. Это один из великих секретов фабрикантов шоколада, и никто не знает об этом, кроме крысоловов, снабжающих их сырьем.

Вдруг он заметил, что его не слушают, что наши лица враждебны, красны от злости и отвращения, что нас с души воротит. Он резко оборвал себя, повернулся, не сказал ни слова и направился через шоссе к обочине дороги. Он двигался неторопливой, почти изящной иноходью, напоминая крадущуюся крысу, и совершенно бесшумно, совершенно бесшумно даже по гравию.

РЫБКА ДЖОРДЖИ

Вовсе не желая заниматься саморекламой, я считаю все же, что вправе заявить о себе как о человеке зрелого ума, уравновешенном и интеллигентном. Я много путешествовал. Прочел все, что полагается. Умею изъясняться на древнегреческом и латыни. Разбираюсь в науках. Никогда не ввязываюсь в споры по поводу чужих принципов. Написал целый том заметок об эволюции мадригала в пятнадцатом веке. Стоял у смертного одра множества людей и к тому же, смею надеяться, сумел повлиять хотя бы на некоторые души посредством слова, произнесенного с кафедры.

Однако несмотря на все это, должен признаться, что у меня — как бы это выразиться? — никогда в жизни ничего не было с женщинами.

Говоря предельно точно, еще только три недели назад я если и прикасался к какой-нибудь из них, то лишь для того, чтобы помочь подняться по ступенькам или что-либо в этом духе, по необходимости. И даже тогда я старался выбрать такое место для прикосновения, плечо или талию, где кожа была закрыта, так как непосредственный контакт между моей кожей и их был для меня всегда невыносим. Прикосновение кожи к коже, то есть моей кожи к коже женщины, будь то нога, шея, лицо, рука или просто палец, внушало мне такое отвращение, что я приветствовал дам не иначе, как крепко сцепив руки за спиной во избежание неминуемого рукопожатия.

Я еще больше скажу и признаюсь, что любого рода физический контакт с ними, даже если кожа и не была обнажена, мог основательно пошатнуть мое равновесие. Если женщина стояла рядом со мной в очереди так, что наши тела соприкасались, или была прижата ко

мне на автобусном сиденьи, бедро к бедру и нога к ноге, я начинал пылать, как маков цвет, и по всему темени у меня выступали мелкие капли пота.

Такое состояние вполне естественно для школьника, только начинающего вступать в возраст половой зрелости. В случае с ним это обычный способ матери-природы ставить препоны и удерживать юношу до тех пор, пока он не вырастет настолько, чтобы вести себя как подобает джентльмену. С этим-то все ясно.

Но мне было совершенно не ясно, почему, с какой стати я, зрелый мужчина тридцати одного года, продолжал страдать подобными переживаниями. У меня был большой опыт противостояния соблазну и, разумеется, никакой склонности к вульгарным страстям.

Если б я хоть самую малость стыдился собственной внешности, это еще могло бы послужить разгадкой. Но я не стыдился. Напротив, по моему собственному мнению, судьба в этом смысле обошлась со мной довольно милостиво. Мой рост без обуви составлял ровно пять с половиной футов, а плечи, хотя и несколько покатые, гармонично соотносились с моей небольшой, правильно сложенной фигурой. (Лично мне всегда казалось, что легкая покатость плечей придает благородный и тонкий эстетический шарм мужчине не самого великанского роста, как по-вашему?) У меня были правильные черты лица, в прекрасном состоянии зубы (разве что чуть-чуть выступающие на верхней челюсти), а волосы, необычайно яркой рыжизны, плотной шевелюрой облегали голову. Видит Бог, я встречал мужчин, которые по сравнению со мной были вылитыми обезьянами, а между тем демонстрировали поразительный апломб в отношениях с прекрасным полом. И ах! Как я им завидовал! Как я хотел быть похожим на них — способным участвовать в тех приятных, легких ритуалах общения, которые я постоянно наблюдал между мужчинами и женщинами: пожатия ладоней, поцелуи в щеку, переплетения рук, безмолвная игра ног под ресторанным столиком и, более всего, полное, откровенно страстное объятие двоих, танцующих на площадке.

Но такие вещи были не для меня. Увы, я, напротив, был вынужден прилагать усилия к тому, чтобы их избегать. А это, друзья мои, было легче сказать, чем сделать, даже для скромного викария в небольшом заштатном городке, вдали от плотского варева мегаполисов.

Дело в том, что в моей пастве было несоразмерное число женщин. Приход просто кишел ими, а к этому несчастью добавлялось еще и то, что не менее шестидесяти процентов из них были старыми девами, абсолютно не задетыми усмиряющим воздействием святой матримонии.

Что и говорить, я вертелся, как уж на сковородке.

Можно было бы предположить, что со всем тем основательным воспитанием, которое дала мне в детстве моя мать, я мог спокойно относиться к этим вещам, и, без сомнения, так бы оно и было, проживи она достаточно долго, чтобы завершить мое образование.

Она была удивительной женщиной, моя мама. У нее был обычай носить массивные браслеты на запястьях, пять или шесть одновременно, с которых свисали всякие штуки, звякавшие, ударяясь друг о друга, когда она двигалась. Все равно, где она была, ее всегда можно было найти по звяканью этих браслетов. Они были, как коровий колокольчик, даже лучше. По вечерам она обычно садилась на диван в своих черных брюках, сложив ноги по-турецки, и курила свои бесконечные сигареты через длинный черный мундштук. А я пристраивался на полу и смотрел на нее.

— Хочешь попробовать мой мартини, Джорджи? — спрашивала она.

— Перестань, Клэр, — говорил отец. — С таким легкомыслием ты можешь нарушить его развитие.

— Давай, давай, — продолжала она. — Не бойся. Попробуй.

Я всегда делал то, что велела мне мама.

— Ну хватит, — говорил отец. — Достаточно с него знать, что это такое на вкус.

— Пожалуйста, не мешай, Борис. Это очень важно.

Моя мама придерживалась теории, по которой ничто в мире не должно быть для ребенка тайной. Покажи ему всё. Заставь его испытать всё.

— Мне совсем не хочется, чтобы моему сыну пришлось шептаться по углам с другими детьми о грязных делишках и строить догадки о том или ином только потому, что все об этом молчат.

Расскажи ему всё. Заставь его слушать.

— Иди-ка сюда, Джорджи, я расскажу тебе, что нужно знать о Боге.

Она никогда не читала мне сказок перед сном; вме-

сто этого она что-нибудь рассказывала. И каждый вечер это было что-то новенькое.

— Иди-ка сюда, Джорджи, я хочу рассказать тебе о Магомете.

Она, как всегда, сидела по-турецки на диване в своих черных брюках и подзывала меня томным движением руки, в которой держала длинный черный мундштук. Она поднимала руку, и браслеты начинали позванивать.

— Если тебе придется выбирать религию, то, полагаю, мусульманство ничем не хуже остальных. Оно целиком основано на здоровом образе жизни. У тебя много жен, а курить и пить запрещается.

— А почему нельзя курить и пить, мамочка?

— Потому что, когда у тебя много жен, ты должен заботиться о поддержании своего здоровья и мужских достоинств.

— А что такое мужские достоинства?

— Об этом я расскажу тебе завтра, моя рыбка. Давай каждый раз заниматься одной темой. Пойдем дальше. У мусульманина никогда не бывает запоров.

— Но Клэр, — вмешивался вдруг папа, глядя поверх книги. — Чем ты это докажешь?

— Дорогой мой Борис, ты абсолютно в этом не разбираешься. Вот если бы ты попробовал ежедневно кланяться и бить лбом о землю, повернувшись к Мекке, каждое утро, полдень и вечер, то у тебя, возможно, было бы чуть меньше проблем в этой области.

Я обожал ее рассказы, хотя и понимал от силы половину того, что она говорила. Она действительно раскрывала мне тайны, и для меня не было ничего более волнующего.

— Иди-ка сюда, Джорджи, я расскажу тебе о том, как твой папочка делает деньги.

— Но Клэр, может быть, все-таки хватит?

— Ерунда, дорогой. Чего ради скрывать это от ребенка? Он только вообразит себе что-нибудь еще в сто раз худшее.

Мне было ровно десять лет, когда она начала давать мне подробные лекции по вопросам пола. Из всех тайн это была наибольшая и потому самая заманчивая.

— Иди-ка сюда, Джорджи, сейчас я расскажу тебе, как ты появился на свет, все с самого начала.

Я увидел, как отец бросил осторожный взгляд и ши-

роко раскрыл рот, как всегда, когда он собирался сказать что-либо жизненно важное, но мама уже держала его на прицеле этих ее великолепных сверкающих глаз, так что он снова углубился в книгу, не произнеся ни звука.

— Твой бедный папочка смутился, — сказала она, улыбнувшись заговорщицкой улыбкой, которой дарила только меня и никого больше: один уголок губ приподнимался и образовывал чудную продолговатую морщинку, тянувшуюся до самого глаза, — получалось что-то вроде подмигивающей улыбки.

— Смущение, моя рыбка, это то чувство, которое я никогда не желала бы тебе испытывать. А что касается твоего папочки, то не думай, что он смутился только из-за тебя.

Отец начал беспокойно ерзать в кресле.

— Боже мой, он смущается из-за таких вещей даже наедине со мной, его собственной женою.

— Из-за каких вещей? — спросил я.

На этих словах отец поднялся и тихо вышел из комнаты.

Думается, это было за неделю до того, как моя мама погибла. Хотя, может быть, и чуть раньше, дней за десять или четырнадцать, я не уверен. Я только знаю наверняка, что тогда мы приближались к концу этой особой серии разговоров, когда это случилось, и поскольку я лично был вовлечен в стремительную череду событий, приведших к ее смерти, я до сих пор помню мельчайшие детали той странной ночи так, будто это произошло вчера. В любое время я могу включить свою память и пропустить ее перед глазами, как киноленту; ничего не меняется. Она всегда останавливается на том самом месте, не дальше и не ближе, и всегда начинается тем же самым неожиданным образом: затемненный экран и голос мамы где-то надо мной, произносящий мое имя:

— Джорджи! Проснись, Джорджи, проснись!

А затем яркий электрический свет бьет мне в глаза, а из самой середины его, но вдалеке, голос продолжает звать меня:

— Джорджи, просыпайся, вылезай из кровати и надевай халат. Быстро! Спускайся вниз. Я хочу, чтобы ты это видел. Давай, рыбка, давай! Поторапливайся! И надень тапочки. Мы идем во двор.

— Во двор?

— Не спорь со мной, Джорджи. Делай, что тебе сказано.

Я такой сонный, что едва разбираю дорогу, но мама крепко держит меня за руку, ведет вниз по лестнице, открывает дверь, и мы выходим в ночь, где холодный ветер обдает мне лицо, как пригоршня воды; я широко раскрываю глаза и вижу лужайку, всю сверкающую от инея, и черный силуэт кедра с его неохватными лапами на фоне прозрачно-ущербной луны. А над всем этим — огромное множество звезд, колесящих по небу.

Мы спешим через лужайку, мама и я, ее браслеты звенят, как сумасшедшие, а мне приходится бежать, чтобы поспевать за ней. Каждый мой шаг отзывается скрипом схваченной морозом травы, мягко пружинящей под ногами.

—У Жозефины начались роды, — говорит мама.— Это великолепная возможность. Ты должен понаблюдать весь процесс.

Когда мы подбегаем к гаражу, там горит свет, и мы входим. Отца здесь нет, машины тоже, все это место кажется пустым и огромным, и мои ноги в комнатных тапочках начинают мерзнуть на цементном полу. В углу гаража, внутри низкой проволочной клетки на кучке сена лежит Жозефина — большая голубая крольчиха с маленькими розовыми глазками, подозрительно взглянувшими на нас, когда мы подошли. Ее муж, которого зовут Наполеон, находится теперь в отдельной клетке в противоположном углу, и я вижу, как он поднимается на задние лапки и нервно перебирает проволоку.

— Смотри! — восклицает мама. — Она рожает первого! Он уже почти вышел!

Мы оба придвигаемся к Жозефине, и я сажусь на корточки перед клеткой, приблизив лицо прямо к проволоке. Я очарован.

Крольчата появляются один за другим. Зрелище волшебное и завораживающее. И как быстро!

— Смотри, как он выходит, аккуратно завернутый в свой собственный целлофановый мешочек, — говорит мама. — И как же она теперь о нем заботится! У бедняжки нет полотенца, и даже если бы и было, она не смогла бы удержать его в своих лапках, поэтому она облизывает его языком.

Крольчиха поворачивает свои розовые глазки в на-

шу сторону; затем я вижу, как она ерзает на соломе и помещает свое тело между нами и крольчонком.

— Обойдем с другой стороны, — говорит мама. — Глупышка передвинулась. Наверняка она пытается спрятать от нас детеныша.

Мы обходим клетку с обратной стороны. Глаза крольчихи следят за нами. В двух ярдах от нас бешено скачет самец, вцепившись в сетку.

— Почему Наполеон так нервничает? — спрашиваю я.

— Не знаю, милый. Не обращай на него внимания. Наблюдай за Жозефиной. Я думаю, у нее скоро появится еще один. Смотри, как тщательно она облизывает своего маленького! Совсем как человек, купающий ребенка. Правда, забавно, что когда-то и я делала с тобой почти то же самое?

Голубая крольчиха продолжает следить за нами, и сейчас она снова подталкивает детеныша носом, а сама медленно перекатывается в другую сторону. Сделав это, она возвращается к своему занятию.

— Удивительно все же, как мать инстинктивно знает, что ей нужно делать, — говорит мама. — Только представь себе, рыбка, что крольчонок — это ты, а Жозефина — я... Постой, давай снова обойдем, чтобы лучше видеть.

Мы обходим клетку, чтобы держать детеныша в поле зрения.

— Смотри, как она ласкает и целует его всюду! Ну да! Она действительно его целует! Совсем как я тебя!

Я вглядываюсь пристальней. Эти поцелуи мне кажутся подозрительными.

— Смотри! — кричу я. — Она его ест!

И точно — голова крольчонка мгновенно исчезает во рту крольчихи.

— Мама! Скорей!

Но не успевает истаять звук моего вопля, как все крохотное розовое тельце исчезает в пасти крольчихи.

Я быстро поворачиваясь и смотрю прямо в лицо моей мамы, не более чем в шести дюймах надо мной. Без сомнения, она пытается что-то сказать или, может быть, она слишком потрясена для слов, но все, что я вижу теперь — это ее рот, огромный красный рот, открывающийся шире и шире, пока не становится круглой зияющей дырой, черной внутри, и я снова кричу и уже не могу остановиться. И вдруг ко мне тянутся ее руки,

я чувствую ее кожу, длинные холодные пальцы плотно смыкаются на моих кулачках, я отскакиваю, вырываюсь и ошалело мчусь в ночь. Я бегу по аллее, за ворота, крича всю дорогу, и над пределом собственного крика слышу за своей спиной звон браслетов, который становится все громче и громче, — она бежит за мной вниз по пологому холму до конца тропинки и дальше, через мост, на шоссе, где поток машин с горящими фарами движется со скоростью шестьдесят миль в час.

И тут, где-то сзади, я слышу, как по дорожному покрытию визгливо чиркают шины; затем все стихает, и вдруг я понимаю, что браслеты за моей спиной больше не звенят.

Бедная мама.

Если б только она прожила чуть подольше!

Я признаю, что она жутко испугала меня этими кроликами, но в этом не было ее вины, тем более что между мной и ею постоянно происходили странные вещи. Сейчас я отношусь к ним, как к методам жесткого воспитания, которые, как бы то ни было, принесли мне больше пользы, чем вреда. И проживи она достаточно долго, чтобы завершить мое образование, я уверен, что у меня не было бы тех проблем, о которых я говорил вам несколько минут назад.

И, пожалуй, хватит об этом. Я не собирался рассказывать о своей маме. Она не имеет никакого отношения к тому, о чем я завел разговор. Больше я не буду о ней вспоминать.

Я говорил вам о старых девах в моем приходе. Гадкое это сочетание, не правда ли, — старая дева? Воображение сразу рисует либо тощую старую курицу со сморщенным ртом, либо огромного неотесанного монстра в брюках для верховой езды, орущего в доме на всех и вся. Но эти были иного склада. Они представляли собой группу ухоженных, здоровых, хорошо сложенных женщин, большинство из которых были прекрасно воспитаны и на удивление богаты, и я уверен, что любой нормальный холостяк был бы счастлив попасть в их окружение.

Вначале, когда я только принял приход, все было не так уж плохо. В качестве защиты мне служили мой сан и одежда священника. К тому же я и сам усвоил прохладную манеру, исполненную достоинства, рассчитанную на отпор фамильярности. Таким образом, в течение нескольких месяцев я совершенно свободно вра-

щался среди моих прихожанок, и ни одна из них не позволяла себе взять меня под руку на благотворительной ярмарке или коснуться моих пальцев, передавая графинчик с уксусом во время ужина. Я был просто счастлив. Мне было хорошо, как никогда. У меня даже начала исчезать нервная привычка щелкать пальцем по мочке уха, когда говорю.

Это время я называю своим первым периодом, который продлился примерно шесть месяцев. Затем настали черные времена.

Я думаю, мне следовало бы знать, что нормальный мужчина вроде меня не может бесконечно избегать недоразумений, всего лишь сохраняя дистанцию между собой и женщинами. Это просто не срабатывает. А то и вообще дает противоположный эффект.

Я замечал, как они, за партией виста, глазеют на мое публичное уединение, кивают, облизывают губы, затягиваются сигаретами и перешептываются, плетя свои интриги. Иногда до меня долетали обрывки их разговоров: «До чего ж он застенчив... немного нервничает, не так ли... слишком уж напрягается... ему необходимо дружеское участие... ему нужно расслабиться... мы должны научить его разряжаться...»

И затем осторожно, измеряя шаги неделями, они начали подкрадываться ко мне. Я знал, что они это делают. Я чувствовал это, хотя поначалу они не предпринимали ничего определенного, чтобы не выдать себя.

Это был мой второй период. Он продолжался добрую половину года, и я порядком вымотался. Но это был рай по сравнению с третьей и заключительной фазой.

Ибо теперь, прекратив одиночные выстрелы издалека, атакующая группа внезапно вышла из лесу со штыками наперевес. Это было страшно. Нет более верного способа для обезоруживания мужчины, чем быстрая неожиданная атака. Хотя я и не трус. При любых обстоятельствах я могу дать отпор человеку моей собственной конституции. Но теперь-то я знаю, что этот штурм проводился большим числов заговорщиц, действовавших как одна тщательно скоординированная группа.

Первой нападающей была мисс Элфинстоун, женщина внушительных размеров и с родинками. Я заглянул к ней вечером, чтобы склонить на пожертвования для новых органных мехов, и после любезной беседы в библиотеке она великодушно выписала мне чек на две ги-

ней. Я сказал, чтобы она не провожала меня, и вышел в холл забрать свою шляпу. Я уже почти дотянулся до шляпы, как вдруг — она, наверное, на цыпочках кралась за моей спиной — вдруг ее обнаженная рука скользнула под моей, и в следующую секунду ее пальцы переплелись с моими, и она принялась сжимать мою ладонь туда-сюда, туда-сюда, словно это была груша пульверизатора.

— Действительно ли вы так неприступны, как вечно стараетесь казаться? — прошептала она.

О—о—о!

Если бы кобра обвилась вокруг моего запястья, то это, доложу я вам, было бы то самое чувство, которое я испытал, когда ее рука скользнула под моей. Я отскочил, рванул дверь и помчался по улице не оглядываясь.

На следующий день мы проводили благотворительную распродажу в поселковом центре (опять же для сбора средств на новые мехи), и уже перед закрытием я стоял себе спокойно в углу, попивая чай и следя за покупателями, столпившимися вокруг прилавков, как вдруг совсем рядом услышал голос: «Боже мой, до чего же голодный взгляд у этих глаз!» Не успел я опомниться, как длинная грациозная фигура уже склонялась надо мной, а пальцы с красными ногтями пытались затолкать мне в рот большой кусок кокосового торта.

— Мисс Прэтли, — воскликнул я, — не надо!

Но она прижала меня к стене, и с чашкой в одной руке, а с блюдцем в другой, я был лишен возможности сопротивляться. Я почувствовал, как меня всего прошибло потом, и если бы рот мой не наполнился так быстро тортом, который она в него совала, то я, честное слово, завопил бы.

Жуткое, конечно, происшествие, но за ним последовало еще худшее.

На следующий день это была мисс Ануин. Она являлась близкой подругой мисс Элфинстоун и мисс Прэтли, и одно это, разумеется, должно было меня насторожить. Но мне и в голову не могло прийти, что такая непохожая на всех мисс Ануин, эта тихая мышка, которая лишь пару недель назад подарила мне подушечку для коленопреклонений, искусно вышитую собственными руками, — эта мисс Ануин может позволить себе что-либо эдакое. Поэтому, когда она попросила спуститься с ней в склеп и показать саксонские фрески,

я ни на секунду не заподозрил в этом дьявольского умысла. А он был.

Не просите меня описать это столкновение; оно слишком для меня болезненно. И те, что последовали за ним, были не менее жестокими. С этого времени чуть ли не каждый день происходил какой-нибудь возмутительный инцидент. Нервы мои не выдерживали. Временами я с трудом понимал, что делаю. Я начал читать заупокойный стих на венчании молодой Глэдис Питчер. Я опустил в купель новорожденного сына мистера Харриса и заставил его понырять. Противная сыпь, которой не было у меня уже два года, снова выступила на моей шее, а раздражающая привычка щелкать по уху возобновилась пуще прежнего. Я даже начал лысеть. Чем быстрее, я отступал, тем скорее они меня настигали. Таковы женщины. Ничто не вдохновляет их так сильно, как проявления скромности и нерешительности в мужчине. Но они становятся вдвойне неукротимыми, если им удается обнаружить — и здесь я должен сделать самое тяжкое признание — если им удается обнаружить, как в случае со мной, легкое мерцание тайной страсти в глубине глаз.

Видите ли, на самом деле я сходил с ума из-за женщин.

Да, я знаю. После всего, что я уже сказал, вам это покажется неправдоподобным, но это абсолютная правда. Вы должны понять, что мне только тогда становилось дурно, когда они прикасались ко мне своими пальцами или оказывались в непосредственной близости. Если же они находились на безопасном расстоянии, я мог часами наблюдать за ними с той особой зачарованностью, которую вы, возможно, замечали за собой, глядя на существо, до которого страшно дотронуться — на осьминога, к примеру, или длинную ядовитую змею. Мне нравился вид гладкой и белой обнаженной руки, выпроставшейся из рукава и забавно похожей на очищенный банан. Я мог прийти в неописуемое волнение от одного вида девушки в облегающем платье, пересекающей комнату. Но особенно я любил смотреть на тыльную сторону ног, обутых в туфли на высоком каблуке: это чудное напряжение под коленками, да и по всей длине ноги так упруги, словно сделаны из прочного эластика, натянутого почти до разрыва, но только почти. Иногда летом, сидя у окна в гостиной леди Бердуэлл за послеполуденным чаем, я бросал взгляды по-

верх своей чашки в сторону бассейна и возбуждался сверх всякой меры от вида загорелой полосы живота, выступавшего между верхней и нижней частями раздельного купальника.

В таких ощущениях нет ничего постыдного. Все мужчины испытывают их время от времени. Но у меня они вызывали нестерпимое чувство вины. Не сам ли я, постоянно задавался я вопросом, неосознанно дал повод этим женщинам вести себя сейчас так бесстыдно? Не тот ли это блеск в моих глазах (который я не могу контролировать) постоянно питает их страсти и подстрекает к действию? Не сам ли я невольно посылаю им нечто вроде призывного сигнала всякий раз, когда смотрю на них? Так ли это?

Или же подобная бесцеремонность поведения вообще коренится в женской природе?

У меня было вполне ясное представление об ответе на этот вопрос, но меня это не удовлетворяло. Такое уж свойство моего сознания, что одни лишь догадки его не устраивают; ему необходимы доказательства. Я должен был выяснить, кто является виновником всего происходящего — я или они, и, имея в виду данный вопрос, я решил провести простой эксперимент своего собственного изобретения, используя крыс Билли Снеллинга.

Год назад или около того мне пришлось намучиться с одним невозможным мальчишкой-хористом по имени Билли Снеллинг. Три воскресенья подряд этот шалопай приносил с собой в церковь пару белых крыс и выпускал их на пол во время моей проповеди. В конце концов я отобрал у него животных, принес их домой, посадил в ящик и поставил его в сарае, в глубине приходского сада. Исключительно из соображений гуманности я продолжал их кормить, и в результате, но без всякого поощрения с моей стороны, эти создания начали очень быстро размножаться. От двоих получилось пятеро, а от пятерых — двенадцать.

Именно на этом этапе я решил использовать их в исследовательских целях. Мужских и женских особей оказалось как раз поровну, по шести штук, так что условия были идеальными.

Сначала я разделил самцов и самок, поместил их в две отдельные клетки и оставил так на целых три недели. Крысы, как известно, твари крайне похотливые, и любой зоолог скажет вам, что для них это невыноси-

мо долгий период раздельной изоляции. Я подозреваю, что одна неделя вынужденного воздержания для крысы равняется примерно году того же самого для таких, как мисс Элфинстоун и мисс Прэтли, так что, как видите, я поступил совершенно верно, создав аналогичные условия.

Когда три недели прошли, я взял большой ящик, разделенный пополам легкой перегородкой, и поместил самок с одной стороны, а самцов с другой. Перегородка состояла всего лишь из трех струн натянутой проволоки с расстоянием в один дюйм, но по этой проволоке пробегал мощный электрический ток.

Чтобы отчасти приблизить эксперимент к реальности, я дал имя каждой самке. Самая большая, с самыми длинными усами, была мисс Элфинстоун. Другая, с коротким тонким хвостом, — мисс Прэтли. Самая маленькая из всех — мисс Ануин, и так далее. Самцы, все шестеро, были мной.

И вот я притащил стул и уселся наблюдать результат.

Все крысы по натуре подозрительны, и сразу после того, как я соединил оба пола в ящике с одной лишь перегородкой между ними, ни одна из сторон не двинулась. Самцы уставились на самок через перегородку. Самки отвечали им таким же застывшим взглядом, ожидая от них первого шага. Я видел, как с обеих сторон нарастает нетерпение. Усы дрожали, носы дергались, и внезапно какой-нибудь длинный хвост резко щелкал по стенке ящика.

Через некоторое время от своей группы отделился первый самец и с опаской, припадая брюхом к полу, приблизился к перегородке. Он прикоснулся к проволоке, и его мгновенно убило током. Оставшиеся одиннадцать крыс ошарашенно замерли.

Прошло еще девять с половиной минут, в течение которых ни одна из сторон не шевелилась, но я заметил, что, если самцы неотрывно смотрели теперь на мертвое тело своего собрата, то самки по-прежнему не сводили глаз с самцов.

И вдруг короткохвостая мисс Прэтли не выдержала. Она скачками подалась вперед, ударилась о проволоку и свалилась замертво.

Самцы прижались ближе к полу и принялись задумчиво рассматривать два трупа у перегородки. Сам-

ки тоже, казалось, были потрясены, и последовал еще один период неподвижности.

А затем мисс Ануин начала проявлять признаки нетерпения. Она захрапела в голос, поводя подвижным кончиком розового носа из стороны в сторону, и вдруг начала быстро дергаться всем телом вверх-вниз, будто делая отжимания. Она обежала взглядом своих четырех товарок, высоко взметнула хвост, словно говоря «ну, девочки, я пошла», решительно приблизилась к проволоке, просунула голову — и с ней было покончено.

Шестнадцать минут спустя впервые зашевелилась мисс Фостер. Мисс Фостер прославилась в поселке своими кошками, которых она разводила, и недавно она так обнаглела, что прибила большую вывеску на своем доме, что на Хай-стрит: КОШАТНИК ФОСТЕР. В процессе долгого общения с этими животными она переняла их злопакостнейшие свойства, и всякий раз, когда она в помещении проходила мимо меня, я сразу же чувствовал, даже сквозь дым ее папиросы, слабый, но въедливый запах кошки. Она никогда не поражала меня контролем над своими низменными инстинктами, и поэтому я не без удовольствия наблюдал теперь, как глупо расстается она с жизнью в последнем отчаянном рывке к мужскому полу.

Следующей была мисс Монтгомери-Смит, маленькая настырная особа, однажды пытавшаяся уверить меня в том, что она помолвлена с епископом. Она скончалась, пытаясь проползти по-пластунски под нижней проволокой, и я, признаться, подумал, что в этом удивительно точно отразилась вся ее жизнь.

А пять оставшихся самцов не двигались и ждали.

Пятой выступила мисс Пламли. Это хитроумное создание постоянно опускало записочки, адресованные мне, в мешок для пожертвований. Только в прошлое воскресенье, считая в ризнице деньги после утренней службы, я наткнулся на одну из них, засунутую внутрь свернутой десятишиллинговой купюры. *Бедняжка, вы так хрипели сегодня, когда читали проповедь,* — говорилось в ней. — *Позвольте мне принести вам бутылочку домашней вишневой наливки, она очень помогает при ангине. С любовью, Юнис Пламли.*

Мисс Пламли неторопливой иноходью подобралась к перегородке, принюхалась кончиком носа к средней проволоке, приблизилась еще чуть-чуть и получила двести сорок вольт переменного тока во все свои члены.

Пятеро самцов наблюдали смертную расправу, не покидая своих мест.

Теперь на женской половине оставалась только мисс Элфинстоун.

В течение целых тридцати минут ни она и ни один из самцов не двигались. Наконец на мужской половине произошло шевеление: один из самцов сделал шаг вперед, поколебался, хорошенько подумал и медленно опустился на пол, поджав лапки.

Мисс Элфинстоун, вероятно, обманулась в лучших ожиданиях, так как внезапно, с горящими глазами, она рванулась вперед и произвела летящий прыжок над перегородкой. Это был эффектный перелет, и ей он почти удался, но одна из ее задних лапок задела проволоку — и последней самки не стало.

Я не могу передать вам, сколь благотворно сказалось на мне наблюдение за этим простым, но — хотя я и сам это говорю — довольно остроумным экспериментом. Одним щелчком я обнажил чудовищную похотливость и необузданность женской натуры. Мой собственный пол был оправдан, моя совесть — очищена. В мгновение ока все эти досадные приступы вины, от которых я так долго страдал, вылетели в форточку. Чувство собственной невиновности сразу же придало мне сил и спокойствия.

Несколько минут в моей голове вертелась дурацкая идея пустить ток по черным железным прутьям, огораживавшим приходской сад; хотя, впрочем, и ворот было бы достаточно. Тогда, сидя в библиотеке, я мог бы с комфортом развалиться в кресле и наблюдать в окно, как настоящие мисс Элфинстоун, Прэтли и Ануин подходят одна за другой и получают по заслугам за приставания к честному мужчине.

Дурацкие мысли!

Но вот что я действительно должен сделать, сказал я себе, так это сплести вокруг себя некое подобие невидимой электрической сетки, использовав для этого фибры собственной нравственности. За этой сеткой я буду абсолютно неуязвим, тогда как враги, нарываясь на нее, упадут бездыханными.

Я начну с усвоения бесцеремонных манер. Я стану резко разговаривать со всеми женщинами и не буду им улыбаться. Я больше не отступлю ни на шаг, когда какая-нибудь из них приблизится ко мне. Я не сдам позиций и прожгу ее взглядом, а если мне покажется,

что она сказала что-либо непристойное, я грубо оборву ее.

Именно в таком настроении я отправился на следующий же день на теннис у леди Бердуэлл.

Сам я не был большим игроком, но ее светлость любезно пригласила меня зайти и присоединиться к гостям в седьмом часу, когда игра закончится. Я полагаю, она подумала, что присутствие священника придаст собранию определенный вес, и, наверное, она надеялась уговорить меня повторить то представление, которое я давал у нее в прошлый раз: я сел за фортепиано и целый час с четвертью, а после ужина еще четверть часа развлекал гостей подробным описанием эволюции мадригала в разные века.

Я подъехал к воротам на своем велосипеде ровно в шесть часов и прокатил по длинной аллее к дому. Это было на первой неделе июня; по обеим сторонам дороги буйно цвели розовые и пурпурные рододендроновые кусты. Я чувствовал себя на редкость беспечным и неустрашимым. После вчерашнего эксперимента с крысами никто не мог застать меня врасплох. Я точно представлял, чего мне следует ожидать, и был соответствующе вооружен. Вокруг себя я возвел ограждение.

— А, здравствуйте, викарий, — воскликнула леди Бердуэлл, приближаясь ко мне с протянутыми руками.

Я не отступил и посмотрел ей прямо в глаза. — Ну как там Бердуэлл? — сказал я. — Все еще в городе?

Я сильно сомневаюсь, чтобы кто-нибудь до меня называл лорда Бердуэлла в ее присутствии таким манером, не будучи с ним даже знакомым. Это пришибло ее на полпути. Она странно посмотрела на меня и не нашлась, что ответить.

— Я, пожалуй, сяду, если не возражаете, — сказал я и прошествовал мимо нее на террасу, где группа из девяти-десяти гостей потягивала напитки, удобно устроившись в плетеных креслах. В основном здесь сидели женщины, обычная компания. Все они были одеты в белые теннисные костюмы, и когда я проходил между ними, моя строгая черная одежда сообщала мне, как я рассчитывал, необходимую для такого окружения меру отстраненности.

Дамы приветствовали меня улыбками. Я кивнул им и, не улыбнувшись в ответ, опустился в свободное кресло.

— Пожалуй, я закончу свою историю в другой раз, — сказала мисс Элфинстоун. — Боюсь, что викарий ее не одобрит.

Она хихикнула и игриво взглянула на меня. Я знал, что она ждет, когда я выдам свой обычный нервный смешок и произнесу свою обычную фразу о том, какие широкие у меня взгляды, но ничего подобного я не сделал. Я просто поднял один уголок верхней губы с видом легкой презрительности (который отрепетировал утром перед зеркалом) и затем произнес громко и отчетливо: Mens sana in corpore sano.

— Что это значит? — воскликнула она. — Повторите, викарий.

— В здоровом теле здоровый дух, — ответил я. — Это такой фамильный девиз.

Довольно долго после этого длилась неловкая тишина. Я видел, как они переглядываются друг с другом, хмурятся и встряхивают головами.

— У викария хандра, — заявила мисс Фостер, та самая, что разводила кошек. — Я думаю, ему следует выпить.

— Благодарю, — сказал я, — но я вообще не пью. Вы ведь знаете.

— Тогда прошу вас, позвольте мне принести вам стакан прекрасного освежающего крюшона!

Последняя фраза тихо, но весьма неожиданно прозвучала где-то сзади, справа от меня, и в голосе говорившего был оттенок такой искренней заботы, что я оглянулся. Я увидел женщину редкой красоты. До этого я встречал ее лишь однажды, около месяца назад. Ее звали мисс Роуч, и я вспомнил, что тогда она поразила меня своей очевидной непричастностью к всеобщей суете. Особенно меня впечатлили ее мягкие, сдержанные манеры; и тот факт, что в ее присутствии я не чувствовал неловкости, ясно свидетельствовал о том, что это была не такая женщина, которая станет на меня посягать.

— Я уверена, что вы устали, проколесив такое расстояние, — сказала она.

Я всем корпусом повернулся в кресле и внимательно посмотрел на нее. Без сомнения, она была замечательной особой — необычайно мускулистая для женщины, широкоплечая, с сильными руками и огромными выпирающими икрами на обеих ногах. Вокруг нее все еще витал дух спортивного азарта, а лицо ее

озарялось ярким, здоровым румянцем выступившим на щеках.

— Большое спасибо, мисс Роуч, — сказал я, — но я ни в каком виде не употребляю алкоголя. Может быть, стаканчик лимонада...

— Крюшон сделан исключительно из фруктов, падре.

Падре! За одно только это слово я мог полюбить человека. Есть в этом слове что-то по-военному мужественное, наводящее на мысли о строгой дисциплине и офицерской выправке.

— Крюшон? — сказала мисс Элфинстоун. — Безобидный напиток.

— Дорогой мой, это витамин С и ничего более, — поддержала ее мисс Фостер.

— И намного полезней лимонадной шипучки, — сказала леди Бердуэлл. — Углекислый газ плохо влияет на желудок.

— Ну так я принесу, — сказала мисс Роуч, мило мне улыбнувшись. Это была добрая открытая улыбка, в ней не чувствовалось ни грамма хитрости или вероломства.

Она поднялась и направилась к десертному столу. Я видел, как она нарезала ломтиками апельсин, яблоко, огурец, добавила несколько виноградин и смешала все это в стакане. Затем она влила в стакан порядочное количество жидкости из бутылки, этикетку на которой я не мог прочитать без очков, но мне виделся какой-то «Джим» или «Тим», или «Пим», или что-то подобное.

— Надеюсь, там еще осталось что-нибудь? — выкрикнула леди Бердуэлл. — Мои ненасытные дети ужасно его любят.

— Много еще, — ответила мисс Роуч, поднесла мне напиток и поставила его на стол.

Даже не пробуя, я мог легко понять, почему дети его обожают. Сама жидкость была темной, коричневато-красного цвета, в ней, среди ледяных кубиков, плавали ломтики фруктов, а сверху всего мисс Роуч положила веточку мяты. Я догадался, что мяту она добавила специально для меня, чтобы несколько приглушить сладость и придать оттенок взрослости этой смеси, которая безусловно предназначалась только для детей.

— Наверно, слишком сладко для вас, падре?

— Нет, очень вкусно, — сказал я, пригубив напиток. — Просто изумительно.

Мне не хотелось проглатывать его одним махом, после всех трудов, которые приложила мисс Роуч, но он был так освежающ, что я не мог удержаться.

— Прошу вас, сделайте мне еще!

Мне понравилось, что она подождала, пока я поставлю стакан на стол, а не попыталась вытащить его из моих пальцев.

— На вашем месте я бы не стала есть мяту, — сказала мисс Элфинстоун.

— Пожалуй, я принесу из дому еще одну бутылку, — заявила леди Бердуэлл. — Вам она понадобится, Милдред.

— Сделайте милость, — ответила мисс Роуч. — Я сама выпиваю это литрами, — продолжала она, обращаясь ко мне. — И думаю, вы не скажете, будто я страдаю от истощения.

— Конечно, нет, — с жаром ответил я. Я снова наблюдал за ней, пока она приготовляла для меня новую порцию, и отметил движение мышц под кожей руки, когда она подняла бутылку. Шея у нее, если смотреть сзади, тоже была необыкновенно красива — не тощая и жилистая, как у большинства так называемых современных красавиц, а плотная, сильная, с небольшими складками по обеим сторонам рельефной мускулатуры. Возраст такой женщины трудно угадать, но я сомневался, чтобы ей было больше сорока восьми или девяти.

Я только допивал второй стакан крюшона, как вдруг стал испытывать невероятнейшие ощущения. Мне казалось, что я выплываю из кресла вверх, и сотни теплых волн окатывают меня снизу, поднимая выше и выше. Я чувствовал себя поплавком, пузырьком воздуха, и все вокруг как будто подпрыгивало вверх-вниз и покачивалось туда-сюда. Это было очень приятно, и меня охватило почти непреодолимое желание разразиться песней.

— Вам хорошо? — голос мисс Роуч прозвучал где-то далеко-далеко, и, когда я обернулся к ней, я был поражен, как близко она была на самом деле. Она тоже подпрыгивала вверх-вниз.

— Потрясающе, — ответил я. — Я чувствую себя совершенно потрясающе.

Ее лицо было большим и розовым, и так близко, что

я мог разглядеть светлый пушок, покрывавший ее щеки, и то, как солнце выхватывает каждый крохотный волосок и заставляет его сверкать, как золото. Внезапно я почувствовал желание протянуть руку и провести по этим щекам. Честно говоря, я не стал бы возражать, если бы она попыталась сделать то же самое со мною.

— Послушайте, — сказала она тихо. — Как вы смотрите на то, чтобы погулять со мной в саду и полюбоваться люпином?

— Отлично, — ответил я. — С удовольствием. С вами — хоть на край света.

Рядом с крокетным полем в саду леди Бердуэлл стоит маленький летний домик в георгианском стиле, и не успел я что-либо сообразить, как обнаружил себя внутри него, сидящим на некоем подобии шезлонга, а у себя под боком — мисс Роуч. Я продолжал подпрыгивать вверх-вниз, и она тоже, а так же, в сущности, и домик, но я чувствовал себя великолепно. Я спросил мисс Роуч, не хочет ли она послушать песню.

— Не сейчас, — сказала она, обхватывая меня своими руками и сжимая мне грудь так сильно, что стало больно.

— Не надо, — сказал я, подавшись.

— Вот так-то лучше, — продолжала она. — Так намного лучше, правда?

Попробовала бы мисс Роуч или любая другая женщина сотворить со мной такое час назад, я даже не знаю, что было бы. Скорее всего я потерял бы сознание. А может, даже и умер. И вот теперь я, все тот же я, с подлинным наслаждением принимал разгул этих немыслимых рук на своем теле! И к тому же, что самое удивительное, я начинал чувствовать потребность в ответном действии.

Я взял мочку ее левого уха между большим и указательным пальцами и игриво потянул.

— Экий шалун, — сказала она.

Я потянул сильнее и в то же время слегка сдавил. Это привело ее в такой восторг, что она начала храпеть и хрюкать, как боров. Ее дыхание стало громким и прерывистым.

— Поцелуй меня, — потребовала она.

— Что? — сказал я.

— Ну давай же, поцелуй меня.

И в этот момент я увидел ее рот. Я увидел сверху

ее огромный рот, который медленно опускался на меня, начиная открываться. Он опускался все ниже и ниже, открываясь все шире и шире, и внезапно желудок мой словно бы перевернулся вверх дном, и я оцепенел от ужаса.

— Нет! — завизжал я. — Не надо! Не надо, мамочка, не надо!

Ничего кошмарнее этого рта, доложу я вам, мне в своей жизни видеть не доводилось. Я просто не мог вынести его приближения. Если бы кто-то стал совать мне в лицо раскаленный железный прут, то, клянусь, меня бы это меньше испугало. Мощные руки сжимали меня, придавив вниз так, что я не мог пошевелиться, а рот продолжал расти и расти, и вот он уже прямо у моего лица — огромный, влажный, зияющий. Секунда — и он меня накрыл.

Я оказался внутри этого чудовищного рта, лежа на животе вдоль языка и упираясь ногами в заднюю стенку глотки, и инстинктивно чувствовал, что, если сейчас же не выберусь, то буду проглочен живьем — как тот крольчонок. Я чувствовал, что мои ноги начинает затягивать в глотку; я быстро выбросил руки, схватился за передние зубы на нижней челюсти и держался за них смертной хваткой. Моя голова была у самых губ, и в щель между ними я мог видеть маленький кусочек внешнего мира: солнечный блик на полированном деревянном полу домика, и стоящую на этом полу гигантскую ногу в белой теннисной туфле.

Мои пальцы крепко сжимали край зубов, и, несмотря на всасывающее действие изнутри, мне удалось медленно подтянуться к дневному свету, но тут верхняя челюсть опустилась на мои суставы и стала вгрызаться в них так яростно, что мне пришлось сдаться. Вперед ногами я начал сползать вниз по горлу, пытаясь схватиться по пути хоть за что-нибудь, но все было таким гладким и скользким, что это не удавалось. Проскользнув мимо последних коренных зубов, я уловил взглядом золотую вспышку, а затем, через три дюйма, увидел над собой то, что, наверное, является небным язычком, свисавшим, как толстый красный сталактит со свода гортани. Я схватился за него обеими руками, но эта штука выскользнула из моих пальцев, и я опустился еще ниже.

Я помню, что звал на помощь, но с трудом мог расслышать собственный голос из-за шума, производивше-

гося дыханием владелицы горла. Все время дул странный, перемежающийся ветер — то очень холодный (когда она вдыхала), то очень жаркий (когда выдыхала).

Мне удалось зацепиться локтями за острый мясистый ободок — должно быть, подгортанник — и на какую-то секунду я завис в этом месте, сопротивляясь всасыванию и скребя ногами по стенке гортани в поисках упора, но горло мощно сглотнуло, меня отбросило и снова потащило вниз.

С этого момента мне больше не за что было цепляться, я опускался все ниже и ниже, пока мои болтающиеся ноги не достигли верхних пределов желудка, где медленная и сильная пульсация перистальтики охватила мои щиколотки, увлекая меня ниже, ниже, ниже...

Высоко надо мной, во внешнем пространстве, звучал невнятный гул женских голосов:

— Не может быть...

— Но дорогая моя Милдред, это ужасно...

— Он сошел с ума...

— Какой кошмар! Что он сделал с твоими губами...

— Сексуальный маньяк...

— Садист...

— Кто-то должен написать епископу...

И затем, громче, чем все остальные, голос мисс Роуч, по-попугайски визгливо сыплющий ругательствами:

— Этому ублюдку чертовски повезло, что я его не убила... Я говорю ему, слушай, говорю, если мне понадобится удалить зуб, я обращусь к дантисту, а не к какому-нибудь идиотскому священнику... Тем более, я не давала ему никакого повода...

— А где он сейчас, Милдред?

— А черт его знает. В этой проклятой беседке, наверное.

— Девочки, пойдемте вытащим его оттуда!

Боже мой, Боже мой. Оглядываясь на все это теперь, спустя три недели, я диву даюсь, как я прошел через этот ужас и не лишился рассудка.

С такой бандой ведьм, как эта, шутки плохи, и если бы им по свежим следам удалось схватить меня в беседке, то они в своей ярости разодрали бы меня на клочки.

А если не так, то они схватили бы меня за руки-ноги и поволокли, как лягушку, в полицейский участок по главной улице поселка, с леди Бердуэлл и мисс Роуч во главе процессии.

Но, разумеется, они меня не поймали.

Тогда они меня не поймали, и до сих пор они меня не поймали, и если фортуна не отвернется от меня, то, думаю, у меня есть все шансы навсегда скрыться от них — или, по крайней мере, на несколько месяцев, пока они забудут это происшествие.

Как вы догадываетесь, будучи отстранен от активной общественной жизни, я вынужден заниматься исключительно собой. И мне думается, что литература — наиболее спасительное занятие в моем положении, поэтому по многу часов в день я забавляюсь составлением фраз. Я отношусь к каждой фразе как к маленькому колесику, и недавно я загорелся идеей собрать сразу несколько сот фраз и соединить их наподобие шестеренок, одно к другому, зубец к зубцу, и чтобы колесики были разного размера, вертелись в разные стороны и с разной скоростью. Я то и дело пытаюсь приладить колесико побольше к совсем маленькому — таким образом, чтобы большое вращалось медленно, а маленькое вертелось за ним быстро-быстро и жужжало. Филигранная работа, однако.

Еще по вечерам я пою мадригалы, хотя мне ужасно недостает моего клавесина.

И все-таки это место не так уж плохо, я устроился здесь вполне комфортабельно. Это небольшое помещеньице, расположенное, как я подозреваю, в верхней части двенадцатиперстной кишки, непосредственно перед тем местом, откуда она начинает закругляться вниз, прикрывая собой правую почку. Пол здесь достаточно ровен и, в сущности, это было первое ровное место, на которое я наткнулся во время жуткого спуска по внутренностям мисс Роуч, иначе бы я вообще не смог остановиться. Надо мной находится какое-то отверстие, которое я определил как привратник желудка, — там, где желудок переходит в тонкий кишечник (я до сих пор помню некоторые из тех диаграмм, что показывала мне мама), а подо мной, в стенке, маленькая забавная дырочка, соединяющая поджелудочную железу с нижней частью двенадцатиперстной кишки.

Немного причудливая обстановка для человека с такими консервативными вкусами, как у меня. Я лично

предпочитаю дубовую мебель и паркетный пол. И все же есть здесь одна вещь, которая меня очень радует. Это стены. Они такие приятные и мягкие, словно подбиты ватой, и преимущество их в том, что можно до посинения биться о них головой без всяких последствий.

Что удивительно, здесь находятся еще несколько человек, но, слава Богу, исключительно мужчины. По неясной для меня причине все они одеты в белые пиджаки и без конца носятся вокруг, притворяясь страшно важными и занятыми. На самом же деле это компания редкостных идиотов. По всей видимости, они даже не подозревают, где находятся. Как-то я попытался сказать им, но они не пожелали слушать. Подчас они так раздражают и злят меня, что я теряю терпение и начинаю кричать; тогда легкая тень подозрительности пробегает по их лицам, и, медленно пятясь назад, они говорят: «Ну-ну, успокойтесь. Успокойтесь, викарий, будьте умницей. Успокойтесь».

Ну что это за разговор!

Однако есть здесь один старичок (он приходит ко мне каждый день после завтрака), который намного ближе к реальности, чем остальные. Он человек цивильный и с достоинством, и одинок, я полагаю, лишь потому, что больше всего ему нравится сидеть тихонько в моей комнате и слушать, что я говорю. Плохо только, что, едва мне стоит заговорить о нашем местонахождении, как он тотчас же принимается уговаривать меня бежать отсюда с его помощью. Сегодня утром он снова завел шарманку, и у нас разгорелся настоящий спор.

— Но неужели вы не видите, — терпеливо произнес я. — Я не хочу бежать отсюда.

— Но дорогой мой викарий, почему же нет?

— Я вам еще раз повторяю — потому что снаружи они за мной охотятся.

— Кто?

— Мисс Элфинстоун, мисс Роуч, мисс Прэтли и все остальные.

— Что за ерунда.

— Не ерунда! И мне сдается, что вы и сами скрываетесь от них, только не хотите в этом признаться.

— Нет, друг мой, я от них не скрываюсь.

— Тогда позвольте мне узнать, что же, в таком случае, вы здесь делаете?

Этот вопрос загнал его в тупик. Он просто не знал, что на него ответить.

— Бьюсь об заклад, что вы волочились за мисс Роуч, и она проглотила вас точно так же, как и меня. Бьюсь об заклад, что именно так и было, только вам стыдно в этом признаться.

Когда я сказал все это, он вдруг так растерялся и поник, что мне стало его жаль.

— Хотите, я спою вам песню? — сказал я.

Но он, не ответив, поднялся и тихо вышел в коридор.

— Не отчаивайтесь! — крикнул я ему вслед. — Больше оптимизма! Разве нет бальзама в Галааде?

РАММИНЗ

Солнце стояло уже над холмами, туман рассеялся, и было славно шагать с собакою вдоль дороги ранним утром, особенно осенней порой, когда листья становятся желтыми и золотыми, и иногда один из них отрывается, и медленно падает, сонно кружась в воздухе, и бесшумно ложится на траву у дороги прямо перед мордою пса. Задувал легкий ветерок, и идущий мог слышать, как шумят буки, напоминая бормотанье толпы.

Это всегда было лучшим временем дня для Клода Каббеджа. Он с одобрением поглядел на рябчатые бархатистые ляжки трусящей перед ним борзой.

— Джекии, — позвал он мягко. — Эй, Джексон. Как ты себя чувствуешь, парень?

Пес полуобернулся на звук собственного имени и признательно вильнул хвостом.

Нет другой такой собаки, как Джекии, сказал себе Клод. Как он хорош своей изящной поджаростью, своей маленькой точеной головой, желтыми глазами, черным подвижным носом. Великолепная длинная шея, глубокий изгиб брюха, так что живота вообще нет. Гляди, как он бежит на кончиках лап, бесшумно, едва касаясь поверхности дороги.

— Джексон, — сказал он. — Старый добрый Джексон.

В отдалении, по правую руку, Клод мог видеть ферму Рамминза, маленькую, узкую и старую, стоящую за изгородью.

Я заверну туда, решил он. На сегодня хватит.

Рамминз, несущий ведро молока через двор, увидел его, спускающегося с дороги. Он осторожно поставил ведро и, подойдя к калитке, положил руки на верхний брус, ожидая.

— Доброе утро, мистер Рамминз, — сказал Клод. С Рамминзом надо было быть вежливым из-за яиц.

Камминз кивнул и, перегнувшись через калитку, критически оглядел собаку.

— Выглядит хорошо, — сказал он.

— Он хороший.

— Как он бегает?

— Ему только месяцев десять, мистер Камминз. По чести говоря, он практически не обучен.

Маленькие, бусинками, глаза Камминза надменно смотрели через калитку.

— Я не пожалел бы и пары фунтов, поспорив, что скоро вы начнете где-нибудь тайно натаскивать его.

Клод неудобно переступил с ноги на ногу. Ему очень не нравился этот человек с широким лягушачьим ртом, редкими зубами и с быстрыми глазками; но больше всего не нравилось, что надо было быть вежливым из-за яиц.

— Этот ваш стог напротив, — сказал он, пытаясь сменить тему разговора, — полон крыс.

— В каждом стогу полно крыс.

— Но не так, как в этом. По правде сказать, из-за этого власти несколько допекают нас.

Камминз глянул с подозрением. Он не любил хлопот с властями. Любой человек, продающий яйца на черном рынке и забивающий свиней без разрешения, разумеется, стремится уклониться от контактов с чиновниками.

— Какие еще хлопоты?

— Они уже присылали крысолова.

— Это из-за нескольких крыс?

— Нескольких?! Иди ты! Да они там кишат!

— Слово, мистер Камминз. Их там сотни.

— Неужели крысолов не переловил их?

— Нет.

— Почему?

— Я полагаю, они очень хитры.

Камминз начал задумчиво исследовать один из входов в свой нос концом большого пальца, при этом придерживая ноздрю указательным.

— Да, не скажешь вам спасибо за этих неумех крысоловов, — сказал он. — Крысоловы — люди правительства и работают на правительство. Так что мне не за что благодарить вас.

— Не меня, мистер Камминз. Все крысоловы просто скользкие проныры.

— Хорошо, — сказал Камминз, запуская пальцы под

шляпу и почесывая голову. — Я как раз собирался кое-что предпринять с этим стогом. Думаю, лучше это сделать сегодня, чем когда-либо. Благодарю покорно, я не хочу, чтобы люди из правительства совали нос в мои дела.

— Еще бы, мистер Рамминз.

— Мы займемся с ним попозже — Берт и я. — С этим он повернулся и потрусил через двор.

Около трех часов дня Рамминз и Берт были видны на дороге в медленно ползущей телеге, влекомой тяжеловесной и величественной лошадью. Напротив заправочной станции повозка свернула в поле и остановилась рядом со стогом.

— На это стоит посмотреть, — сказал я. — Возьми ружье.

Клод принес ружье и сунул патроны в бриджи.

Я пересек дорогу и встал, опершись на открытую калитку. Рамминз находился уже на верху стога и перерезал веревку, скреплявшую вязку. Берт оставался в телеге, держа четырехфутовый нож.

У Берта было что-то не в порядке с одним глазом, сплошь бледно-серым на вид, как сваренный рыбий глаз, и хотя он оставался неподвижен в глазной впадине, всегда казалось, что он смотрит на вас и следит за вами, как глаза людей с некоторых музейных портретов. Где бы вы ни стояли и откуда бы Берт ни смотрел, этот ложный глаз фиксировал вас сбоку с холодным вниманием, сваренный и мутно-бледный, с маленькой черной точкой в центре, как рыбий глаз на тарелке.

По своему телосложению он был противоположностью своему отцу, короткому и коренастому, как лягушка. Берт был высок, тонок, словно бы без костей, расслабленный в суставах, и даже голова, возможно, слишком тяжелая для шеи, клонилась к плечам.

— Вы же соорудили стог в июне, — сказал я ему. — Чего ж так скоро принялись за него?

— Отец так захотел.

— Хорошенькое время собирать новый стог. Ноябрь.

— Отец так захотел, — повторил Берт, и оба его глаза, живой и мертвый, остановились на мне абсолютно пустым взглядом.

— Устраивать себе такие хлопоты: разваливать, скирдовать, укреплять спустя всего пять месяцев.

— Отец так захотел! — Из носу Берта потекло, и

он вытер нос тыльной стороной ладони, а ладонь вытер о штанину.

— Иди сюда, Берт, — позвал Рамминз, и парень полез на стог и встал на том месте, где солома задвигалась. Он взял нож и начал разрезать плотно упакованные кипы легкими пилящими движениями, держа за рукоять обеими руками и раскачиваясь всем телом. Я слышал хруст, с каким лезвие перерезало сухую солому, звук становился мягче, когда нож уходил глубоко в стог.

— Клод собирается получить приз за стрельбу по крысам.

Мужчина и парень неожиданно прервали работу и обернулись к Клоду, который стоял через дорогу, опершись на красный насос и держа винтовку в руке.

— Скажи ему, чтоб он убрал это проклятое ружье, — сказал Рамминз.

— Он хороший стрелок. Он не попадет в вас.

— Никто не будет стрелять в крыс рядом со мной, кто бы он ни был.

— Вы обидите его.

— Скажи ему, чтоб унес ружье, — сказал Рамминз медленно и враждебно. — Мне наплевать на собаку и и прочее, но пусть меня поимеют, если я допущу здесь пальбу.

Двое со стога наблюдали, как Клод относил ружье, затем в молчанье возобновили работу. Скоро Берт спустился в телегу и, дотягиваясь обеими руками до нарезанной соломы, стал ловко сваливать ее возле себя.

Крыса, серо-черная, с длинным хвостом, выскочила из-под стога и побежала к изгороди.

— Крыса, — сказал я.

— Убей ее, — сказал Рамминз. — Почему ты не возьмешь палку и не убьешь ее?

Начался переполох, и крысы выскакивали все быстрее, одна или две каждую минуту, откормленные, длиннотелые, припадая к земле на своем пути сквозь траву к изгороди. Когда лошадь замечала какую-нибудь из них, она шевелила ушами.

Берт снова вскарабкался на верх стога и разрезал другую кипу. Наблюдая за ним, я вдруг увидел, как он остановился в секундном замешательстве, затем опять начал резать, но на этот раз очень осторожно; и теперь я мог слышать иной звук, приглушенный скрежет, словно лезвие задевало за что-то твердое.

Берт поднял нож и исследовал лезвие, пробуя его большим пальцем. Затем опустил, осторожно вставил в надрез — лезвие входило все ниже, пока снова не уперлось в твердый предмет; и когда он сделал короткое пилящее движение, опять раздался скрежет.

Рамминз повернул голову и через плечо посмотрел на парня. Он как раз поднимал охапку соломы, держа ее обеими руками, но так и застыл, как вкопанный, на середине усилия, глядя на Берта. Берт оставался неподвижным, держа рукоять ножа обеими руками, с замешательством на лице. На фоне бледно-голубого ясного неба две застывшие фигуры на вершине стога выглядели резко и темно, как на гравюре.

Затем голос Рамминза, более громкий, чем обычно. прорезал покрывающую все тишину: «Кто-то из этих чертовых скирдователей что-то там забыл в стогу».

Он замолчал. И опять тишина, неподвижные люди. И неподвижный Клод, через дорогу у красного насоса. Стало вдруг так тихо, что мы могли слышать, как женский голос с соседней фермы в долине звал мужчин к столу.

Затем Рамминз снова крикнул, хотя и не было необходимости кричать: «Валяй дальше! Валяй, режь, Берт! Хворостина не испортит твоего ножа!»

По какой-то причине, а может, просто почуяв опасность, Клод неторопливо пересек дорогу и встал рядом со мной, облокотясь на калитку. Он ничего не сказал, но нам обоим показалось, что мы знаем, что сейчас что-то случится с этими двумя, с этой окружающей их неподвижностью, и особенно с самим Рамминзом. Рамминз был напуган. Берт также. И сейчас, когда я наблюдал за ними, я начал сознавать, что какой-то смутный образ шевельнулся в глубине моей памяти. Я сделал отчаянную попытку увидеть и схватить его, Мне даже показалось, что почти удалось это, но образ выскользнул, и когда я погнался за ним, то обнаружил, что углубляюсь в прошлое неделя за неделей, возвращаясь в желтые дни лета — теплый ветерок тянет по долине с юга; большие буковые деревья, обремененные листвой; поля, наливающиеся золотом; пора сенокоса и стогованья; и этот стог...

Внезапно я почувствовал спазм страха, — этакий приличный разряд электричества в области желудка.

— Точно — этот стог! Когда же мы занимались им? В июне? Ну да, конечно — жаркий душный июньский

день, тяжелые низкие облака над головой, и воздух напоен электричеством.

Рамминз сказал тогда: «Ради Бога, пошевеливайся, пока дождь не пошел».

А Оле Джимми ответил: «Да дождь и не собирается. И нечего беспокоиться. Ты же отлично знаешь, что если гроза на юге, дождя в долине не будет».

Рамминз, стоящий в повозке с вилами в руках, ничего не сказал в ответ. Он был в бешенстве, боясь, что до дождя не управится со стогом.

— Дождя раньше вечера не будет, — повторил Оле Джимми, глядя на Рамминза; а Рамминз ответил ему взглядом, в котором горела тихая злоба.

Все утро мы вкалывали без отдыха, загружая солому в телегу, перевозя ее через поле и сооружая медленно растущий стог невдалеке от ворот, напротив автозаправочной станции. Мы слышали раскаты грома, они то приближались с юга, то отдалялись опять. Затем показалось, что гроза вернулась и зависла где-то за холмами, разряжаясь время от времени. Когда мы глянули вверх, то увидели тучи, меняющие очертания в неистовых высотных потоках; но на земле было жарко и душно, и ни малейшего дуновения ветерка. Мы работали без интереса и вяло в той духоте, рубахи были сырые от пота, лица горели.

Мы с Клодом работали рядом с Рамминзом на самом стогу, помогая его формовать, и я вспоминаю, как было жарко и невыносимо от мух и оттого, что пот ручьем; особенно же запомнилось мрачное подавляющее присутствие Рамминза рядом со мной; он работал с отчаянным усердием, поглядывая на небо и торопя окриком людей.

В полдень, вопреки Рамминзу, мы прервались на обед.

Клод и я сидели под изгородью с Оле Джимми и другим парнем по имени Вильсон, солдатом-отпускником, и было слишком жарко, чтобы много болтать. У Вильсона было немного хлеба и сыра и фляга холодного чая. У Оле Джимми была сумка, — из тех, что служили для противогазов старого образца, а в ней плотно друг к другу стояли шесть пинтовых бутылок пива.

— Давайте, — сказал он, предлагая по бутылке каждому из нас.

— Я бы купил у тебя одну, — сказал Клод, зная, что у старика денег не много.

— Возьми так.

— Я должен заплатить тебе.

— Не будь идиотом. Пей так.

Он был очень добрый старик, добрый и чистый, с чистым розовым лицом, которое он брил каждый день. Он раньше работал плотником, но в возрасте семидесяти его попросили, а было это уже несколько лет назад. Затем совет деревни, видя его активность, нанял его присматривать за только что выстроенной детской площадкой, содержать в порядке всякие там качели, в общем, быть чем-то вроде доброй собаки, следящей, чтоб никто из ребятишек не покалечился или не наделал других глупостей.

Это была хорошая работа для любого старика, и все, казалось, были довольны таким раскладом, но только до той субботней ночи. В эту ночь Оле Джимми здорово выпил и пошел вразнос, начав орать песни посредине Хай-стрит, с такими завываниями, что люди повылезали из коек, чтобы посмотреть, что случилось. На следующее утро ему и высказали, что пьяница и дебошир как-то не сочетается с детками на игровой площадке.

А потом произошла удивительная вещь. В первый же безработный день — а был понедельник — ни одного детского возгласа не донеслось с игровой площадки.

И на следующий день, и на третий...

Всю неделю качели и горки стояли пустыми. Ни один малыш не приблизился к ним. Зато они были с Оле Джимми в поле за домом священника и играли в свои игры, а он за ними присматривал; и в результате этого совет в конце концов не придумал ничего лучшего, как вернуть старику его рабочее место.

Он и теперь работал там, и также прикладывался к бутылочке, но никто ему больше и слова не говорил. Он оставлял свою работу только на несколько дней в году, на время стогования. Всю свою жизнь Оле Джимми любил это дело, не собираясь отказываться от него и теперь.

— Еще одну? — спросил он теперь, забирая бутылку у Вильсона, солдата.

— Не, спасибо. Я чайку.

— Говорят, чай хорош в жаркий день.

— Точно. Я от пива засыпаю.

— Если хотите, — сказал я Оле Джимми, — мы сходим на заправочную станцию и я возьму вам пару сандвичей. Хотите?

— С меня хватит пива. В одной бутылке пива, мой мальчик, пищи больше, чем в двадцати сандвичах.

Он улыбнулся мне, показав бледно-розовые беззубые десны, но это была приятная улыбка и не было ничего отталкивающего в его деснах.

Какое-то время мы сидели молча. Солдат прикончил свой хлеб с сыром и растянулся на земле, сдвинув шляпу на лицо. Оле Джимми выпил три бутылки пива, предлагая последнюю Клоду и мне.

— Нет, спасибо.

Старик пожал плечами, отвинтил крышку и, запрокинув голову, стал вливать пиво в приоткрытый рот, так что оно плавно, без бульканья, лилось прямо в глотку.

— Кажется, Рамминз не собирается напоить эту старую лошадь? — спросил он, опуская бутылку, вглядываясь через поле в большую тягловую лошадь, стоящую между оглобель. — Лошади испытывают жажду так же, как и мы. — Оле Джимми помолчал. — У вас тут, кажется, где-то было ведро воды?

— Ну да.

— Почему бы нам не напоить старую лошадь?

— Отличная идея.

Мы с Клодом встали и направились к воротам, а я, помнится, обернулся и окликнул старика: «Вы точно не хотите, чтобы я принес вам отличный сандвич? Это займет несколько секунд».

Он покачал головой, махнул нам бутылкой и сказал что-то насчет того, что малость вздремнет. Мы миновали ворота и пошли через дорогу к бензозаправке.

Полагаю, мы отсутствовали около часа, обслуживая клиентов и готовя себе что-нибудь перекусить, и когда мы наконец вернулись и Клод принес ведро воды, стог был уже по крайней мере футов шесть в высоту.

— Немного воды для старой клячи, — сказал Клод, тяжело глядя на Рамминза, который, стоя в телеге, подавал солому наверх.

Лошадь опустила голову в ведро, всасывая воду и благодарно пофыркивая.

— Где Оле Джимми? — спросил я. — Мы хотели, чтобы старик увидел, как пьет лошадь, ведь это была его идея.

Когда спрашивал, был краткий миг, когда Рамминз, держа вилы на весу, в замешательстве оглянулся.

— Я принес ему сандвич, — добавил я.

— Чертов старый придурок выпил слишком много пива и отправился домой спать, — сказал Рамминз.

Я поплелся вдоль изгороди к тому месту, где мы сидели с Оле Джимми. Пять пустых бутылок лежали в траве. Здесь же валялась сумка. Я поднял ее и отнес Рамминзу.

— Я не думаю, чтобы Оле Джимми пошел домой, мистер Рамминз, — сказал я, держа сумку за длинный плечевой ремень. Рамминз глянул на него, но не ответил. Он был в припадке спешки оттого, что гроза приближалась, тучи темнели, а духота становилась все плотнее.

Неся сумку, я направился обратно к бензоколонке, где оставался до конца дня, обслуживая клиентов. Ближе к вечеру, когда пошел дождь, я глянул через дорогу и заметил, что они закончили стог и накрыли его брезентом.

Через несколько дней приехал кровельщик, снял брезент и соорудил над стогом скирдовую крышу. Он был хороший мастер и сделал прекрасную крышу из длинностебельной соломы, толстую и плотную. Угол скатов был точен, края ровно скреплены, и доставляло удовольствие смотреть на нее с дороги или с порога автозаправочной станции.

Все это теперь вспомнилось мне так ясно, как будто это было вчера — укладка стога в тот жаркий грозовой июньский день, желтое поле, сладкий древесный запах соломы, солдат по имени Вильсон в теннисных туфлях, Берт со сваренным глазом, Оле Джимми с чистым старым лицом, с розовыми обнажившимися деснами, и Рамминз, приземистый карлик, стоящий в телеге и угрюмо взирающий на небо, опасаясь дождя.

В этот самый момент он был снова там, этот Рамминз, на вершине стога, согнувшийся, с охапкою соломы в руке и оглядывающий сына, длинного Берта, также неподвижного, оба как черные силуэты на фоне неба, и я снова ощутил разряд страха в области желудка.

— Продолжай резать Берт, — сказал Рамминз уже громче.

Берт налег на нож, край лезвия тут же высоко взвизгнул, наткнувшись на что-то твердое. По лицу Берта было видно, что ему не нравится его занятие.

Через несколько минут нож прошел насквозь — и наконец снова появился мягкий скользящий звук, с каким лезвие пронизывает плотную солому, и Берт повернул

лицо к отцу, осклабясь облегченно и без толку кивая.

— Продолжай резать, Берт, — сказал Рамминз, все еще оставаясь неподвижным.

Берт сделал второй вертикальный разрез — той же глубины, что и первый, затем он наклонился и вытянул брикет соломы, отделившийся от массы стога так же чисто, как кусок пирога, и опустил его в телегу.

Вдруг... парень, казалось, застыл, тупо реагируя на появление нового лица среди них, неспособный поверить или, возможно, отказываясь поверить в то, что это была за штука, которую от перерезал пополам.

Рамминз, который прекрасно знал, что это было, повернулся и стал быстро спускаться с другой стороны стога. Он так быстро двигался, что уже проскочил ворота и был уже на полпути через дорогу, когда Берт завизжал.

СВИНЬИ

1

Давно это было. В городе Нью-Йорке появился на свет чудный малыш, и счастливые родители назвали его Лексингтоном.

Не успела молодая мама войти в свой дом с младенцем на руках, как в ее голове родилась идея.

— Милый, — сказала она мужу, — сегодня вечером мы должны пойти в самый шикарный ресторан и отпраздновать рождение нашего сына и наследника.

Муж заключил ее в нежные объятия и сказал, что женщина, подарившая ему такое чудо, как Лексингтон, может требовать все, что ей заблагорассудится. Но при этом он поинтересовался, достаточно ли она окрепла для ночных похождений.

— Нет, — сказала она. — Ну и что.

Итак, в тот же вечер, облачившись в выходные наряды и оставив крошку Лексингтона на попечение опытной няньки, которая стоила им двадцать долларов в день и к тому же была шотландкой, они отправились в самый лучший и самый дорогой ресторан. Здесь они усидели бутылку шампанского в придачу к двум гигантским омарам, потом завернули в ночной клуб, где угостились еще одной бутылкой, после чего, взявшись за руки и потеряв счет времени, вспоминали, обсуждали и восхищались каждой черточкой своего несравненного чада.

К своему манхеттенскому особняку они добрались около двух часов ночи. Муж расплатился с таксистом и принялся шарить в карманах, ища ключ от входной двери. Через несколько минут он заявил, что, по всей видимости, оставил ключ в другом костюме, и посему предложил позвонить и разбудить няньку, чтобы та их впустила. За двадцать долларов в день, сказал он, не грех и среди ночи побегать.

Он позвонил. Прошло время, но ответа не последовало. Он позвонил снова, длительно и громко. И снова без толку. Тогда они вышли на улицу и принялись кричать в нянькино окно на втором этаже, вызывая ее по имени — МакПоттл. Но тщетно. В доме было темно и глухо. Жена начала нервничать. Мой маленький, думала она, заперт в доме один с этой МакПоттл. А кто такая эта МакПоттл? Они знали ее всего два дня: у нее были тонкие губы, маленькие недовольные глаза, накрахмаленная манишка и — как становилось ясно — богатырский сон. А если звонок не может ее разбудить, разве услышит она, как плачет ребенок? Боже, в эту самую минуту бедняжка, может быть, давится своим язычком или задыхается под подушкой!

— У него нет подушки, — сказал муж. — Не паникуй. Я этого так не оставлю.

После всех возлияний он чувствовал себя в ударе. Нагнувшись, он расшнуровал лакированную туфлю и снял с ноги. Затем, взяв за носок, мощным движением послал ее прямо в окно столовой, находившейся на первом этаже.

— Вот так-то! — победно ухмыльнувшись сказал он. — А ущерб вычтем из жалованья МакПоттл.

Он подошел, осторожно просунул руку в дыру, освободил затвор и поднял окно.

— Сначала я подсажу тебя, мамочка, — сказал он, и, обняв жену за талию, приподнял над землей. Таким образом, ее полные яркие губы оказались на одном уровне с его собственными, и к тому же слишком близко, чтобы избежать поцелуя. По опыту он знал, что женщинам очень нравится целоваться в таком положении, тесно прижавшись и болтая ногами, поэтому он продлил это удовольствие, доведя жену до сладострастных спазмов в горле. Наконец он повернул ее к себе спиной и начал бережно проталкивать через окно в столовую. В этот момент по улице, с приглушенным мотором, проезжал полицейский патруль. Он остановился в тридцати ярдах. Три полицейских-ирландца выскочили из машины и ринулись в сторону супругов, угрожающе размахивая револьверами.

— Руки вверх! — кричали полисмены. — Руки вверх!

Но озадаченный супруг не мог подчиниться этому требованию, не выпустив из рук жену, которая в таком случае либо свалилась бы на землю, либо осталась торчать в окне, что для женщины крайне неловко, поэтому

он продолжал осторожно проталкивать ее внутрь. Полицейские, каждый из которых недавно получил медаль за ликвидацию грабителей на месте преступления, немедленно открыли огонь. И хотя стреляли они на бегу, а жена представляла своей видимой частью совсем небольшую мишень, они преуспели в меткости попаданий — достаточных в обоих случаях, чтобы стать роковыми.

И вот так, будучи двенадцати дней от роду, малыш Лексингтон стал сиротой.

2

Новость об этом убийстве, за которое трое полицейских уже успели получить благодарность, была охотно сообщена газетными репортерами всем родственникам погибшей пары. На следующее утро ближайшие родственники вместе с двумя служащими похоронного бюро, тремя юристами и священником забрались в такси и направились к месту происшествия. Собравшись в гостиной, они расселись по диванам и креслам, дымя сигаретами и потягивая шерри, и принялись обсуждать, что же делать теперь с сироткой Лексингтоном.

Как вскоре выяснилось, никто из родственников не был в состоянии обеспечить будущность ребенка. Дебаты затянулись до вечера. Все демонстрировали огромное, почти непреодолимое желание взять его к себе, и сделали бы это с превеликим удовольствием, если бы у них дом был побольше, или не имей они уже одного ребенка, чтобы позволить себе второго, или просто не зная, куда деть бедняжку на время летнего турне за границу, или из-за преклонного возраста, что, безусловно, причинит массу неудобств подрастающему мальчику, и так далее, и тому подобное. И, конечно, ни для кого не было секретом, что отец ребенка давно и основательно увяз в долгах, что дом его заложен и, соответственно, денег на воспитание его отпрыска нет никаких.

Они все еще продолжали неистово препираться, когда вечером в шесть часов неожиданно для всех в гостиную ворвалась мисс Глосспэн, старая тетка покойного, приехавшая из Вирджинии. Не снимая пальто и даже не присев передохнуть, она отвергла предложенный коктейль и непререкаемым тоном заявила, что с этой минуты ответственность за ребенка она полностью и безраздельно берет на себя и, более того, обеспечит

всю финансовую сторону дела, включая образование.

— Можете разъезжаться по домам, — сказала она, — и пусть ваша совесть будет спокойна.

Произнеся эту фразу, она взбежала по лестнице в детскую, выхватила Лексингтона из кроватки и пулей вылетела из дому, крепко прижав младенца к груди. Родственники наблюдали эту сцену молча, с выражением приятного облегчения на лицах, а над ними, стоя на лестнице, каменно возвышалась нянька МакПоттл, осуждающе поджав губы и сложив руки на крахмальной манишке.

Вот таким образом младенец по имени Лексингтон тринадцати дней от роду покинул город Нью-Йорк и отправился на юг, в штат Вирджиния со своей двоюродной бабушкой Глосспэн.

3

Мисс Глосспэн было почти семьдесят, когда она стала опекуншей Лексингтона, но на вид вы никогда бы не дали ей столько. Энергии этой женщины хватило бы на двоих, а ее маленькое, покрытое морщинами лицо с карими глазами, лучащимися теплотой, до сих пор сохранило привлекательность. Она никогда не была замужем, но и об этом вы никогда бы не догадались — на старую деву мисс Глосспэн была совсем не похожа. Она не впадала в депрессию и не раздражалась; у нее не было усиков; она ничуть не завидовала другим людям, что само по себе большая редкость среди старых дев и увядших девственниц, хотя, конечно, неизвестно, относилась ли мисс Глосспэн к обеим категориям.

Но, вне всякого сомнения, она была эксцентричной особой. Последние тридцать лет она вела странную жизнь, в полном одиночестве удалившись в крохотный домик на склоне Голубого хребта за несколько миль до ближайшего поселка. Здесь у нее было пять акров пастбищной земли, огород, сад с цветником, три коровы, дюжина несушек и красавец петух.

А теперь у нее был еще и Лексингтон.

Будучи строгой вегетарианкой, она считала употребление в пищу мяса не только вредным и отвратительным, но и чудовищно жестоким. Ее рацион составляли простые, здоровые продукты: молоко, масло, яйца, сыр, овощи, орехи, зелень, фрукты, — и ей было приятно

сознавать, что ни одно живое существо, от быка до креветки, не пострадает ради ее нужд. Однажды, когда ее рябая курочка скончалась в расцвете сил, не сумев разродиться, мисс Глосспэн так расстроилась, что чуть было вообще не отказалась от яиц.

Она понятия не имела, как обращаться с младенцами, но это ее не смущало. На Нью-оркском вокзале, ожидая поезд, она купила шесть бутылочек, две дюжины сосок, коробку безопасных булавок, упаковку молока на всю дорогу и дешевую книжицу, которая называлась «Уход за младенцами». Словом, все необходимое. Когда поезд тронулся, она дала ребенку молока, перепеленала его, как сумела, и уложила спать на сиденье. Потом от корки до корки проштудировала «Уход за младенцем».

— Ничего сложного, — сказала она, вышвырнула книжку за окно. — Сущая ерунда.

И, как ни странно, так оно и было. Дома все пошло как по маслу. Малыш Лексингтон пил свое молоко, срыгивал, кричал и спал, как всякий нормальный ребенок, а бабушка Глосспэн сияла от радости, глядя на него, и с утра до вечера осыпала поцелуями.

4

Прошло шесть лет. Лексингтон превратился в прелестного мальчика с длинными золотистыми кудрями и глазами цвета васильков. Он был жизнерадостным и смышленым ребенком и уже начинал помогать бабушке по хозяйству: выбирал яйца из курятника, крутил ручку маслобойки, копал картошку и собирал травы на склоне горы. А бабушка Глосспэн начинала подумывать о его образовании.

Но мысль о том, что ей придется с ним расстаться на время учебы, была невыносима. Она любила его так сильно, что просто не пережила бы разлуки. В долине какая-то школа, но все это место казалось ей таким ужасным, что она не сомневалась — в первый же день его заставят есть там мясо.

Однажды, как он сидел на кухне, наблюдая, как делается сыр, она сказала:

— Знаешь что, мое солнышко? Я сама буду тебя учить.

Мальчик поднял на нее свои большие синие глаза и доверчиво улыбнулся.

— Хорошо, бабушка, — сказал он.

— И первое, что я должна сделать, это научить тебя готовить.

— Я думаю, мне это понравится, бабушка.

— Понравится тебе это или нет, а научиться тебе необходимо, — сказала она. — У нас, вегетарианцев, не такой разнообразный выбор продуктов, как у обычных людей, поэтому мы должны быть вдвойне изобретательны с тем, что имеем.

— Бабушка, — спросил мальчик, — а что едят обычные люди?

— Животных, — ответила она, передернувшись от отвращения.

— Живых?!

— Нет, — сказала она. — Мертвых.

Мальчик на минуту задумался.

— Значит, когда животные умирают, они едят их, вместо того, чтобы похоронить?

— Они не дожидаются их смерти, мой золотой. Они их убивают.

— А как они их убивают, бабушка?

— Обычно перерезают горло ножом.

— А каких животных?

— Коров и свиней в основном, и овец.

— Коров! — воскликнул мальчик. — Таких, как Ромашка, Снежинка и Роза?

— Вот именно, радость моя.

— Но как же они их едят, бабушка?

— Они режут их на части, а из этих частей готовят себе еду. Больше всего они любят, когда она красная, кровавая и держится на косточке. Им нравится есть коровье мясо, когда из него кровь сочится.

— И свиное тоже?

— О, они его обожают!

— Кровавое свиное мясо, — прошептал мальчик. — Подумать только. А еще что они едят, бабушка?

— Цыплят.

— Цыплят!

— Миллионы цыплят.

— С перьями и со всем?

— Нет, милый, без перьев. А теперь будь умницей, сбегай и принеси бабушке пучок шпината, хорошо?

Вскоре они начали заниматься. В программу входило пять предметов: чтение, письмо, география, арифметика и кулинария, но последний доставлял и учитель-

нице, и ученику наибольшую радость. И очень быстро выяснилось, что маленький Лексингтон обладал поистине замечательным даром в этой области. Мальчик был прирожденным кулинаром. Он все схватывал на лету. Как жонглер, он орудовал сковородками и кастрюлями. Он мог разрезать картофелину на двадцать тончайших кружочков — быстрее, чем бабушка ее просто чистила. У него был удивительно чувствительный вкус: он мог попробовать крепкий луковый отвар и немедленно определить в нем присутствие крохотного листика шалфея. Небывалый для его возраста талант озадачивал мисс Глосспэн, он был выше ее понимания. Но это не мешало ей гордиться внуком и предрекать ему блестящее будущее.

— Какое счастье, — говорила она, — иметь на старости лет такого чудесного помощника.

И через пару лет она полностью отошла от кухни, предоставив ее заботам Лексингтона. Мальчику было в то время десять лет, а мисс Глосспэн почти восемьдесят.

5

Распоряжаясь кухней, Лексингтон сразу же приступил к изобретению собственных блюд. Старые, даже излюбленные, больше не интересовали его. У него была неуемная жажда творчества. Сотни свежих идей бродили в его голове. «Начнем, — сказал он, — с орехового суфле». В этот же вечер он сделал его и подал на ужин. Суфле было изумительным.

— Ты гений! — воскликнула бабушка, вскочив с кресла и расцеловав его в обе щеки. — Ты войдешь в историю!

С этого времени ни дня не проходило без стола, украшенного новым восхитительным блюдом. Здесь был суп из бразильских орехов, кукурузные котлеты, овощное рагу, омлет из одуванчиков, творожные оладьи, фаршированная капуста, соусы из диких трав, лук-шалот, острый свекольный мусс, чернослив по-строгановски, паштет из артишоков, репа на вертеле, горячие пироги из еловой хвои и множество других прекрасных изобретений. Никогда в жизни, уверяла мисс Глосспэн, не приходилось ей наслаждаться подобной пищей, и по утрам, задолго до обеда, она выходила на крыльцо, садилась в кресло-качалку и, облизывая сухие губы,

пыталась определить — что за ароматы доносятся из кухни.

— И что это ты там готовишь, внучек? — спрашивала она обычно.

— А угадай, бабушка.

— Пахнет, вроде бы, пончиками из козлобородника, — отвечала она, энергично принюхиваясь.

И тут выходил он, это десятилетнее дитя, триумфально улыбаясь и держа в руках большой дымящийся горшок с божественным рагу, целиком сделанным из пастернака и аптечной ромашки.

— Знаешь, что ты должен сделать? — сказала бабушка, поглощая рагу. — Ты должен сию же минуту взять бумагу и карандаш, сесть и написать поваренную книгу.

Он поднял на нее глаза и молча продолжал жевать свой пастернак.

— А почему бы и нет? — воскликнула она. — Я научила тебя писать и научила тебя готовить, осталось только соединить эти две вещи. Ты напишешь поваренную книгу, мой дорогой, и она прославит тебя на весь мир.

— Хорошо, — сказал он. — Напишу.

Не откладывая на завтра, Лексингтон начал первую страницу своего монументального труда, которым ему суждено было заниматься до конца жизни. Он назвал его «Пища здоровая и вкусная».

6

Спустя семь лет, когда ему исполнилось семнадцать, записки составили более девяти тысяч разных блюд, исключительных по оригинальности и вкусу.

Но нежданно-негаданно этот труд был прерван трагической смертью мисс Глосспэн. Ночью ее хватил жестокий удар, и Лексингтон, который на шум ринулся в ее спальню, обнаружил бабушку на кровати — кричащей, изрыгающей проклятия, в пароксизмах боли, вязавшей из ее тела сложные узлы. Зрелище было поистине жуткое; испуганный юноша метался в пижаме вокруг бабушки и ломал руки, не зная, что предпринять. Наконец, пытаясь успокоить ее, он принес черпак воды из пастбищной поилки и вылил ей на голову. Это,

однако, только обострило приступ, и через час мисс Глосспэн успокоилась навсегда.

— Какое несчастье, — сказал бедный мальчик, ущипнув ее несколько раз для верности. — И как неожиданно! Еще только вечером она себя прекрасно чувствовала. Даже съела три больших куска моего последнего творения, пикантного машрумбергера, и сказала, какой он сочный.

Горько поплакав несколько минут, так как очень любил бабушку, он собрался с силами, вынес ее из дому и похоронил за хлевом.

На следующий день, разбирая ее пожитки, он наткнулся на конверт, адресованный ему почерком мисс Глосспэн. Вскрыв его, он обнаружил две пятидесятидолларовые купюры и письмо.

Дорогой мой мальчик, — говорилось в письме, — я знаю, что ты никогда не покидал дома с тех пор, как я привезла тебя сюда, но, как только я умру, ты должен надеть ботинки, чистую рубашку, спуститься в поселок и найти доктора. Попроси доктора дать тебе свидетельство о смерти, то есть о том, что я умерла. Потом отвези это свидетельство моему адвокату, которого зовут мистер Цукерманн. Он живет в Нью-Йорке, и у него находится копия моего завещания. Мистер Цукерманн все устроит. Деньги в конверте — для доктора и на дорогу в Нью-Йорк. Когда ты приедешь туда, мистер Цукерманн даст тебе еще денег, и вот мое последнее желание: используй их на дальнейшие исследования в кулинарии и вегетарианстве и продолжай работать над своей великой книгой до тех пор, пока не будешь доволен ею со всех сторон. Твоя любящая бабушка.

Глосспэн.

Лексингтон, который всегда делал то, что велела бабушка, положил деньги в карман, надел ботинки и чистую рубашку и спустился с горы в поселок, где жил доктор.

— Старая Глосспэн? — сказал доктор. — Боже мой, неужели она умерла?

— Конечно, умерла, — ответил юноша. — Если вы пойдете со мной назад, я ее выкопаю, и вы сами увидите.

— Как глубоко ты ее закопал? — спросил доктор.

— Шесть или семь футов, наверное.

— А как давно?

— Восемь часов назад.

— Значит, точно умерла, — заявил доктор. — Вот тебе свидетельство.

7

И вот наш герой отправляется в город Нью-Йорк на поиски мистера Цукерманна. Он путешествовал пешком, спал под кустами, питался ягодами и дикими травами, и вся дорога до метрополии заняла у него шестнадцать дней.

— Какое сказочное место! — воскликнул он, оглядываясь на углу Пятьдесят седьмой улицы и Пятой авеню. — Здесь нет ни коров, ни кур, и женщины совсем не такие, как бабушка Глосспэн.

Что же касается мистера Сэмьюэла Цукерманна, то он оказался вообще вне всякого сравнения.

Это был обрюзгший коротышка с лиловыми щеками и могучим багровым носом. Когда он улыбался, лицо его волшебно озарялось золотым блеском, исходившим от множества вставных зубов. Он встретил Лексингтона в своем шикарном офисе, тепло пожал руку и поздравил с кончиной бабушки.

— Я полагаю, вам известно, что ваша многоуважаемая опекунша обладала значительным состоянием? — спросил он.

— Вы имеете в виду коров и кур?

— Я имею в виду полмиллиона зелененьких.

— Чего?

— Полмиллиона долларов, мой мальчик. И все это она оставила вам.

Цукерманн откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы на своем рыхлом животике. Одновременно он исподтишка просунул правый указательный палец под жилет и рубашку, намереваясь почесать окружность пупка, что было его излюбленным занятием, доставлявшим особое наслаждение.

— Конечно, мне придется вычесть пятьдесят процентов за свои услуги, — сказал он, — но и при этом у вас останется двести пятьдесят тысяч.

— Я богат! — воскликнул Лексингтон. — Это прекрасно! Когда я смогу получить деньги?

— На ваше счастье, — сказал Цукерманн, — у меня здесь хорошие отношения с налоговой инспекцией, и,

думаю, мне удастся уговорить их не облагать пошлинами ваше наследство.

— Вы очень добры, — пробормотал Лексингтон.

— Разумеется, мне придется дать кое-кому небольшой гонорар.

— Как угодно, мистер Цукерманн.

— Думаю, сто тысяч будет достаточно.

— О, Господи, неужели так много?

— С полицией и налоговой инспекцией никогда не следует скупиться, — сказал Цукерманн. — Запомните это.

— Но сколько же тогда останется мне? — робко спросил юноша.

— Сто пятьдесят тысяч. Но еще имейте в виду похоронные издержки.

— Похоронные издержки?

— Вы должны заплатить похоронному бюро. Разве вы этого не знаете?

— Но, мистер Цукерманн, я похоронил ее сам, за хлевом.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал адвокат. — Ну и что?

— Я не обращался в похоронное бюро.

— Послушайте, — терпеливо начал Цукерманн, — может быть, вы этого не знаете, но в нашем штате есть такое положение, по которому законный наследник ни гроша не получит из причитающейся ему суммы, пока не будут оплачены все похоронные издержки.

— Значит, это такой закон?

— Разумеется, закон, и очень хороший, кстати. Система похоронных бюро — одно из величайших достижений нации. Ее интересы — наши интересы.

Сам мистер Цукерманн вместе с группой патриотически настроенных врачей контролировал корпорацию, владевшую девятью похоронными бюро, не считая бруклинской фабрики по изготовлению гробов и школы для бальзамировщиков. Поэтому смерть для мистера Цукерманна значила приблизительно то же, что для владельца магазина Рождество Христово. Покойник в его глазах приобретал значение божества, требующего глубоко религиозного почитания.

— Вы не имели никакого права вот так запросто взять и похоронить бабушку, — сказал он. — Абсолютно никакого.

— Но я не знал, мистер Цукерманн.

— А это подрывает все устои, чтоб вы знали.

— Я сделаю все, как вы скажете, мистер Цукерманн. Я только хочу знать, сколько же у меня останется в конце концов.

Последовала пауза. Цукерманн вздыхал и хмурился, продолжая тайно почесывать ободок пупка.

— Ну, скажем, пятнадцать тысяч, — заключил он, просияв золотой улыбкой. — Кругленькая сумма.

— Я могу получить ее сейчас?

— Почему бы и нет.

Вызвав главного кассира, Цукерманн велел выдать Легксингтону пятнадцать тысяч долларов из наличных денег и получит. расписку. Юноша, который был рад теперь получить хоть что-нибудь, радостно принял деньго и уложил их в рюкзак. Затем он пожал Цукерманну руку, горячо поблагодарил за помощь и вышел.

— Весь мир передо мной! — воскликнул наш герой, оказавшись на улице. — Теперь у меня есть пятнадцать тысяч долларов, чтобы прожить, пока не напечатают мою книгу. А после этого у меня, конечно, будет намного больше.

Он стоял на тротуаре, размышляя, в какую сторону пойти. Повернул налево и медленно побрел по улице, во все глаза рассматривая город.

— Какой мерзкий запах, — сказал он, поморщившись. — Просто невыносимый.

Его деликатное обоняние, настроенное лишь на изысканные запахи кухни, жестоко пострадало от вони выхлопных газов автобусного дизеля.

— Если я сейчас же не уйду отсюда, — сказал он, — то испорчу себе нос окончательно. Но сначала мне просто необходимо что-нибудь съесть. Я умираю с голоду.

В последние две недели бедный мальчик не ел ничего, кроме ягод и трав, и теперь его желудок требовал чего-нибудь посущественней. Сейчас бы хорошую кукурузную котлету, размышлял он. Или несколько пончиков из козлобородника.

Он пересек улицу и вошел в маленький ресторан. Здесь было жарко, темно и тихо. Стоял сильный запах горящего жира и капустного отвара. Единственным посетителем был мужчина в коричневой шляпе, который, сосредоточенно уставившись в свою тарелку, не обратил на Лексингтона никакого внимания.

Наш герой сел за угловой столик, повесил рюкзак

на спинку стула. «Вот это, — произнес он мысленно,— самое интересное. Все свои семнадцать лет я ел стряпню только двух человек, бабушки Глосспэн и собственную, если не считать няню МакПоттл, подогревавшую для меня молоко, когда я был младенцем. А сейчас я познакомлюсь с искусством совсем другого повара и, если повезет, позаимствую пару хороших идей для своей книги».

Официант вышел из тени за его спиной и остановился у столика.

— Здравствуйте, — сказал Лексингтон. — Большую кукурузную котлету, пожалуйста. Обжарьте ее по двадцать пять секунд с каждой стороны в раскаленной сковородке со сметаной и добавьте щепотку специй перед подачей. Но если у вашего повара есть более оригинальный способ, я с удовольствием его приму.

Официант склонил голову набок и внимательно посмотрел на посетителя. — Эскалоп с капустой будете? — спросил он. — Это все, что у нас осталось.

— Простите, что с капустой?

Официант вытащил из кармана грязный носовой платок и, встряхнув им так яростно, будто щелкнул кнутом, смачно высморкался.

— Ну так будете или нет? — повторил он, вытирая нос.

— Я понятия не имею, что это такое, — ответил Лексингтон, — но буду не прочь попробовать. Видите ли, я пишу поваренную книгу и . . .

— Эскалоп с капустой! — крикнул официант, и где-то далеко, в темной глубине ресторана, чей-то голос ответил ему.

Официант исчез. Лексингтон полез в рюкзак за своими личными ножом и вилкой. Эти приборы, сделанные из чистого серебра, подарила ему бабушка Глосспэн на шестилетие, и с тех пор он пользовался только ими. В ожидании своего блюда он любовно протер их муслиновой тряпочкой.

Вскоре официант вернулся, неся тарелку, на которой лежал коричневатый кусок чего-то горячего. Получив блюдо, Лексингтон нетерпеливо склонился над ним, чтобы понюхать. Ноздри его раздувались и дрожали, вбирая запах.

— Но это же просто божественно! — воскликнул он. — Какой аромат! Великолепно!

Официант отступил назад и уставился на клиента.

— Никогда в жизни я не встречал такого насыщенного и дивного запаха! — продолжал наш герой, беря нож и вилку. — Ради бога, из чего это сделано?

Мужчина в коричневой шляпе оглянулся, полюбопытствовал и снова возвратился к своей еде. Официант ретировался на кухню.

Лексингтон отрезал кусочек мяса, наколол на свою серебряную вилку и поднес к носу, дабы еще раз понюхать. Затем сунул в рот и принялся медленно жевать, жмурясь и напрягаясь всем телом.

— Это уму непостижимо! — возопил он. — Совершенно новый вкус! О Глосспэн, любимая моя бабушка, если бы ты была сейчас со мной и могла насладиться этим замечательным блюдом! Официант! Подойдите сию же секунду! Я требую!

Потрясенный официант застыл в углу зала и не высказывал особого желания приближаться.

— Если вы подойдете и поговорите со мной, я сделаю вам подарок, — сказал Лексингтон и помахал стодолларовой бумажкой. — Прошу вас, подойдите.

Официант опасливо подошел к столу, выхватил деньги, поднес к глазам, поглядел, пощупал и быстренько сунул в карман.

— Чем могу служить вам, дружище? — спросил он.

— Послушайте, — сказал Лексингтон, — если вы скажете, из чего сделано это вкусное блюдо и как его готовят, я дам вам еще одну сотню.

— Я уже сказал вам, — ответил официант. — Это эскалоп.

— А что такое — эскалоп?

— Вы раньше никогда не ели эскалоп? — изумился официант.

— Да прекратите же, в конце концов, мучить меня и скажите, из чего это сделано.

— Это свинина, — сказал официант. — Обыкновенная жареная свинина.

— Свинина!

— Эскалоп делают из свинины. Неужели вы не знаете?

— То есть это мясо свиньи?

— Вот именно, в чистейшем виде.

— Но... но... это невозможно, — начал заикаться юноша... — Бабушка Глосспэн, которая разбирапалась в еде лучше всех на свете, говорила, что любое мясо противно, отвратительно, ужасно, гадко, тошно-

творно и чудовищно. А между тем кусок, который лежит на моей тарелке, без сомнения, самое вкусное блюдо, которое я когда-либо ел. И как же теперь вы мне это объясните? Бабушка Глосспэн наверняка не стала бы мне врать.

— Может быть, ваша бабушка просто не умела его готовить? — предположил официант.

— А такое возможно?

— Конечно, чтоб я провалился! Особенно со свининой. Свинина должна быть очень хорошо сделана, иначе вы ее в рот не возьмете.

— Эврика! — воскликнул Лексингтон. — Клянусь, именно так и было! Она просто неправильно ее готовила! — он протянул официанту стодолларовую банкноту. — Проведите меня на кухню и познакомьте с гением, который приготовил это мясо.

Лексингтон был немедля препровожден на кухню и представлен повару — пожилому мужчине с шеей, обметанной сыпью.

— Это будет стоить еще сотню, — сказал официант.

Лексингтон охотно согласился, но на сей раз отдал деньги повару. — А теперь послушайте, — сказал он. — Должен признаться, что я весьма озадачен тем, что сообщил мне ваш официант. Вы абсолютно уверены, что это уникальное блюдо, которое я сейчас ел, приготовлено из свиного мяса?

Повар поднял правую руку и поскреб шею.

— Ну, — сказал он, взглянув на официанта и слегка подмигнув, — я думаю, что это было свиное мясо.

— Значит, вы не уверены?

— Никогда нельзя быть уверенным.

— Тогда что же еще это могло быть?

— Видите ли, — сказал повар, протягивая слова и переглядываясь с официантом, — не исключено, что вам мог попасться кусок человечины.

— Кусок человеческого мяса?

— Совершенно верно.

— О Боже.

— Да, мужчины или женщины. На вкус они одинаковы.

— Ну... теперь вы меня действительно удивили, — сказал юноша.

— Век живи — век учись.

Это уж точно.

— Кстати, именно этим добром мясники завалива-

ют нас в последнее время, вместо свинины, — заявил повар.

— Что вы говорите!

— Ага, только сложность в том, что почти невозможно отличить, что есть что. И то и другое высокого качества.

— Кусок, который я сейчас съел, был превосходен.

— Я рад, что вам понравилось, — сказал повар. — Впрочем, я думаю, это была свинина. Я даже уверен.

— Уверены?

— Абсолютно.

— В таком случае будем считать, что вы правы, — сказал Лексингтон. — А теперь не будете ли вы так любезны — и вот вам еще сто долларов за беспокойство, — не будете ли вы так любезны рассказать мне подробно, как вы ее готовите?

Повар, оприходовав деньги, пустился в красочное описание жарки эскалопов, а юноша, боясь пропустить хоть единую деталь столь великого рецепта, сел за кухонный стол и подробнейшим образом записал.

— Это все? — спросил он, когда повар умолк.

— Все.

— Но ведь что-то же еще осталось, не так ли?

— Прежде всего это должен быть хороший кусок мяса, — сказал повар. — Это половина дела. Нужно выбрать хорошего борова и правильно его зарезать, иначе, как ни готовь, получится дрянь.

— Покажите, как, — сказал Лексингтон. — Зарежьте мне одного борова, чтобы я поучился.

— Мы не режем свиней на кухне, — сказал повар. — Мясо, которое вы ели, поступило с консервного завода в Бронксе.

— Тогда дайте мне адрес!

Повар дал ему адрес, и наш герой, поблагодарив тысячу раз за всю их доброту, выбежал на улицу, прыгнул в такси и направился в Бронкс.

8

Консервный завод представлял из себя массивное четырехэтажное здание из кирпича, вокруг которого пахло чем-то тяжелым и сладким, как мускус. Над центральным входом красовалась большая вывеска, гласившая: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ.

Ободренный ею, Лексингтон миновал ворота и ступил на булыжную мостовую двора, окружавшего самое здание. Затем он проследовал по указателям (НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ) и вскоре подошел к маленькому домику из рифленого железа, стоявшему отдельно от главного здания (ЗАЛ ОЖИДАНИЯ ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ). Вежливо постучавшись, он вошел.

В комнате сидело шесть человек. Здесь была дебелая матрона с двумя сыновьями приблизительно девяти и одиннадцати лет, сияющая молодая пара, проводившая, по всей видимости, медовый месяц, и бледная дама, сидевшая очень прямо, сложив на коленях руки в длинных белых перчатках. Все молчали. Лексингтон подумал, что они, возможно, тоже пишут поваренные книги, но когда он задал этот вопрос вслух, ответа не получил. Взрослые таинственно улыбались своим мыслям, покачивая головами, а мальчишки уставились на него, как на сумасшедшего.

Но тут дверь открылась, и веселый розовощекий мужчина, просунув голову в проем, сказал: «Следующий, пожалуйста». Матрона и ее сыновья поднялись и вышли.

Примерно через десять минут мужчина вернулся. «Следующий, пожалуйста», — снова сказал он; молодожены вскочили и последовали за ним.

Вошли и сели еще двое посетителей, супруги средних лет; жена держала в руке плетеную корзинку с продуктами.

— Прошу следующего, — сказал гид. Встала и покинула комнату дама в белых перчатках.

Вошли еще несколько человек, разместились на деревянных стульях с жесткими спинками.

Вскоре гид вернулся в третий раз, и теперь пришла очередь Лексингтона.

— Следуйте, пожалуйста, за мной, — сказал гид, ведя юношу через двор к главному зданию.

— Как интересно! — подскакивая на ходу, воскликнул Лексингтон, — Жаль, что бабушка Глосспэн не может видеть того, что увижу я.

— Я веду только предварительную работу, — сказал гид. — Потом я передам вас другому человеку.

— Как скажете, — возбужденно ответил юноша.

Сначала они прошли к большому огороженному загону в глубине здания, по которому слонялось несколько сот свиней.

— Вот где их отправная точка, — сказал гид. — А вот куда они попадают дальше.

— Куда?

— А вот сюда. — Гид указал на деревянный сарай, прилепившийся к стене завода. — Мы называем его «кандальным бараком». Сюда, пожалуйста.

Трое мужчин в резиновых сапогах загоняли в сарай дюжину свиней — как раз, когда приблизились Лексингтон с гидом; вместе они и вошли.

— А теперь, — продолжал гид, — смотрите, как на них надевают кандалы.

Внутри сарай оказался пустым деревянным помещением без крыши, но со стальным тросом, оснащенным крюками, медленно двигавшимися по всей длине параллельно полу на высоте трех футов. Достигая конца сарая, трос внезапно менял направление и далее вертикально полз через открытое пространство на верхний этаж здания.

Двенадцать свиней сгрудились в дальнем конце сарая и настороженно молчали. Один из трех работников снял со стены железную цепь и подкрался к ближайшей свинье, подходя с тыла. Затем он наклонился и мгновенно заарканил заднюю ногу животного. Второй конец цепи он навесил на крюк движущегося троса. Трос продолжал двигаться. Цепь напряглась. Нога свиньи поднялась и потянулась назад, а потом и вся ее туша попятилась задом. Но не упала. Это была довольно ловкая свинка, и как-то ей удавалось балансировать на трех ногах, перепрыгивая с одной на другую в борьбе с напряжением цепи; но, отступая все дальше и дальше, она очутилась в конце сарая, где трос поднимался, и здесь была вздернута и поползла вверх. Визг протеста заполнил помещение.

— Поистине завораживающее зрелище, — сказал Лексингтон, но что это был за странный хруст, когда ее подняли?

— Нога, наверное, — ответил гид. — А может, тазовая кость.

— А разве так можно?

— А почему нельзя? — пожал плечами гид. — Кости ведь никто не ест.

Мужчины в резиновых сапогах закандаливали остальных свиней и, одно за другим, животные повисали на крюках и ползли вверх, оглашая воздух диким визгом.

— До чего же сложный рецепт, — сказал Лексинг-

тон. — Это не то, что травы собирать. Бабушка Глосспэн с ним не справилась бы.

В этот момент, когда Лексингтон следил взглядом за последней вздернутой в воздух свиньей, мужчина в резиновых сапогах подобрался к нему со спины, охватив железной петлей его собственную щиколотку и соединил цепь с тросом. В следующую секунду, еще не успев сообразить, что происходит, наш герой рухнул, и железная цепь потащила его ногами вперед по бетонному полу «кандального барака».

— Стойте! — закричал он. — Остановите! Вы зацепили мою ногу!

Но никто, казалось, не слышал его, и через пять секунд несчастный молодой человек поплыл вниз головой в открытом пространстве, дергая свободной ногой и изгибаясь, как рыба.

— Помогите! — вопил он. — Помогите! Произошла ужасная ошибка! Остановите машину! Спустите меня вниз!

Гид вынул изо рта сигару, невозмутимо взглянул на быстро поднимающегося юношу, и ничего не сказал. Мужчины в резиновых сапогах направились за очередной партией свиней.

— Ну спасите же меня! — кричал наш герой. — Отпустите меня! Пожалуйста, отпустите меня!

Сейчас он приближался к верхнему этажу здания, где трос, по-змеиному извернувшись, полз дальше в большую дыру в стене, похожую на дверной проем без двери. Здесь, на пороге, одетый в желтый резиновый фартук, забрызганный чем-то темным, а по виду ну в точности апостол Петр у врат Рая, — стоял, дожидаясь его, убойщик.

Вися вниз головой и всего за какое-то мгновение, Лексингтон успел заметить выражение абсолютного покоя и благости на лице мужчины, веселые искорки в глазах, легкую мечтательную улыбку, ямочки на щеках, — и это его обнадежило.

— Ну, здравствуй, — улыбнулся убойщик.

— Быстрей! Спасите меня! — крикнул наш герой.

— С удовольствием, — сказал убойщик и, ласково взяв Лексингтона за одно ухо левой рукой, он занес правую руку и ловко взрезал юноше яремную вену.

Трос продолжал двигаться, и Лексингтон вместе с ним. Все было перевернуто в его глазах, кровь текла из горла и заливала лицо, но что-то он еще смутно

различал. Он видел длинное помещение, в конце которого стоит котел с клокочущей водой, а вокруг котла пляшут, потрясая длинными шестами, темные фигуры, окутанные паром. Конвейер останавливается, показалось ему, прямо над котлом; свиньи, показалось ему, падают одна за другой в кипящую воду, а на передних ножках одной из свиней надеты, показалось ему, длинные белые перчатки.

Внезапно нашему герою ужасно захотелось спать, но лишь тогда, когда его здоровое, сильное сердце вытолкнуло из тела последнюю каплю крови, покинул он этот прекраснейший из всех миров для мира иного.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫШЛИ В СВЕТ:

журнал «БОБОК»;

альманах «БОБОК»:

1. СВИСТЯЩАЯ КОМНАТА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
2. САМОЕ ВРЕМЯ САЖАТЬ БЕГОНИИ.
3. КОКОН. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
4. ТЕНЬ ДЕМОНА. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
5. ВЕСЬ ГОРОД СПИТ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
6. БОБОК.
7. ПАЛЕЦ! ПАЛЕЦ! Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
8. СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА.
9. ВТОРАЯ НОЧЬ В МОРЕ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
10. МЕЧ ГОБЛИНОВ. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
11. СМЕРТЬ ЕСТЬ СОН. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
12. ПАРАДИЗ II.
13. КСЮРХН. Из коллекции Лина КАРТЕРА
14. ХАРЯ И КУЛАК. Сказочки Федора СОЛОГУБА.
15. НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
16. ЦЫГАНСКИЙ РУБЛЬ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
17. ЧЕРНО-ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС ИЛИ ШОФЕР ОРАНЖЕВОГО ГРУЗОВИКА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
18. ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ. Из собрания Ивана СТЕКЛЯНИЩЕВА.
19. ДЕВОЧКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ. Из сборника «Вампиры в полночь».
20. ЛЕНИНИАДА. Из собрания Александра СЕГЕНЯ.
21. ТЕРАГРАМ. Из коллекции Айзека АЗИМОВА.
22. ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ ГЕНЕРАЛА К. А. ЛУГИНА. С комментариями компетентных органов.
23. ЗНАК САТАНЫ.
24. СМЕРТЬ В КАНЬОНЕ. Из собрания Сергея ДОЛЖЕНКО.
25. ПРИЗРАК ПРОБУЖДАЕТСЯ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
26. ТАИНСТВЕННЫЙ ДАР. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
27. СТАРИННОЕ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
28. ...ОТ ТЕМНОГО ПЛАМЕНИ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
29. РЫБКА ДЖОРДЖИ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
30. ЗЛАЯ ПАМЯТЬ ЖЕНЩИНЫ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
31. ПОД ПАЛЬЦАМИ БОГОВ. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
32. ЭПИЗОД ИСТОРИИ МЕЖДУВРЕМЕНЬЯ.
33. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ПРИХОДИЛА В ШЕСТЬ.

Распространением альманаха, журнала, библиотечки журнала «БОБОК» и подобной печатной продукции занимается Товарищество с ограниченной ответственностью «БОБОК».

Поставкой альманаха, журнала, библиотечки журнала «БОБОК» и любых других книжных и периодических изданий России занимается Agence «BOBOK».

Издательство «БОБОК» принимает заказы от граждан СССР, иностранных подданных и лиц без гражданства на издание произведений «за счет средств автора».

Адреса одноименных редакций, товарищества, издательства и агентства «БОБОК»:

Почтовый: 103104, Москва, К-104, а/я 26; телефонный (с 21 до 23 ч.): (095) 176-8087; присутственный (с 10 до 18 ч.): Москва, ул. Перовская, 47а, 2 подъезд 2 этаж; факсимильный (круглосуточно): (095) 263-0389, for Iv. LOGUINOV.

Сдано в набор 11.11.91 Подписано в печать 15.01.92
ЛР № 070057 от 26.07.91 г.
Формат 84×108$^1/_{32}$ Бумага типогр. № 1 Печать высокая
Усл. печ. л. 8,01 Уч.-изд. л. 8,4
Тираж 100 000 экз. Заказ 8643

Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ
140010, Люберцы-10, Моск. обл., Октябрьский пр-т, 403

SERVICE
de CONNAISSANCE
«BOBOK»

SERVICE
de CONNAISSANCE
«BOBOK»

SERVICE
de CONNAISSANCE
«BOBOK»

Вам надоел вид из Вашего окна, выходящего на заднюю стену котельной?

Вам уже неинтересно, в поисках экзотических впечатлений, в шестой раз осматривать заколоченную церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи?

Вам не нравится язык, на котором окружающие изъясняются в очередях и общественном транспорте?

Вы в достаточной степени толковы (красивы), чтобы обеспечить себе приличную (роскошную) жизнь не тем способом, к которому Вы вынуждены прибегать сейчас?

Стоит лишь написать нам, и мы Вам устроим вид на выбранный Вами пейзаж; организуем экскурсию в Храм Зуба Будды; посодействуем в получении приглашения туда, где все изъясняются на том языке, который Вы предпочитаете; найдем возможность занять Вас тем, чем Вам заниматься приятней.

Не забудьте сообщить о себе: имя, фамилию, возраст, рост, вес и пр.; образование, профессии, знание иностранных языков, круг интересов, чем занимаетесь сейчас, чем хотите заняться, адрес, телефон.

Настоятельно рекомендуем приложить фотографию в самом выигрышном Вашем виде.

Деньги в конверт вкладывать не нужно.

Наш адрес: 103104, Москва, К-104, а/я 26, SCB.

